НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый научный журнал
№ 2(38) 2023
Периодичность – 4 номера в год

Редакционная коллегия:
Главный редактор:
Чертыков В. К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Ответственный секретарь:
Челтыгмашева Л. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Члены редакционной коллегии:
Кискидосова Т. А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Ковалева О. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Чебочакова И. М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Челтыгмашева Л. В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Чистобаева Н. С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Редактор переводов:
Мечтанова Д. И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:
Абумова О. Д., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия
Арбачакова Л. Н., Институт филологии СО РАН, Россия
Ахматова М. А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Россия
Бакчиев Т. А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика
Борисов А. А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия
Булгутова И. В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия
Гергилев Д. Н., Сибирский федеральный университет, Россия
Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика
Дацышен В. Г., Институт демографических исследований РАН, Россия
Донгак У. А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия
Ефимова Л. С., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия
Ефремов Н. Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия
Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика
Жумагулов С. Б., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан
Зарбалиев Х. М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика
Карамашева В. А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия
Килуновская М. Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия
Кузьмина Е. Н., Институт филологии СО РАН, Россия
Курас Л. В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия
Кызласов И. Л., Институт археологии РАН, Россия
Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако
Мамбеталиев К. И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

12 +

Peer-reviewed academic journal
№ 2(38) 2023
The journal is published quarterly

Editorial Board:
Editor-in-Chief:
Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Executive secretary:
Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Members of the Editorial Board:
Tatyana A. Kiskidosova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Olga V. Kovalyova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Translator-reviser:
Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:
Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia
Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia
Talantaaly A. Bakchiev, National Academy "Manas", Kyrgyzstan
Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia
Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia
Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China
Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia
Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia
Lyudmila S. Efimova, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia
Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China
Sagymbai B. Zhumagulov, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan
Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan
Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia
Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia
Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco
Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan

Морозова О. Н., Амурский государственный университет, Россия
Мыльникова Л. Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Нам И. В., Томский государственный университет, Россия
Николаева Н. Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия
Ооржак Б. Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия
Осава Такаши, Университет Осаки, Япония
Раджабов К. К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Семенова В. Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия
Слюсаренко И. Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Соегов Мурадгелди, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Туркменистан
Султангареева Р. А., Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия
Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика
Уртегешев Н. С., Институт филологии СО РАН, Россия
Функ Д. А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Хамдамов У. А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Хуббитдинова Н. А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия
Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия
Цэдэндамбын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия
Чугунекова А. Н., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия
Шапауов А. К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан
Шульга П. И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Olga N. Morozova, Amur State University, Russia
Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia
Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia
Takashi Osawa, Osaka University, Japan
Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Valentina G. Semyonova, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia
Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Muratgeldi Soyegov, Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan
Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Teng Hai, Shanxi Datong University, China
Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Dmitry A. Funk, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia
Batbayar Tsedendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia
Alyona N. Chugunekova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia
Alibi K. Shapauov, Shoqan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan
Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Учредители:
Министерство образования и науки Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:
Бадаев В. Г.
Email: badaev@sayn-altai.ru

ISSN 2304-7488

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098
© Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2023
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2023

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Founders:
Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:
23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Tel.: +7 (3902) 22-31-71
www.sayan-altai.ru
Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:
Vladislav G. Badaev
Email: badaev@sayn-altai.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index
The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анайбан З. В.
Экономика Тувы сегодня: возможности занятости населения 4

Мохова А. В.
Деятельность органов здравоохранения Хакасии в годы Великой Отечественной войны 14

Троякова Ю. К.
Социальное обеспечение инвалидов и членов их семей в годы Великой Отечественной войны (на примере Хакасии) 19

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Абумова О. Д.
О проблемных зонах в сложноподчиненных предложениях при подготовке к ЕГЭ по русскому языку 25

Кызласов А. С.
Роль диалектной среды в процессе функционирования устного хакасского литературного языка 33

Фольклористика

Рахматов Й. Г.
Историческая эволюция узбекских народных пословиц 43

Тарбастаева И. С.
Овюрские эстрадные песни как маркер локальной идентичности 48

Турдимов Ш. Г.
Традиционные повторения в песнях 56

Литературоведение

Булгутова И. В.
Ли Бо на бурятском языке: поэтика и стилистика переводов Д. Улзытуева 60

Мижит Л. С.
Проникновенная лирика Сергея Пюрбю (влияние А. Пушкина на творчество С. Пюрбю) 66

Текенова У. Н.
Типология и эволюция жанра повести в алтайской литературе 73

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бурнаков А. А.
О хакасских шаманах и их деятельности во второй половине XX века: воспоминания очевидца 91

РЕЦЕНЗИИ

Ооржак Б. Ч.
Рецензия на монографию И.М. Чебочаковой «Роль глагола в словообразовательной системе хакасского языка» 101

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Zoya V. Anayban
Tuva's economy today: employment opportunities 5

Anna V. Mokhova
Activities of the health authorities of Khakassia in the years of the Great Patriotic War 14

Yulia K. Troyakova
Social security for disabled people and their family members during the Great Patriotic War (on the example of Khakassia) 27

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

Olga D. Abumova
On the problem areas in complex sentences during preparation for the Unified State Exam in the Russian language 25

Artyom S. Kyzlasov
Role of the dialect environment in the functioning of the spoken standard Khakass language 33

Folklore studies

Yoldosh G. Rakhmatov
Historical evolution of Uzbek folk proverbs 43

Inna S. Tarbastaeva
Ovyur pop songs as a marker of local identity 48

Shomirza G. Turdimov
Traditional repetitions in songs 56

Literary studies

Irina V. Bulgutova
Li Bo's poetry in the Buryat language: poetics and stylistics of translations by D. Ulzytuev 60

Lyudmila S. Mizhit
Soulful lyrics of Sergei Pyurbyu (A. Pushkin's influence on S. Pyurbyu's works) 66

Ulyana N. Tekenova
Typology and evolution of the novel genre in Altai literature 73

FIELD RESEARCH

Artas A. Burnakov
On Khakass shamans and their activities in the second half of the 20th century: the witness's recollections 91

REVIEWS

Baylak Ch. Oorzhak
Review of I. M. Chebochakova's monograph "Role of a verb in the word-formation system of the Khakass language" 101

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.001
УДК 94 (571.52)

ЭКОНОМИКА ТУВЫ СЕГОДНЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

З.В. Анайбан

Институт востоковедения РАН, ул. Рождественка, 12, Москва, 107031; email: anayban@mail.ru; ORCID ID: 0000–0002–7063–2375

В данной статье с использованием официальных статистических материалов исследуется сложившаяся на сегодняшний день экономическая ситуация в Республике Тыва. В этой связи рассматриваются основные характеристики социально-экономического развития региона, определяются тенденции дальнейшего развития, а также анализируются данные о позиции и месте, занимаемом им среди других субъектов Российской Федерации по ключевым показателям, и на этой основе показаны возможности занятости населения.

Ключевые слова: Тува, население, социально-экономические показатели, рейтинг, занятость, безработица.

TUVA'S ECONOMY TODAY: EMPLOYMENT OPPORTUNITIES

Zoya V. Anayban

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russia, email: anayban@mail.ru; ORCID ID: 0000–0002–7063–2375

This article examines the current economic situation in the Republic of Tuva using official statistical materials. In this regard, the main characteristics of the socio-economic development of the region are considered, trends for further development are determined, and data on the position and place it occupies among other subjects of the Russian Federation in terms of key indicators are analyzed and, on this basis, employment opportunities are shown.

Keywords: Tuva, socio-economic indicators, population, rating, employment, unemployment.

Введение

Изучение сложившейся на сегодняшний день социально-экономической ситуации в каждом конкретном регионе Российской Федерации относится к числу важнейших и актуальных задач исследования специалистов разных отраслей знания. Данное обстоятельство, кроме всего прочего, обусловлено тем, что масштабы и имеющийся потенциал экономического развития любого региона вкупе с его социальными характеристиками позволяют судить об уровне и условиях жизни местных жителей, о возможностях и степени их адаптации к современным реалиям. В данном случае предметом нашего исследования избрана Республика Тыва, социально-экономическое положение которой рассматривается на базе анализа ряда ее показателей, которые в итоге дали возможность выявить не только сильные и слабые стороны развития социально-экономических процессов в данном регионе, а также установить главные тенденции дальнейшего развития, но и определить рейтинг и место, занимаемое в общем ряду субъектов Российской Федерации.

Работа базируется как на опубликованных официальных статистических материалах, так и неопубликованных, которые были получены непосредственно в региональном Управлении государственной статистики Тувы, а также содержатся на официальных интернет-сайтах Росстата, Управления федеральной государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат).

Основная часть

Говоря об основных показателях социально-экономического развития Республики Тыва, обратимся, прежде всего, к ставшим в настоящее время довольно популярным разного рода рейтингам. Так, по данным Росстата, размещенным в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022», Республика Тыва по основным социально-экономическим показателям среди субъектов Российской Федерации в большинстве своем занимает далеко не лучшие позиции. Например, по такому важнейшему показателю, как валовый региональный продукт, регион находится на 80-м месте, тогда как соседние Республика Хакасия и Республика Алтай соответственно на 35 и 75 местах. В целом же сравнение этих ключевых показателей с аналогичными данными названных южносибирских регионов показывает, что по многим позициям Тува пока отстает от них. Особенно это касается таких знаковых индикаторов экономического развития, как добыча полезных ископаемых – соответственно 71, 46, 29, среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций – соответственно 53, 32, 29. С другой стороны, как видно из представленных материалов, в Туве существенно лучше ситуация, в первую очередь по сравнению с Республикой Хакасия, по вводу в действие жилых домов на 1000 человек населения – соответственно 18 и 71 *(табл. 1)*.

Таблица 1

Место, занимаемое регионами Южной Сибири по основным социально-экономическим показателям в 2021 г.

Table 1

The place occupied by the regions of South Siberia according to the main socio-economic indicators in 2021

Регионы	Республика Тыва	Республика Хакасия	Республика Алтай
Валовый региональный продукт	80	35	75
Инвестиции в основной капитал	68	84	49
Добыча полезных ископаемых	71	46	29
Продукция сельского хозяйства	70	75	69
Ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения	18	71	28
Оборот розничной торговли на душу населения	77	84	63
Среднедушевые денежные доходы	77	83	73
Среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций	53	32	29
Уровень занятости	77	84	64
Уровень безработицы	79	83	64
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	75	87	51

*Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб./Росстат. М., 2022. С. 35–36.

В этой связи заслуживает внимания также рейтинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации по итогам 2022 г., подготовленный по заказу РИА Новости агентством «РИА Рейтинг». Итоги рейтинга дают комплексную сравнительную

оценку позиций всех российских регионов, а также выявляют динамику их развития. В целом, как мы знаем, всякого рода кризисные явления последних лет, обусловленные в основе своей с коронавирусной инфекцией, не могли не отразиться на социально-экономической ситуации. И все же за счет принимаемых мер удалось стабилизировать положение как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах. Свидетельством тому тот факт, что, по данным названного агентства, в 2022 г., по сравнению с 2020 г., социально-экономическое положение 81 из 85 российских регионов улучшилось. В этом списке лидерами остаются Москва, Санкт-Петербург и Республика Татарстан, набравшие более 80 баллов. В числе аутсайдеров, как и в предыдущие годы, числятся Республика Тыва, Республика Калмыкия и Еврейская автономная область. При этом Тува по итогам 2022 г., как и ранее, занимает 83 место, хотя собственно ее интегральный рейтинг за последний год незначительно, но все же вырос – с 13,563 баллов в 2021 г. до 15,262 баллов в прошлом 2022 г. [Рейтинг…, 2023, с. 2].

Если обратиться к официальным статистическим материалам, показывающим темпы роста (снижения) отдельных социально-экономических характеристик в 2021 г. в сравнении с предыдущим годом (из числа доступных на сегодняшний день), видно, что в Туве на фоне определенного возрастания таких показателей, как промышленное производство (107,6%), оборот розничной торговли (109,7%), реальные потребительские расходы населения (110,6%), продукция сельского хозяйства (102,7%), реальные денежные доходы населения (103%), в то же время заметное понижение наблюдалось в первую очередь в таких сферах, как инвестиции в основной капитал (68,2%), валовый региональный продукт (95,4%), ввод в действие жилых домов (97,8%), реальная начисленная заработная плата работников организаций (98,1%) [Регионы России. Социально-экономические показатели…, 2022, с. 26–27].

Между тем существенные изменения в этой сфере, своего рода качественный скачок в развитии отдельных отраслей экономики был зафиксирован в прошедшем 2022 г. Как было сказано в ежегодном Отчете Правительства Тувы, по основным макроэкономическим показателям республика завершила 2022 г. с позитивной динамикой. Так, индекс промышленного производства относительно 2021 г. составил 137,1%. Рост объемов промышленного производства в основном обеспечили организации по добыче полезных ископаемых (индекс производства – 147,6%). Увеличены объемы добычи угля и металлических руд (индекс производства – 122,3%). В обрабатывающем производстве индекс составил 114,5% [Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва…, 2023, с. 27].

Поскольку, как известно, главным индикатором, по которому можно судить в целом об уровне экономического развития того или иного региона, является такой важнейший его макроэкономический показатель как валовый региональный продукт (ВРП), целесообразно остановиться на нем отдельно. В структуре валового регионального продукта в 2020 г. основными видами экономической деятельности являлись: государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение – 18,4%; деятельность в области здравоохранения и социальных услуг – 15,2%; образование – 12,2%; добыча полезных ископаемых – 11,7%; деятельность по операциям с недвижимым имуществом – 8,9%. В объеме инвестиций в основной капитал 21,6% заняли собственные средства, 78,4% – привлеченные средства [Регионы России. Основные характеристики…, 2022, с. 652].

Прежде всего, следует отметить, что в настоящее время Тува по этому показателю – валовому региональному продукту, пожалуй, впервые демонстрирует очевидные успехи и позитивные сдвиги. Об этом же говорилось в недавнем ежегодном Послании Верховному Хуралу (парламенту) Республики Тыва. Так, глава республики В. Т. Ховалыг в своем выступлении особо отметил, что наблюдаемый рост объемов промышленного производства относительно прошлого 2021 г. выделяется даже на федеральном уровне. Такого роста удалось во многом добиться за счет возобновления

добычи угля компанией «Межегейуголь». Стабильность показывает горнодобывающее предприятие «Лунсин», которое наращивает свой потенциал, является крупным налогоплательщиком, занимает передовые позиции на рынке труда. Серьезный вклад в рост промышленного производства вносят предприятия, созданные в рамках Индивидуальной программы социально-экономического развития Тувы [Послание…, 2023, с. 3].

Вместе с тем нельзя не признать, что эти позитивные процессы, наблюдаемые в сфере развития промышленного производства Тувы, достигнуты главным образом, как и прежде, за счет добычи сырья. Кстати, еще десять лет назад на эту перспективу развития экономики Тувы указывали местные экономисты, когда в сибирских регионах активно обсуждался представленный в то время проект «Стратегия Сибири: партнерство власти и бизнеса во имя социальной стабильности и устойчивого роста» (2005 г.). Так, А. Д. Бегзи в своей работе, говоря о планируемых в рамках реализации данного проекта задачах освоения месторождений полезных ископаемых в этом регионе, пришел к выводу, что «очередной этап индустриализации Тувы имеет ярко выраженную сырьевую направленность и на передний план в качестве специализирующей отрасли экономики республики снова, как в 60–80-е гг. прошлого века, выдвигается добывающая промышленность. Остальные отрасли промышленности будут иметь статус сопряженных и обеспечивающих» [Бегзи, 2011, с. 20]. Однако позже, по истечении некоторого времени, А. Д. Бегзи уже пишет, что «на фоне изменившейся конъюнктуры мирового и российского сырьевых рынков к середине 2010-х гг. крупные российские и иностранные компании стали проявлять интерес к освоению недр Тувы, прежде всего, каменного угля и цветных металлов. Начался процесс восстановления сельскохозяйственных предприятий. Увеличился объем и изменилась структура капиталовложений, при этом существенно возросли объемы внебюджетных, в т. ч. иностранных инвестиций. Возросли среднедушевые доходы населения, показатели розничного товарооборота и платных услуг, улучшились сетевые показатели социальной сферы. Однако в целом позитивный экономический процесс проходил медленно, в вялотекущем режиме… [Бегзи, 2017, с. 104]. Между тем нельзя не признать, что в действительности в течение последних нескольких десятилетий в Туве был осуществлен большой объем мероприятий в целях создания новых производственных мощностей, совершенствования и расширения системы профессионального обучения и новых рабочих мест, развития здравоохранения, образования, науки, культуры.

Сравнение данных, касающихся производства валового регионального продукта в Республике Тыва, показывает, что его постепенный рост наблюдался непосредственно в течение последнего десятилетия (табл. 2). Если Тува за эти годы, хотя и не догнала соседние регионы по этому важнейшему индикатору развития экономики, все же не уступала им в темпах его роста, что, безусловно, относится к числу значимых и отличительных характеристик экономического развития этого региона в современный период.

Таблица 2

Показатели ВРП в регионах Южной Сибири в разные годы (млн руб.)*

Table 2

Gross Regional Product (GRP) indicators in the regions of South Siberia in different years (million rubles)*

Регионы	2010 г.	2015 г.	2020 г.
Республика Алтай	108729,5	196639,2	283451,4
Республика Тыва	99999,9	150265,5	251799,9
Республика Хакасия	180352,1	317763,6	500422,8
Сибирский федеральный округ	222853,7	369286,3	529091,0

*Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб./Росстат. М., 2022. С. 463.

Этот факт неоднократно отмечался как в прессе, так и в статистических отчетах разного уровня. К примеру, в «Обзоре социально-экономического положения регионов Российской Федерации» впервые было отмечено, что лидером по росту промышленного производства за 9 месяцев 2022 г. стала Республика Тыва. Здесь произошел существенный рост в сфере добычи полезных ископаемых (+43,2%) [Обзор…, 2022].

Руководство республики продолжает уделять большое внимание вопросам привлечения инвестиций в местную экономику и повышения их эффективности. Так, например, в 2022 г. общий объем вложений в основной капитал был заметно выше, чем в предыдущем году (почти на 20%), а в 2023 г. планируется его дальнейшее увеличение. При этом удельный вес частных инвестиций превышает половину общего объёма. Важно также заметить, что существенный рост инвестиций в основной капитал, по замыслу руководства республики, предполагается от дальнейшего использования минерально-сырьевой базы. Например, планируется продолжение строительства Межегейского угольного комплекса и шахты «Лунсин», строительство горно-обогатительного комплекса на Ак-Сугском, Кызык-Чадрском, Кара-Бельдирском и Тастыгском месторождениях. Кроме того, немалые средства задействованы в проекты комплексного жилищного строительства, в числе которых микрорайоны «Правобережный», «Радиостанция», «Юбилейный», «Спутник», «Иркутская». Следует также подчеркнуть, что по итогам 2022 г. республика занимает 20-е место в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, что можно расценивать как перспективный фактор дальнейшего расширения этой сферы.

В Туве и в наши дни основной отраслью республики, как и прежде, является сельское хозяйство. Не случайно, в аграрный сектор региональной экономики только за последнее время вложено более 1 млрд руб. В этой отрасли развиты мясное скотоводство, овцеводство, козоводство и коневодство. Регистрируемый рост сельскохозяйственного производства в основе своей связан с продукцией животноводства, которое составляет, как и прежде, львиную долю валовой продукции сельского хозяйства – от 70% до 80%. В общей численности некоторых видов скота доля Тувы в целом по России довольно значительна. Из года в год фиксируется заметный прирост разных видов поголовья. В частности, по численности поголовья мелкого рогатого скота Тува занимает 5-е место в Российской Федерации. В ряду актуальных экономических задач региона стоит строительство и открытие крупного завода по переработке мясной продукции. Сегодня в республике заканчивается восстановление и готовится запуск цеха по переработке конины. Что касается других отраслей аграрного сектора, то отметим, что, к примеру, в растениеводстве на данном этапе прослеживается тенденция увеличения валового сбора зерновых культур, картофеля, овощей. В Тандинском кожууне (районе) построено и работает крупное зернохранилище. Планируется возведение подобных зернохранилищ в нескольких других районах республики, в том числе строительство цеха по производству гранулированных кормов, а также активизируется работа по созданию предприятия по производству разных круп. В Кызылском районе, расположенном по соседству со столицей республики, полным ходом идет строительство овощехранилища с цехом по консервированию овощей. Таким образом, в этой важнейшей отрасли республики по всем направлениям идет восстановление утраченного, как-то налаживание ветеринарного дела и мелиоративного хозяйства, предприняты реальные действия по переработке сельскохозяйственной продукции. По-прежнему большое внимание здесь уделяется развитию и приумножению аратских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств, которые являются основными производителями сельскохозяйственной продукции.

Оборот розничной торговли в 2021 г. в сопоставимых ценах к 2020 г. составил 109,7%. Однако, несмотря на некоторый рост индекса физического объема оборота розничной торговли, по уровню этого показателя

на душу населения республика так же, как и в 2020 г., осталась в списке субъектов Российской Федерации на 84-м месте. В структуре оборота розничной торговли удельный вес пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий составил 48,3 %, непродовольственных товаров – 51,7 %, что примерно столько же, что и в предыдущем 2020 г. – соответственно 49,9 % и 50,1 %. Оборот общественного питания составил за это же время 109,9 % [Регионы России. Основные характеристики…, 2022, с. 659].

О наметившихся позитивных тенденциях в этой сфере свидетельствуют данные последнего времени, когда, по материалам Росстата, в I квартале 2023 г. оборот розничной торговли в Туве вырос на 4,6 %. И по этому показателю республика оказалась на втором месте в стране после Алтая. Более половины оборота, или 51,3 %, формировалось индивидуальными предпринимателями. Несколько увеличили свою долю продаж малые предприятия (с 5,5 % до 6,8 %). В то же время другие, в том числе микробизнес, рынки и ярмарки, а также крупные магазины и торговые центры немного сократили объемы [Тува вышла на второе место в России…, 2023].

Наблюдаемая активизация жилищного строительства уже сейчас приносит свои плоды. К примеру, по последним эмпирическим данным, в данном регионе обеспеченность жильем на душу населения по сравнению с пяти-семилетней давностью возросла почти на 10 %. Сегодня по всем государственным программам и национальным проектам ведется строительство и капитальный ремонт на более чем девятистах объектах. В микрорайонах комплексной застройки планируется возведение 176 многоквартирных домов. В 2023 г. полностью завершается программа переселения из аварийного и ветхого жилья, в результате чего тысячи семей улучшат свои жилищные условия [Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2022 год…, 2023].

Проблема труда и занятости населения является неотъемлемой составной частью социально-экономического развития любого региона. В настоящее время Республика Тыва по уровню занятости населения среди субъектов Российской Федерации занимает 77-е место, для сравнения скажем, что Хакасия по этому показателю стоит на 84-м месте, Республика Алтай – на 64-м [Регионы России. Социально-экономические показатели…, 2022, с. 35–36].

Наибольшая часть специалистов, как и раньше, сосредоточена в отраслях непроизводственной сферы, в особенности в просвещении, здравоохранении и управлении. Более того, судя по материалам, размещенным в одном из статистических сборников, посвященным Туве, по меньшей мере, за последние пять лет, начиная с 2018 г., численное соотношение работающих в этих отраслях практически не изменилось, т. е. осталось примерно на том же уровне [Статистический ежегодник Республики Тыва…, 2023, с. 32–33]. Кроме того, в Туве в процессе социально-экономического развития в структуре занятости населения растет доля несельскохозяйственных отраслей сферы материального производства. Надо также сказать, что изменения в социальной структуре населения в должной степени обусловлены появлением частного предпринимательства и, соответственно, занятостью определенной части работников в негосударственном секторе. Что касается вопроса качества трудовых ресурсов, заметим, что не так давно, по данным нашего исследования, с точки зрения экспертов, наиболее низкое качество отмечалось в отраслях сельского хозяйства республики, которая была и остается самой многочисленной по количеству занятых отраслью материального производства.

В свете рассматриваемого вопроса несколько слов следует сказать о миграции, поскольку направление и динамика миграционных потоков так или иначе отражается на трудовой занятости и на рынке труда в целом. В числе особенностей миграционной ситуации в Туве следует назвать сохраняющееся по сей день преобладание миграционной убыли или отрицательное сальдо миграции. Очевидно, что устойчивый отток населения из региона также следует рассматривать как индикатор социального неблагополучия,

естественной реакции активной части населения на неудовлетворенность условиями жизни в республике, желания переместиться в регионы с более комфортными возможностями для самореализации, недостаточной привлекательности региона по сравнению с другими территориями. В итоге миграционные процессы в данном регионе, с одной стороны, как в других регионах, не оказывают столь действенного влияния на формирование и изменение структуры занятых трудом, с другой – данное обстоятельство, бесспорно, сужает и ограничивает возможности пополнения трудовых резервов республики специалистами необходимой квалификации.

Из приведенной ниже табл. 3 видим, что, если в последние пять-шесть лет в республике в целом общая численность рабочей силы особо не изменилась, то за это же время численность официально зарегистрированных безработных особенно заметно возросла в 2020 г., но в последующий год стала резко понижаться.

Таблица 3

Численность рабочей силы, занятых и безработных в Республике Тыва (тыс. чел.)*

Table 3

Number of labor force, the employed and unemployed in the Republic of Tuva (thousand people)*

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Численность рабочей силы – всего					
в том числе:	126,7	127,4	116,9	130,7	127,0
занятые – всего	103,6	108,5	102,5	107,2	108,0
безработные – всего	23,1	18,8	14,4	23,5	19,1
Лица, не входящие в состав рабочей силы – всего	86,2	86,4	98,7	87,2	94,0
из них потенциальная рабочая сила – всего	12,1	9,6	10,8	11,5	9,0
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец года) – всего	4764	4903	5050	17631	10951

*Статистический ежегодник Республики Тыва. 2022. Стат. сб./Красноярскстат. Красноярск, 2022. С. 58.

Безусловно, отмечаемое улучшение общего климата экономического положения Тувы последнего времени не могло не сказаться на проблеме трудовой занятости населения, которая с давних пор, как мы знаем, в сущности, на протяжении всего постсоветского периода относится к числу острых проблем региона. В упомянутом Послании председателя правительства особо подчеркивалось, что, несмотря на имеющиеся сложности, в настоящее время в Туве ситуация на рынке труда остается стабильной. Численность официально зарегистрированных безработных граждан в республике за 10 месяцев 2022 г. уменьшилась на 43% по сравнению с прошлым годом. Численность занятых в сфере малого и среднего бизнеса, включая самозанятых, возросла на 20% [Послание…, 2023, с. 7]. Таким образом, борьба с безработицей, которая была на протяжении долгого времени одной из важных социально-экономических проблем республики, практически только сейчас дала ощутимые позитивные результаты. Кроме всего прочего, для наших дней характерна заметная активизация проводимых в это время разного рода действий и мероприятий, направленных на поддержку безработных граждан.

По данным Министерства труда и социальной политики Республики Тыва, в 2022 г. в соответствии с методологией Международной организации труда уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше составил 9,5%, в том числе среди мужчин этот показатель достигал 12,3%, среди женщин – 6,9%, среди городского населения – 8,15, среди сель-

ского – 12,0%. Доля молодежи до 25 лет среди безработных составляла 23,9%, лиц в возрасте 50 лет и старше – 5,8%. Средний возраст безработных был 33,7 года [Социально-экономическое положение Республики Тыва…, 2023, с. 82–83].

Во многом этому способствовал запуск новых производств и создание на этой основе новых рабочих мест. Так, если в декабре 2021 г. потребность работодателей в работниках, заявленных в органах службы занятости населения, была 997 чел., то через год, в декабре 2022 г., эта цифра возросла в 1,5 раза – 1383 чел. В результате этого численность трудоустроенных безработных в декабре 2022 г. составила 990 чел., что на 69,2% больше, чем в декабре 2021 г. [Социально-экономическое положение Республики Тыва…, 2023, с. 84].

Понятно, что в данном случае определенную лепту внесла стартовавшая в 2020 г. «Индивидуальная программа социально-экономического развития Тувы», курируемая Правительством России, благодаря которой в Туве за последние два года было создано около 700 новых рабочих мест, что достаточно ощутимо для относительно небольшого по численности населения региона. Так, например, на высокотехнологичном предприятии «Межегейуголь» в настоящее время числится около 400 человек, при этом более 100 из них благодаря расширению штата приступили к работе в 2022 г., а на горнодобывающем комбинате «Лунсин» трудятся 900 жителей Тувы. Добавим также, что в отмечаемом улучшении общей ситуации с трудовой занятостью в регионе определенную роль сыграл и тот факт, что относительно недавно здесь было разработано специальное положение для инвесторов, в котором в том числе говорилось о необходимости комплектования персонала принадлежащих им подразделений не менее чем на 60% из числа местных жителей.

Учитывая, что одним из важнейших вопросов в социальной сфере является формирование кадров нового поколения, применительно к Туве следует помнить, что требуется серьезная переквалификация специалистов с учетом условий и требований мировой модернизации и глобализации. Современная действительность диктует необходимость своевременного проведения работы по профессиональной ориентации молодежи. Надеемся, что весомую лепту в это дело внесет принятая в этом году республиканская программа «Стратегия развития системы профессиональной ориентации детей и молодежи до 2025 года».

Заключение

Итак, признавая очевидные успехи и достижения в важнейших отраслях экономики Тувы, демонстрируемые в наши дни, все же следует сказать, что республика по многим значимым социально-экономическим характеристикам заметно отстает от других российских регионов, включая соседние республики. Вместе с тем в республике в ряду наблюдаемого в целом уменьшения инвестиций в основной капитал, все еще остающихся низких доходов населения, недостаточного ввода в действие жилых домов отмечается рост промышленного производства, увеличение численности населения, хотя и незначительное, но возрастание показателя продолжительности жизни, рост в отдельных отраслях аграрного сектора.

Сравнение рейтинговых позиций, занимаемых Республикой Тыва в Российской Федерации и Сибирском федеральном округе по основным социально-экономическим показателям, с нашей точки зрения, достаточно адекватно отражает ее положение и место в общем списке регионов, показывая «плюсы» и «минусы» в создавшейся ситуации и давая своего рода определенные ориентиры в преодолении и успешном решении актуальных региональных проблем. Как свидетельствуют данные официальной статистики, и, как мы отмечали в предыдущей работе, выполненной совместно с экономистом Г. Ф. Балакиной, в целом «для роста ряда макроэкономических показателей в Республике Тыва в 2015–2021 гг. – валового регионального продукта, продукции сельского хозяйства, объема инвестиций в основной капитал, уровня зарегистрированной безработицы – была характерна нестабильность (чередование подъемов и спадов)» [Балакина, Анайбан, 2022, с. 41].

В ракурсе первостепенных и приоритетных направлений, нацеленных на благоприятное развитие экономических процессов, следует назвать укрепление реального сектора экономики, предпринимательской деятельности и привлечение инвестиций. В связи с этим, безусловно, необходима разработка конкретных программ экономического развития и социальной поддержки региона с учетом его региональной и этнической специфики. Одним словом, перед правительством республики и ее жителями стоят серьезные задачи по решению разноплановых социально-экономических проблем и на этой основе создания достойных условий жизни в регионе. Между тем Республика Тыва имеет весь необходимый потенциал по вовлечению в хозяйственный оборот трудовых и природных ресурсов, а также объективные предпосылки для того, чтобы в недалекой перспективе стать одним из звеньев экономического роста Сибири. В этой связи будет уместным привести слова председателя правительства республики, озвученные им в упомянутом Послании: «Сегодня и завтра нам нужны рабочие руки и для строек, и для новых промышленных предприятий, развития общественного транспорта, новых учреждений образования и здравоохранения. Работа ждет тружеников разных специальностей и разной квалификации. Пока труд не станет потребностью человека, пока не изживём иждивенчество и инертность, мы не сможем добиться развития и благополучия [Послание…, 2023, с. 13].

Литература

Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Социально-экономические процессы в Республике Тыва в 2015–2021 гг. // Природные ресурсы, среда и общество. 2022. №3 (15). С. 31–41. DOI: 10.24412/2658–4441–2022–3-31–41

Бегзи А. Д. Будет ли экономика Сибири прирастать Тувой? // Новые исследования Тувы. 2011. №1. С. 14–34.

Бегзи А. Д. Экономика советской Тувы: достижения, проблемы и уроки // Новые исследования Тувы. 2017. №4. С. 94–108. DOI: 10.25178/nit.2017.4.5.

Обзор: социально-экономическое положение регионов РФ за 9 месяцев 2022 г. [Электронный ресурс] URL: htpps://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html (дата обращения: 15.01.2023).

Отчет о результатах деятельности Правительства Республики Тыва за 2022 год и о приоритетных направлениях деятельности на 2023 год. 66 с. [Электронный ресурс] URL: https://rtyva.ru/upload/iblock/2c1/vknovhxtzdzfxzuh8m5pirl4907p913s/22584 (дата обращения: 10.05.2023).

Послание Главы Республики Тыва Верховному Хуралу (парламенту) Республики Тыва. 14 с. [Электронный ресурс] URL: https://rtyva.ru/press_center/news/politics/50356/ (дата обращения: 21.04.2023).

Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 853 с. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Sub_2022.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022 (дата обращения: 05.01.2023).

Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2022 года [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (дата обращения: 16.05.2023).

Республика Тыва в цифрах 2022. Красноярскстат. Красноярск, 2023. 169 с. [Электронный ресурс] URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814 (дата обращения: 03.02.2023).

Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2022 году. Красноярскстат. Красноярск, 2023. 107 с. [Электронный ресурс] URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2–03 (дата обращения: 15.05.2023).

Статистический ежегодник Республики Тыва 2022. Красноярскстат. Красноярск, 2023. 443 с. [Электронный ресурс] URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814 (дата обращения: 08.02.2023).

Тува вышла на второе место в России по росту оборота розничной торговли. [Электронный ресурс] URL: https://tuvapravda.ru/ (дата обращения: 21.05.2023).

References

Balakina G. F., Anayban Z. V. Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy v Respublike Tuva v

2015–2021 gg. [Socio-economic processes in the Republic of Tuva in 2015–2021]. *Natural resources, environment and society*, 2022, no. 3 (15), pp. 31–41. (In Russian).

Begzi A. D. Budet li ekonomika Sibiri prirastat' Tuvoi? [Will the economy of Siberia grow in Tuva?]. *The New Research of Tuva*, 2011, no. 1, pp. 14–34. (In Russian).

Begzi A. D. Ekonomika sovetskoy Tuvy: dostizheniya, problemy i uroki [Economy of Soviet Tuva: Achievements, Problems and Lessons]. *The New Research of Tuva*, 2017, no. 4, pp. 94–108. (In Russian).

Obzor: sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie regionov RF za 9 mesyatsev 2022 goda [Review: socio-economic situation of the regions of the Russian Federation for 9 months of 2022]. URL: https://riarating.ru/regions/20221226/630235161.html (accessed on January 15, 2023). (In Russian).

Otchet ob itogakh deyatel'nosti Pravitel'stva Respubliki Tuva za 2022 god i o prioritetnykh napravleniyakh deyatel'nosti na 2023 god, 66 p. [Report on the results of the activities of the Government of the Republic of Tuva for 2022 and on priority areas of activity for 2023]. URL: https://rtyva.ru/upload/iblock/2c1/vknovhxtzdzfxzuh8m5pirl4907p913s/22584 (accessed on May 10, 2023). (In Russian).

Poslanie Glavy Respubliki Tuva Verkhovnomu Khuralu (parlamentu) Respubliki Tuva, 14 p. [Message from the Head of the Republic of Tuva to the Supreme Khural (parliament) of the Republic of Tuva]. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/politics/50356/ (accessed on April 21, 2023). (In Russian).

Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii. 2022. Rosstat. Moscow, 2022, 853 p. [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Sub_2022.pdf (accessed on March 15, 2023). (In Russian).

Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2022. Rosstat. Moscow, 2022, 1122 p. [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022. Rosstat]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022 (accessed on January 05, 2023). (In Russian).

Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya regionov v 2022 g. [Rating of the socio-economic situation of the regions in 2022]. URL: https://ria.ru/20230515/polozhenie_regiony-1870956129.html (accessed on May 16, 2023). (In Russian).

Respublika Tuva v tsifrakh 2022. Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2023, 169 p. [Republic of Tuva in numbers 2022]. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814 (accessed on February 03, 2023). (In Russian).

Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Respubliki Tuva v 2022 godu. Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2023, 107 p. [Socio-economic situation of the Republic of Tuva in 2022]. URL: https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.37.2–03 (accessed on May 15, 2023). (In Russian).

Statisticheskii yezhegodnik Respubliki Tuva 2022. Krasnoyarskstat. Krasnoyarsk, 2023, 443 p. [Statistical Yearbook of the Republic of Tuva 2022]. URL: https://24.rosstat.gov.ru/folder/45814 (accessed on February 08, 2023). (In Russian).

Tuva vyshla na vtoroe mesto v Rossii po rostu oborota roznichnoi torgovli [Tuva ranks second in Russia in terms of retail trade turnover growth]. URL: https://tuvapravda.ru/ (accessed on May 21, 2023). (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.002
УДК 94 (571.513)«1941/1945»: 614.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ХАКАСИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. В. Мохова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 92/1, Абакан, Россия; email: anna.mokhova@yandex.ru

В статье анализируется деятельность органов здравоохранения Хакасской автономной области по медицинскому обслуживанию как гражданского, так и эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны. Не осталось в стороне освещение вопроса подготовки медицинских кадров для нужд регионального здравоохранения. Наряду с этим на основе архивных материалов показаны противоречивые тенденции в сфере отечественного здравоохранения в указанный период.

Ключевые слова: медицина, здравоохранение, медицинские кадры, Великая Отечественная война, эвакуация, эвакогоспитали, заболеваемость, гражданское население.

ACTIVITIES OF THE HEALTH AUTHORITIES OF KHAKASSIA IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Anna V. Mokhova

N. F. Katanov Khakass State University, 92/1 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: anna.mokhova@yandex.ru

The article analyzes the activities of the health authorities of the Khakass Autonomous Region in providing medical care to both civilians and the evacuated population during the Great Patriotic War. The coverage of the issue of training medical personnel for the needs of regional health care was not left aside. Along with this, on the basis of archival materials, contradictory trends in the field of domestic healthcare in the specified period are shown.

Keywords: medicine, healthcare, medical personnel, the Great Patriotic War, evacuation, evacuation hospitals, morbidity, civilian population.

Введение

Здравоохранение является одной из важнейших составляющих социальной сферы государства. Его основные функции по сохранению и укреплению здоровья населения, предупреждению болезней, снижению смертности и инвалидности, повышению рождаемости и т. д. являются актуальными и в настоящее время. Во время эпидемий и войн роль медицинских кадров особенно возрастает, так как от их деятельности зависит сохранение человеческих жизней и благополучие санитарно-эпидемиологической обстановки в стране. Цель данной статьи – анализ деятельности органов здравоохранения Хакасской автономной области в годы Великой Отечественной войны.

Основная часть

С началом войны вся работа советских, партийных и хозяйственных органов страны была перестроена на военный лад в соответствии с государственными директивами. Перестройка осуществлялась по четырем основным направлениям: организационные изменения, расширение медико-санитарной сети в связи с эвакуацией промышленных и людских ресурсов, выделение приоритетных участков в работе медицинских и лечебных учреждений, разработка новых форм и методов медицинского обслуживания населения. Стоит отметить, что советским медикам удалось применить новую систему лечебно-эвакуационного обслуживания армии и гражданского населения. Большую роль сыграл медицинский опыт в годы гражданской войны и военных действий на Дальнем Востоке.

На начальном этапе войны на первый план была выдвинута противоэпидемическая работа, так как ухудшение жилищно-бытовых условий и эвакуационные мероприятия вызвали рост вспышек инфекционных болезней (малярия, дифтерия, туберкулез, септическая ангина, оспа и др.). К противоэпидемической деятельности привлекли всех медицинских работников, независимо от их специальности. Постановления высших государственных органов о мероприятиях по предупреждению и выявлению инфекционных заболеваний в стране и в армии имели важное значение и выполнялись на местах беспрекословно.

В Хакасской автономной области совместная противоэпидемическая деятельность медицинского персонала и партийных и советских органов имела положительные результаты. В течение второй половины 1941–1943 гг. в области действовали чрезвычайные противоэпидемические комиссии, открылись санпропускники и дезинфекционные учреждения[1]. Данные мероприятия продолжились и в следующем году. Совместными усилиями медицинских работников, партийных и общественных организаций области инфекционные вспышки в кратчайшие сроки были ликвидированы.

Боевые действия осени 1941 г. показали всю сложность обстановки. Росло количество раненых бойцов, требовались эвакуация промышленных объектов и гражданского населения в глубь страны, реорганизация системы здравоохранения и т. д. В октябре 1941 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзного комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии» был организован одноименный комитет, создание которого, а также областных, краевых и республиканских комитетов, сыграло важную роль в улучшении работы госпиталей [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1985, с. 224]. На них возлагалась организация широкой общественной помощи органам здравоохранения в обслуживании больных и раненых. Комитеты взяли шефство над госпиталями, оказывали помощь в приеме и размещении раненых, ремонте помещений, приобретении оборудования и инвентаря, сборе и распределении подарков, осуществляли культурно-просветительскую работу.

Хакасия, как и другие удаленные от фронта регионы страны, стала местом эвакуации раненых бойцов и гражданского населения. По итогам заседания Хакасского обкома ВКП (б) в октябре 1941 г. был создан Хакасский областной комитет помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной Армии. Председателем комитета стал И. Ф. Спирин, его заместителем – В. Д. Афанасьев.

В начале осени 1941 г. в Хакасию стали прибывать первые эвакогоспитали (№№ 1398, 3360, 3364, 2100, 3438, 1928, 3491). К концу года в Хакасской автономной области насчитывалось 12 эвакогоспиталей[2]. Их обустройство происходило полностью за счет местных средств. Эвакогоспитали разместились в зданиях средних школ №№ 1, 3, 10 г. Абакана, средней и неполной средней школ г. Черногорска, Абаканских педагогического и медицинского училищ, учительского института, на базе городских больниц гг. Абакана и Черногорска, Абаканского горсовета, в помещении треста «Хакасзолото». Почти все эвакогоспитали на территории Хакасии были преимущественно общехирургическими, лишь два являлись специализированными: № 3491 – челюстной, № 1398 – сортировочный. В функции последнего входили сортировка раненых и отправка их по лечебным учреждениям области. Острым оставался кадровый вопрос. Согласно архивным источникам, на тот период в регионе не хватало 69 врачей, из которых по г. Абакану – 15 чел., Таштыпскому району – 5, Ширинскому – 6, Саралинскому – 5, Усть-Абаканскому – 4, Аскизскому – 7, Боградскому – 4, Бейскому – 3 и по областному отделу здравоохранения – 20 чел.[3] Многие врачи совмещали по несколько

[1] Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 865. Л. 11.

[2] Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 1.

[3] НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д.814. Л. 39 об.

должностей, несли ночные дежурства, по ходу работы обучали младший медицинский персонал. В соответствии с приказом Наркомздрава СССР от 27 ноября 1941 г. «О повышении квалификации врачей эвакогоспиталей в области хирургии» были организованы курсы без отрыва от производства для повышения квалификации врачей по хирургии, к работе в эвакогоспиталях привлекались все врачи нехирургических специальностей[1]. Однако дефицит врачебных кадров в Хакасской автономной области продолжал ощущаться.

В начале 1943 г. в Красноярском крае функционировало 40 эвакогоспиталей на 17250 коек,[2] из которых уже 13 госпиталей располагались на территории Хакасии: один (№ 2511) – на оз. Шира на 800 коек, имевший спецназначение долечивания раненых путем грязелечения и физиотерапии, второй – в Абакане (№ 1782, хирургический, эвакуированный из Харькова) в зданиях фельдшерско-акушерской школы и педучилища на 900 коек, имевший ортопедическое отделение во главе с высококвалифицированным ортопедом П. И. Музыченко. На базе физиолечебницы и двух отделений Абаканской городской больницы развернулся полевой эвакогоспиталь № 2510, там работали врачи И. С. Сухова, В. Г. Спирина, Г. А. Шапошникова, А. И. Соловьева, В. Г. Леонтьева, Д. Г. Замолоцкая, В. Г. Чистаева, медсестры М. А. Баинова, К. М. Маслова, Е. Н. Никифорова, А. И. Винокурова и др.[3] Часть госпиталей на территории региона была реэвакуирована в центральную часть страны.

Существенное значение для успешной деятельности госпиталей имели правильная организация лечебно-диагностической работы, внедрение методов комплексного лечения ранений и заболеваний, использование современных достижений медицины. Весомый вклад в восстановление раненых и больных внесли хирурги Ф. А. Гергенредер, П. И. Музыченко и др. В организации помощи раненым деятельное участие приняли члены Российского общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Они развернули массовую подготовку медсестер и санитарных дружинниц и инструкторов, оказывали помощь инвалидам войны и их семьям. Местное население также оказывало помощь медицинскому персоналу и раненым в эвакогоспиталях: сбор лекарственных растений, заготовка мела и известняка, пошив одежды, изготовление мебели и инвентаря, уход за больными и т. д. Школьники устраивали для раненых концерты, читали литературу и газеты, оказывали помощь в написании писем родным и близким и т. д. По подсчетам П. И. Чебодаева, медицинские сотрудники госпиталей Хакасской автономной области вылечили и вернули на боевые позиции более 10 тыс. раненых [Чебодаев, 2005, с. 59], члены актива Российского Общества Красного Креста и Красного Полумесяца подготовили более 1003 медсестер, 1174 санитарных дружинниц, 430 санинструкторов [Чебодаев, 2005, с. 22].

Большого напряжения сил потребовало медико-санитарное обслуживание эвакуированного населения. К началу ноября 1941 г. в Хакасию прибыли в эвакуацию 12397 чел. из Украины, Белоруссии, Ленинграда, Москвы, западных и южных областей РСФСР [Очерки истории Хакасской партийной организации КПСС, 1987, с. 153–154]. В числе эвакуированных были специалисты различного профиля, в том числе и квалифицированные медицинские работники. Их прибытие в регион в некоторой степени помогло ликвидировать «кадровый голод». На начало 1942 г. в Хакасской автономной области насчитывалось 115 врачей, из них в городской местности – 81 чел., из общего количества женщин-врачей – 65 чел.[4] В числе эвакуированных врачей были Л. Н. Никифорова, Н. Я. Жодзишский, Н. А. Горбатюк, И. А. Кораблева, Е. П. Мельникова, Л. В. Караваева, Е. А. Епифанова, Н. Г. Соколова, М. М. Калинина и др. Многие из них после войны вернулись на свое прежнее место работы.

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. П-603. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

[2] Там же. Ф.П-603. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.

[3] Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 1039. Л. 15.

[4] НАРХ. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 297. Л. 6.

Война внесла существенные изменения в работу медицинских вузов страны. Большинство преподавателей учебных заведений были призваны в армию для организации квалифицированной медицинской помощи на фронте. К началу войны количество врачей в Сибири уменьшилось на две трети, среднего медицинского персонала – вдвое [Давыдова, 1999, с. 18]. Многие медицинские вузы взяли шефство над эвакогоспиталями, оказывали не только консультативную, но и непосредственную медицинскую помощь. К работе в госпиталях также привлекались студенты-медики, чья медицинская деятельность была санкционирована правительственным решением от 2 апреля 1942 г., в соответствии с которым студенты вузов третьего и четвертого курсов и обучающиеся училищ медицинского профиля направлялись на противоэпидемическую работу в качестве фельдшеров, медсестер и санитаров[1].

Будущих врачей готовили как сибирские, так и центральные вузы, эвакуированные на Урал и в Сибирь. В целом, по подсчетам М. Б. Мирского, за годы войны в стране прошли обучение более 60 тыс. врачей, подготовили около 264 тыс. медсестер, более 451 тыс. санитарных дружинниц и 40 тыс. санитаров [Мирский, 1971, с. 61]. В Красноярский край из Ленинграда и Воронежа эвакуировали 3 медицинских и 2 стоматологических института, на их базе был создан Красноярский мединститут, ставший кузницей медицинских кадров для специалистов в Хакасии. Многие врачи, работавшие в области, являлись выпускниками Томского мединститута, среди них: Е. А. Альжибаева, Ю. Д. Полетаев, А. И. Милошина, Ф. В. Шовская и др.

Несмотря на тяжелые условия войны, вопросам повышения квалификации врачей уделялось особое внимание. Например, в период с 1944 по 1946 г. в институтах усовершенствования врачей различных городов Сибири прошли специализацию 20 врачей из Хакасии, повысили свою квалификацию 45 чел. среднего медицинского персонала[2].

Сфере охраны материнства и детства, несмотря на производственные и бытовые трудности, уделялось достаточное внимание. Увеличение государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям способствовало расширению сети медицинских учреждений по родовспомоможению, детских консультаций, яслей, домов ребенка. Для ослабленных детей и детей фронтовиков в Абакане и Черногорске открылись детские столовые на 200 мест[3]. К 1944 г. в области насчитывалось 18 детдомов, в них разместили эвакуированных детей из Ленинграда, Воронежа, Украины[4].

Несмотря на положительные моменты, наблюдались и негативные тенденции. Сосредоточив внимание и усилия на организации эвакогоспиталей, улучшении медицинского обслуживания работников промышленных предприятий, партийные и советские органы упустили из виду санитарно-эпидемическую деятельность, что явилось одной из причин роста заболеваемости населения Хакасии в 1944 г. В таких условиях требовалось усовершенствование системы здравоохранения с учетом опыта войны и достижений медицинской науки. Практически соединить эти два приоритета оказалось сложно. Центральным направлением в работе органов здравоохранения стало наращивание количественного потенциала отрасли в сочетании с рационализацией и оптимизацией ее организационных форм. Реализация этой задачи столкнулась с трудностями, характерными для страны в целом. Несомненно, большой акцент делался на профилактических и санитарно-просветительских мероприятиях, увеличении числа учреждений и кадров здравоохранения пропорционально росту населения. Количественный подход не отрицал необходимости рационализации и повышения качества медицинского обслуживания.

Заключение

Таким образом, Великая Отечественная война вызвала острую необходимость

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 1. Д. 430. Л. 39.

[2] НАРХ. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1216. Л. 11.

[3] НАРХ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.

[4] Там же. Л. 11.

существенного изменения характера и форм работы органов здравоохранения всей страны. Советскими медиками была применена новая методика медицинского обслуживания, заключавшаяся в проведении профилактических и противоэпидемических мероприятий, в этапности лечения, внедрении новых форм и методов лечения. Данная практика себя оправдала полностью. Лечебно-эвакуационные и профилактические мероприятия органов гражданского и военного здравоохранения находились в живом и непосредственном единстве, составляя в целом единую систему советского здравоохранения. Хакасская автономная область не осталась в стороне, она стала местом дислокации эвакогоспиталей и эвакуированных промышленных и людских ресурсов. Несмотря на суровые будни и тяготы войны, подготовка медиков высшего и среднего звена продолжалась на всем протяжении военного периода. Большую помощь региону оказали эвакуированные специалисты из центральных и западных районов страны, среди которых были и медицинские кадры.

Негативные стороны в работе органов здравоохранения Хакасии были вызваны субъективными причинами как военного времени, так и государственной политикой. Несмотря на все выпавшие в военный период трудности, а также благодаря неимоверному труду медицинских работников Хакасской автономной области удалось сохранить санитарно-эпидемиологическое благополучие региона и спасти тысячи человеческих жизней.

Литература

Давыдова Ю. А. Здравоохранение в городах Сибири в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 23 с.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. 1938–1945. М.: Изд-во политической литературы, 1985. 952 с.

Мирский М. Б. Спасенные жизни. М.: Политиздат, 1971. 111 с.

Очерки истории Хакасской партийной организации КПСС. Абакан: Красноярское кн. изд-во, 1987. 358 с.

Чебодаев П. И. Военный вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Абакан: Журналист, 2005. 168 с.

References

Chebodaev P. I. Voennyi vklad Khakassii v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. [Military contribution of Khakassia to the Victory in the Great Patriotic War 1941–1945]. Abakan, Journalist, 2005, 168 p. (In Russian).

Davydova Yu. A. Zdravookhranenie v gorodakh Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Health Care in the Cities of Siberia during the Great Patriotic War: 1941–1945]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk, 1999, 23 p. (In Russian).

KPSS v rezolutsiyakh i resheniyakh s''ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Vol. 7. 1938–1945. Moscow, Political Literature Publishing, 1985, 952 p. (In Russian).

Mirsky M. B. Spasennye zhizni [Saved lives]. Moscow, Politizdat, 1971, 111 p. (In Russian).

Ocherki istorii Khakasskoi partiinoi organizatsii KPSS [Essays on the history of the Khakass party organization of the CPSU]. Abakan, Krasnoyarsk Book Publishing House, 1987, 358 p. (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.003
УДК 94 (571.513)»1941/1945»:369

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНВАЛИДОВ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Ю. К. Троякова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, 92, Абакан, 655017, Россия; email: troyackova.julia@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–4559–8109

В статье на основе архивных материалов рассматриваются основные направления и содержание социального обеспечения и защиты инвалидов войны и членов их семей в 1941–1945 гг. в Хакасской автономной области. Изучены меры социальной поддержки государства, местных органов власти по отношению к данной категории граждан. Раскрыта организационная работа областного отдела социального обеспечения. Уделяется внимание проблеме трудоустройства инвалидов войны.

Ключевые слова: инвалиды, семьи военнослужащих, Хакасия, Великая Отечественная война, социальное обеспечение, социальная помощь, трудоустройство, областной отдел социального обеспечения.

SOCIAL SECURITY FOR DISABLED PEOPLE AND THEIR FAMILY MEMBERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE EXAMPLE OF KHAKASSIA)

Yulia K. Troyakova

N. F. Katanov Khakass State University, 92 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: troyackova.julia@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–4559–8109

Based on archival materials, the article discusses the main directions and content of social security and protection of the war disabled and their families in 1941–1945 in the Khakass Autonomous Region. The measures of social support of the state, local authorities in relation to this category of citizens are studied. The organizational work of the regional department of social security is shown. Attention is paid to the war disabled people's employment problem.

Keywords: disabled people, military families, Khakassia, Great Patriotic War, social security, social assistance, employment, regional department of social security.

Введение

В отечественной исторической науке достаточно много внимания уделено вопросам, связанным с социальным обеспечением инвалидов и членов их семей в годы Великой Отечественной войны (ВОВ), однако на уровне региональных исследований данная тема требует новых изысканий. Среди первых работ в региональной историографии, посвященных исследованию общества в период ВОВ, были труды С. П. Ултургашева [Ултургашев, 1995], В. А. Кышпанакова [Кышпанаков, 1995], Д. М. Карачакова [Карачаков, 1995], В. Н. Тугужековой [Тугужекова, 2000], П. И. Чебодаева [Чебодаев, 2001], Н. Я. Артамоновой [Артамонова, 2003] и др. В дальнейшем историография Хакасии пополнилась ценными трудами. Так, социальное положение населения в Хакасии, в том числе семей военнослужащих, в указанные годы исследовались В. К. Лушниковым [Лушников, 2012], Т. А. Кискидосовой [Кискидосова, 2013] и др. В целом, имеющиеся работы не решают проблему всестороннего изучения проблемы социального обеспечения инвалидов и членов их семей Хакасии в период Великой Отечественной войны, но учёными-историками осознаётся важность её исследования. Целью статьи является изучение истории социального обеспечения инвалидов войны и членов их семей в 1941–1945 гг. в Хакасской автономной области.

Основная часть

В 1942 г. вышло Постановление № 640 СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Великой Отечественной войны», в котором

было закреплено понятие «инвалид Великой Отечественной войны». Социальная поддержка данной категории граждан осуществлялась в нескольких направлениях: пенсионное обеспечение; решение бытовых проблем; обеспечение топливом; помощь в организации индивидуального огородничества, ремонта жилья; меры по социальному обеспечению детей (прежде всего предоставление возможности получения образования и медицинское обслуживание); трудоустройство инвалидов; организация работы в Домах инвалидов; лечебные и профилактические мероприятия, направленные на восстановление трудоспособности, различные льготы для инвалидов войны [Хаблиева, 2018, с. 222].

Работа органов государственной власти в социальной сфере во многом определяла приоритеты проводимой в стране политики. Изучая в архиве материалы протоколов заседаний Исполкома хакасского областного совета народных депутатов, Абаканского городского совета, а также практику работы районных отделов социального обеспечения области, было замечено, что выполнение Постановлений ЦК КПСС и Советского правительства по улучшению социального обеспечения инвалидов Великой Отечественной войны и членов их семей, а также семей погибших военнослужащих находилось под их повседневным контролем.

Так, например, советское законодательство в начале Великой Отечественной войны регулировало пенсионное обеспечение инвалидов войны, опираясь еще на предвоенные постановления СНК СССР № 1269 и № 1474, но постепенно круг вопросов, связанных с социальным обеспечением инвалидов, расширялся [Хаблиева, 2018, с. 222]. Решение вопросов по социальному обеспечению данных категорий населения было возложено на СНК СССР и союзных республик, народные комиссариаты социального обеспечения (НКСО), областные, районные и городские отделы социального обеспечения. Обязанности по проведению практической работы, связанной с социальным обеспечением инвалидов войны и членов их семей, были возложены на инспекторов, а также привлекались к этой деятельности представители общественности.

Обучение инвалидов войны и их трудоустройство стало одним из основных направлений деятельности органов социального обеспечения. В соответствии с Постановлением Совнаркома СССР № 640 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 8 мая 1942 г. трудоустройство инвалидов осуществлялись народными комиссариатами соцобеспечения (далее – НКСО) [Хаблиева, 2018, с. 223]. НКСО занимались не только трудоустройством инвалидов, но и организацией их обучения новым профессиям. Ответственными по реализации данных мероприятий были областные и городские отделы социального обеспечения. Так, во всех госпиталях, в городах и районах области проводилось обучение по различным специальностям: счетовод, связист, портной, повар, сапожник и др. Руководители всех предприятий и организаций были обязаны обеспечить инвалидов войны работой, предоставить им жилье, оказать им помощь в решении материально-бытовых проблем.

Совершенно справедливо утверждают исследователи Л. Ч. Хаблиева, З. В. Сосранова, что «включение в трудовую деятельность инвалидов Отечественной войны имело важное значение, государством преследовалась определенная цель – рационально использовать труд инвалидов» [Хаблиева, 2018, с. 223]. Далее авторы отмечают, что «с одной стороны, это предполагало организацию посильной трудовой деятельности, с другой – использование ранее приобретенных профессий» [Хаблиева, 2018, с. 223].

О проводимых мероприятиях в области свидетельствуют материалы протоколов заседаний Исполкома хакасского областного совета народных депутатов за 1942 г.[1] Так, например, Исполком горсовета отмечал, «что городской отдел социального обеспечения недостаточно занимается вопросом трудоустройства инвалидов Отечественной войны (38 чел. находятся без работы и до сих пор

[1] Национальный архив Республики Хакасия (далее – НАРХ). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.

не трудоустроены), улучшением материально-бытовых условий их не занимались»[1].

Одним из направлений социальной поддержки изучаемой категории населения являлся жилищный вопрос. Так, в статье Т. А. Кискидосовой упоминалось, что «на заседании Черногорского горкома партии в 1942 г. отмечалось, что многие из семей фронтовиков находились в крайне бедственном положении» [Кискидосова, 2013, с. 68]. Далее автор продолжила: «Часть семей, не имея собственного жилья, арендовали квартиры, комнаты, полуподвальные помещения, бани и сараи. Подобные жилища часто были непригодны для жилья. Например, жена командира Ерохина с двумя детьми жила на кухне без окон» [Кискидосова, 2013, с. 68].

В решении исполнительного комитета Абаканского городского совета депутатов трудящихся за 22 сентября 1942 г. отмечались недостатки в социальном обеспечении инвалидов войны: отсутствовала комиссия по трудоустройству, слабая организация обучения при госпиталях, необеспеченность жильем, товарами первой необходимости, выплата пенсий задерживалась до года, отсутствие мастерских по ремонту одежды, обуви и др. В связи с этим заведующего городским отделом социального обеспечения Коваленко обязали принять соответствующие меры по устранению недостатков[2].

О социальных проблемах граждан говорили и на страницах местной прессы. Так, 6 декабря 1942 г. в газете «Советская Хакассия» вышла статья под названием «Улучшить культурно-бытовое обслуживание трудящихся»[3]. На одном из заседаний исполнительного комитета Абаканского городского совета депутатов трудящихся незамедлительно было обсуждено содержание данной статьи. На основании опубликованных данных в газете участники заседания пришли к выводу о том, что в городе не хватает сапожных мастерских, ателье по пошиву и ремонту одежды, столовых, в том числе для инвалидов войны. В числе социальных мер в отношении инвалидов войны и членов их семей было принято решение о выделении специального магазина для снабжения их промышленными товарами, столовой, рассчитанной на 200 чел., организации местными артелями массового выпуска детских новогодних игрушек и подарков[4]. Выдача пропусков была возложена на городской отдел социального обеспечения.

Недостатки в работе областного отдела социального обеспечения по предоставлению помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны рассматривались на очередном заседании Исполкома хакасского областного совета народных депутатов в 1942 г. Исполком констатировал, что в ряде районов области органами социального обеспечения были допущены серьезные недочеты по выплате и доставке пособий, трудоустройству и оказанию материальной помощи семьям военнослужащих и др.

Так, например, в Аскизском и Саралинском районах комиссии по назначению пособий работали плохо, допускались переплаты или, наоборот, занижались размеры пособий. Не выделялся транспорт для подвозки топлива, не оказывалась помощь по ремонту квартир для семей военнослужащих, несвоевременно были рассмотрены жалобы и заявления от семей военнослужащих[5]. Следует отметить, что местные власти большое значение в своей работе уделяли жалобам и заявлениям граждан, в том числе со стороны семей фронтовиков и инвалидов войны. Большинство жалоб касалось вопросов социального обеспечения людей.

Областной отдел социального обеспечения не придал должного политического значения данному вопросу, не перестроил свою работу в свете указа президиума Верховного совета СССР от 26.06.1941 г., а также не следовал инструкции НКСО от 02.07.1941 г. Это было вызвано, на наш взгляд, недостатком профессиональных кадров, специалистов, слабой подготовленностью имеющихся работников отдела социального обеспечения.

Важнейшей проблемой в годы войны являлось обеспечение населения топливом.

[1] НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 416. Л. 49.

[2] Там же. Л. 49.

[3] Там же. Л. 109.

[4] Там же. Л. 109.

[5] Там же. Л. 202.

Это было характерно практически для всей страны, особенно для Сибири и Дальнего Востока с их суровым климатом. В области обеспечением топливом занимались гортоп, хозорганы и отдельные предприятия. Так, зимой 1942 г. в Черногорске не были обеспечены топливом семьи фронтовиков Лыткина, Полосухина, Гомонова, Суглебова, Волкова и др. [Кискидосова, 2013, с. 68]. В целом в городе остались без топлива 54 семьи красноармейцев [Там же].

Обеспечение инвалидов и их семей осуществлялось не только от государства, но и из фондов, созданных в результате проведения декадников и месячников. Активное участие в работе фондов приняли организации, предприятия, учреждения, колхозы, совхозы и МТС [Кискидосова, 2013, с. 68]. Так, на очередном заседании Исполкома хакасского областного совета народных депутатов в 1942 г. было принято решение о создании при колхозах касс взаимопомощи[1]. Колхозы должны были оказывать различную помощь (в основном в виде сельхозпродукции, подвоза топлива, ремонта квартир), в том числе материальную, – инвалидам войны. Однако, по мнению Хаблиевой, Сосрановой, «в условиях военного времени колхозы были весьма ограничены в средствах» [Хаблиева, 2018, с. 225]. Сельские инвалиды получали значительно меньшую помощь, чем городские инвалиды [Там же].

Подобная ситуация сложилась и в Хакасии. Об этом свидетельствуют материалы протоколов заседания Исполкома Усть-Абаканского райсовета за январь 1943 г.: «Из 27 колхозов в районе организованы кассы общественной взаимопомощи только в 6, и те работают плохо»[2]. И далее: «Вовлечение членов в кассы не проводятся, всего вовлечено по району 280 человек, денежных средств кассы взаимопомощи имеют 4081 рублей»[3]. Судя по архивным материалам, можно сказать, что в условиях военного времени, нехватки ресурсов, в том числе человеческих, слабой материально-технической базы ответственность по оказанию материальной помощи инвалидам и семьям военнослужащих легла на плечи руководителей правления колхозов тяжким бременем.

Заключение

Таким образом, на основе архивных данных, если учесть условия военного времени, социальное обеспечение инвалидов и членов их семей в годы Великой Отечественной войны в Хакасии можно признать удовлетворительным. Это объясняется следующими факторами, как: специфика социально-экономического развития региона, особенности природно-климатических условий, логическая труднодоступность, отдаленность от центра, в том числе краевого, отсутствие квалифицированных кадров отдела социального обеспечения, транспорта и др. Зачастую ту или иную помощь инвалиды Великой Отечественной войны и члены их семей не могли получить своевременно из-за отсутствия финансирования. Наблюдалась постоянная нехватка средств руководителям предприятий и организаций в области. Им не всегда удавалось выполнить все обязательства, возложенные на них местными органами власти. Существовали талоны на уголь, топливо, дрова, в столовую и на продовольственные и промышленные товары. Несмотря на имеющиеся проблемы с трудоустройством, жильем, подвозом топлива, в целом советское государство старалось все-таки заботиться о нуждающихся категориях населения.

Литература

Артамонова Н. Я. Вклад эвакуированной интеллигенции в развитие науки и народного образования Хакасии // Власть и общество. Межрегиональная научно-практическая конференция. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2003. С. 9–14.

Баранова Т. А. Социальное обеспечение инвалидов в годы Великой Отечественной войны (Читинская область) // Студенческие чтения: сборник статей. Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. Выпуск 12. С. 13–17.

[1] НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 461. Л. 204.

[2] НАРХ. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 469. Л. 50.

[3] Там же. Л. 50.

Карачаков Д. М. Ещё раз о задачах изучения истории периода Великой Отечественной войны // Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. С. 18–23.

Кискидосова Т. А. Материально-бытовая помощь семьям военнослужащих в городах Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11–2 (37). С. 68–70.

Кышпанаков В. А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1995. 348 с.

Лушников В. К. Нормированное распределение продуктов в Хакасии и в южных районах Красноярского края (1941–1947 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 3. С. 118–122.

Тугужекова В. Н. Вклад молодежи Хакасии в победу в Великой Отечественной войне // Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Материалы научно-практической конференции. Абакан: Издательство: Отдел издательской деятельности ХРИПКиПРО «Роса», 2000. С. 17–22.

Ултургашев С. П. Заметки историка о пятидесятилетии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Хакасия в годы Великой Отечественной: боевой и трудовой подвиг. Абакан: УПП «Хакасия», 1995. С. 3–7.

Хаблиева Л. Ч., Сосранова З. В. Государственная политика в области социального обеспечения инвалидов войны в годы Великой Отечественной войны (на примере Владикавказа) // Научный диалог. 2018. № 3. С. 221–232. DOI 10.24224/2227–1295–2018–3-221–232

Чебодаев П. И. Забота о раненых и больных воинах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. 2001. Вып. V. С. 153–157.

References

Artamonova N. Ya. Vklad evakuirovannoi intelligentsii v razvitie nauki i narodnogo obrazovaniya Khakasii [Contribution of the evacuated intelligentsia to the development of science and public education in Khakassia]. In: Power and society. Interregional Scientific and Practical Conference. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publishing, 2003, pp. 9–14. (In Russian).

Baranova T. A. Sotsial'noe obespechenie invalidov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (Chitinskaya oblast') [Social welfare of disabled people during the Great Patriotic War (the Chita Region)]. *Student Readings: Collection of Articles.* Chita, Trans-Baikal State University Publishing, 2020, issue 12, pp. 13–17. (In Russian).

Chebodaev P. I. Zabota o ranenykh i bol'nykh voinakh Krasnoi Armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Caring for the wounded and sick soldiers of the Red Army during the Great Patriotic War]. *Yearbook of the Institute of Sayan-Altai Turkology*, 2001, issue 5, pp. 153–157. (In Russian).

Karachakov D. M. Eshchyo raz o zadachakh izucheniya istorii perioda Velikoi Otechestvennoi voiny [Once again about the tasks of studying the history of the period of the Great Patriotic War]. In: Khakassia during the Great Patriotic War: military and labor feat. Abakan, "Khakassia" UPP, 1995, pp. 18–23. (In Russian).

Khablieva L. Ch., Sosranova Z. V. Gosudarstvennaya politika v oblasti sotsial'nogo obespecheniya invalidov voiny v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Vladikavkaza) [State policy in the field of social security of the war disabled during the Great Patriotic War (on the example of Vladikavkaz)]. *Scientific dialogue*, 2018, no. 3, pp. 221–232. (In Russian).

Kiskidosova T. A. Material'no-bytovaya pomoshch' sem'yam voennosluzhashchikh v gorodakh Khakasii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Material and household assistance to military families in the towns of Khakassia during the Great Patriotic War]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, history of culture and art. Questions of theory and practice*, 2013, no. 11–2 (37), pp. 68–70. (In Russian).

Kyshpanakov V. A. Naselenie Khakasii: 1917–1990-e gg. [The population of Khakassia: the 1917–1990s]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publishig, 1995, 348 p. (In Russian).

Lushnikov V. K. Normirovannoe raspredelenie produktov v Khakasii i v yuzhnykh raionakh Krasnoyarskogo kraya (1941–1947 gg.) [Normalized distribution of products in Khakassia and southern regions of the Krasnoyarsk Region (1941–1947)]. *Historical, philosophical, political and legal sciences, history of culture and art. Questions of theory and practice*. Tambov,

Gramota, 2012, no. 7, issue. 3, pp. 118–122. (In Russian).

Tuguzhekova V. N. Vklad molodezhi Khakasii v pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine [Contribution of the youth of Khakassia to the Victory in the Great Patriotic War]. In: Khakassia during the Great Patriotic War: Military and Labor Feat. Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Abakan, the Publishing Department of Khakass Institute for the Development of Education and Advanced Training "Rosa", 2000, pp. 17–22. (In Russian).

Ulturgashev S. P. Zametki istorika o pyatidesyatiletii Pobedy sovetskogo naroda v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 godov [The historian's notes on the 50th anniversary the Soviet people's Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945]. In: Khakassia during the Great Patriotic War: military and labor feat. Abakan, "Khakassia" UPP, 1995, pp. 3–7. (In Russian).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.004
УДК 811.161.1'367.335:37.046.2

О ПРОБЛЕМНЫХ ЗОНАХ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

О. Д. Абумова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, ул. Ленина, 94, г. Абакан, 655017, Россия; email: abumovaod@mail.ru

ЕГЭ по русскому языку является обязательным для всех выпускников средней школы в РФ. Выполнение трех тестовых заданий предполагает знание темы *Сложное предложение*, особенно темы *Сложноподчинённое предложение* (далее СПП). Целью данной работы является выявление проблемных зон при выполнении тестов по теме *Сложноподчинённое предложение* во время подготовки к экзамену и предупреждение их появления. Используя описательный метод и метод компонентного анализа, мы анализируем сложные предложения из заданий 19, 20 и 21 ЕГЭ. В результате исследования выявлено, что в задании 19 затруднения возникают при выделении количества предикативных частей в СПП. Неверное выделение количества частей может привести к тому, что могут быть не все запятые расставлены. Выполнение заданий 20–21 предполагает не только умение выявить количество предикативных частей, но и знание того, как связываются части сложного предложения, однородны или неоднородны они. Нужно помнить все правила расстановки знаков препинания не только в СПП, но и в сложносочинённом предложении и в простых осложненных предложениях. Определяя смысловые отношения между частями в СПП, необходимо учитывать, что одни и те же союзы и союзные слова могут употребляться в разных типах придаточных, т. е. они являются полифункциональными. Таким образом, зная структурные и семантические особенности СПП, учитывая их проблемные зоны при выполнении тестов, можно качественно подготовиться к ЕГЭ по русскому языку.

Ключевые слова: сложное предложение, сложноподчинённое предложение, союз, союзное слово, структурные особенности, препозиция, интерпозиция, постпозиция, семантические особенности, проблемная зона.

ON THE PROBLEM AREAS IN COMPLEX SENTENCES DURING PREPARATION FOR THE UNIFIED STATE EXAM IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Olga D. Abumova

N. F. Katanov Khakass State University, 94 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: abumovaod@mail.ru

The Unified State Exam in the Russian language is mandatory for all high school graduates in the Russian Federation. Completing three test tasks involves knowledge of the topic *Complex Sentence* (hereinafter CS). *Complex Sentence* during exam preparation and prevention of their occurrence. Using the descriptive method and the method of component analysis, the article analyzes complex sentences from tasks 19, 20 and 21 of the Unified State Exam. As a result of the study, it was revealed that in task 19 difficulties arise when allocating the number of predicative parts in the CS. Incorrect allocation of the number of parts can lead to the fact that not all commas can be placed. Completing tasks 20–21 involves not only the ability to identify the number of predicative parts, but also knowledge of how the parts of a complex sentence are connected, whether they are homogeneous or heterogeneous. It is necessary to remember all the rules of punctuation not only in the CS, but also in a compound sentence and in simple complicated sentences. Defining semantic relations between parts in the CS, it is necessary to take into account that the same conjunctions and conjunctive words can be used in different types of adjuncts, i. e. they are multifunctional. Thus, knowing the structural and semantic features of the CS, taking into account their problem areas when performing tests, you can qualitatively prepare for the Unified State Exam in the Russian language.

Keywords: complex sentence, compound sentence, union, union word, structural features, preposition, interposition, postposition, semantic features, problem area.

Введение

Человек формулирует свою мысль при помощи предложений. Благодаря трудам исследователей-грамматистов [Виноградов, 1960; Белошапкова, 1981] мы знаем, что в русском языке выделяются предложения простые и сложные. Если тема «Простое предложение» в школе для обучающихся не так трудна, то вопросы, связанные с изучением осложнённого предложения и сложного предложения (далее СП), особенно сложноподчиненного (далее СПП), являются непростыми.

На ЕГЭ по русскому языку выносятся вопросы, связанные со знанием структурных и семантических особенностей СПП. Знание этих особенностей необходимо при выполнении заданий 19, 20 и 21. Этим объясняется актуальность данной работы.

Целью исследования является выявление проблемных зон при выполнении тестов по теме «Сложноподчинённое предложение» при подготовке к единому экзамену по русскому языку и предупреждение их появлений.

Основная часть

Сложное предложение – это синтаксическая конструкция, состоящая из двух и более простых предложений, связанных по смыслу и интонационно с помощью сочинительной, подчинительной или бессоюзной связи.

В истории изучения сложного предложения не было единого решения в вопросе его природы и трактовке его частей. Так, Ф.И. Буслаев [1881], Пешковский А.М. [1975] и авторы школьных учебников считают, что СП равноправно соединению нескольких простых предложений. Среди СП были выделены сложносочиненные (далее ССП) и сложноподчиненные предложения. Это традиционная классификация.

Другая точка зрения принадлежит В.А. Богородицкому [1918], Д.А. Поспелову [1986]. Учёные считают, что СП – целостная конструкция, части которой не являются отдельными предложениями. Исследователи предложили структурно-семантическую классификацию СП, выделив среди сложных предложений союзные и бессоюзные, среди союзных, в свою очередь, два вида: ССП и СПП.

Как отмечают Т.А. Колосова и М.И. Черемисина, ССП и СПП не представляют собой резко противопоставленных структур. Скорее, это структуры, выражающие различную степень сложности. ССП имеют меньшую степень тесноты предикативных частей, СПП – большую тесноту, ср. например: *Лихорадочно сгорали осенние звезды, и пахло сыростью*; *Когда выпадет снег, мы будем кататься на санках* [Колосова, 2000, с. 25].

СПП состоит из двух и более простых предложений, одно из которых является главным, а другое – зависимым. Зависимость одного предложения от другого выражается подчинительными союзами и союзными словами. Часть, в которой находится подчинительный союз или союзное слово, является придаточным предложением, соответственно, часть, в которой их нет, называется главным предложением, или главной частью.

Важной структурной особенностью СПП является то, что придаточная часть может находиться по отношению к главной в начале (препозиции), в середине главной (интерпозиции) и после главной (постпозиции), например, ср.: *Чтобы рассеяться и успокоить себя, я стал глядеть в окно*; *На высоком берегу Оки, откуда открывается широкий горизонт, есть сельцо Окоёмово*; *Я надел старую шинель и взял зонт, потому что шел проливной дождь*.

Главная часть в СПП – синтаксически независимая часть, в которой говорится о действии, совершение которого зависит от действия в придаточной части.

Придаточная часть – это синтаксически зависимая часть сложноподчиненного предложения. Например: *Было ясно, что дед с отцом не успеют закончить к вечеру крышу дома*. Сообщение, которое несет в себе главная часть (*было ясно*), неполно без пояснения его вто-

рой частью, поэтому связь между главным и зависимым предложениями более тесная, чем в сложносочиненном предложении.

В СПП придаточная часть может занимать любое положение по отношению к главной, и её количество может быть более двух. Расстановка знаков препинания зависит от того, где находится зависимая часть: перед главной, внутри нее или после.

Разобрав тестовые задания ЕГЭ по русскому языку, мы выяснили, что знание структурных (умение выделить грамматические основы) и семантических особенностей (умение выделить смысловые отношения между частями) СПП необходимо при выполнении заданий 19, 20 и 21:

Задание 19. Знаки препинания в сложноподчинённом предложении.

Задание 20. Знаки препинания в сложном предложении с разными видами связи.

Задание 21. Пунктуационный анализ.

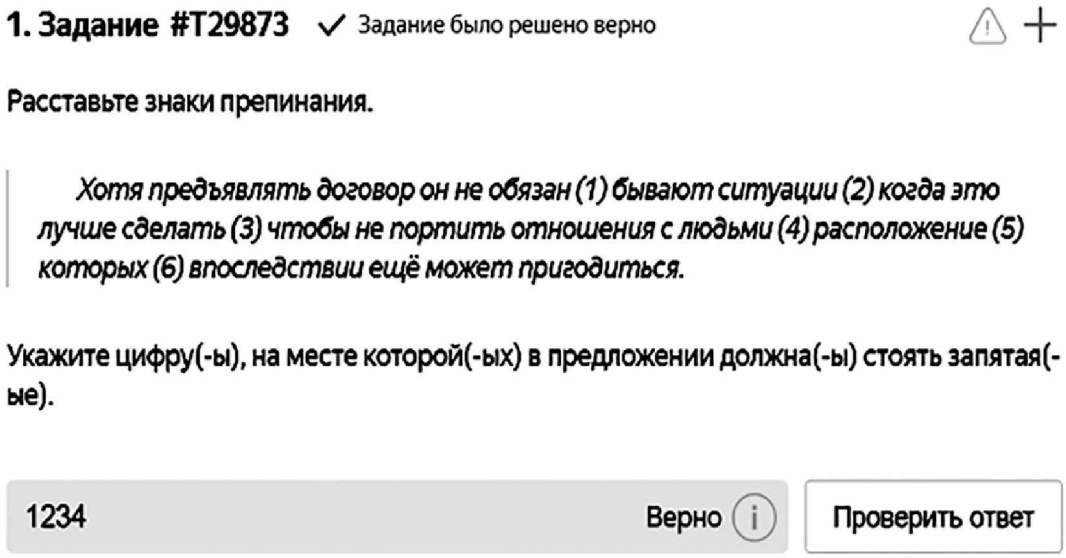
Во всех трех заданиях важным является знание правильной расстановки знаков препинания в СПП с несколькими придаточными частями.

Рассмотрим особенности каждого задания.

а) ***Задание 19***

Большая часть предложений, данных для анализа в Задании 19, состоит из трёх и более частей. Для правильной расстановки запятых нужно обратить внимание на место придаточной части по отношению к главной [она может находиться в препозиции, постпозиции и постпозиции], выделив грамматическую основу в каждой части.

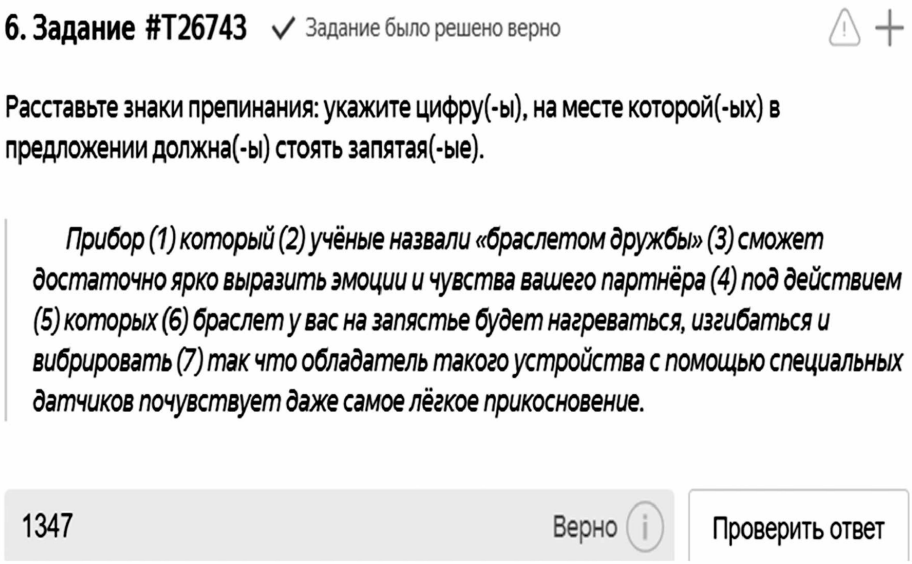
Например:

В приведенном примере 5 предикативных частей, выделяются следующие грамматические основы: 1. *он не обязан предъявлять*; 2. *бывают ситуации*, 3. *лучше делать*, 4. *не портить*, 5. *расположение может пригодиться*. Вторая часть является главной, ей подчиняются 1 и 3 придаточные части. Начиная с 3-й части, каждая последующая часть является придаточной по отношению к предшествующей. Это СПП с параллельно-последовательным подчинением. В данном предложении 1-я придаточная часть находится в препозиции, третья же – в постпозиции. Запятые будут стоять после каждой части.

Итак, проблемной зоной становится выделение количества предикативных частей в СПП. Неверное выделение количества частей может привести к тому, что не все запятые будут расставлены.

Трудности при расстановке запятых в СПП могут возникнуть, если придаточная часть находится в интерпозиции. Рассмотрим на примере:

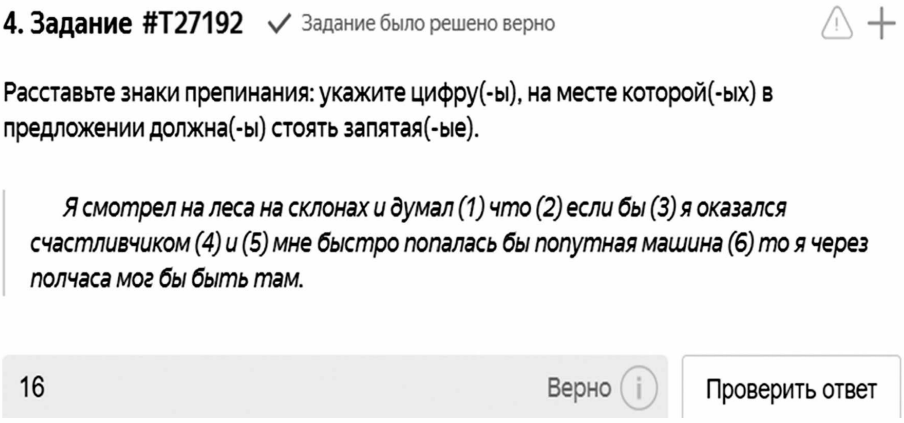

В данном предложении 4 предикативных частей (грамматические основы – 1) *прибор сможет выразить*; 2) *учёные назвали; 3) браслет будет нагреваться, изгибаться и вибрировать; 4) обладатель почувствует*). Придаточная часть (*который учёные назвали «браслетом дружбы»*) находится внутри главной, поэтому выделяется с обеих сторон запятыми (1 и 3). Все придаточные части подчиняются друг другу по цепочке. Это СПП с последовательным подчинением.

Итак, проблемной зоной становится определение места придаточной части по отношению к главной. Неверное определение места может привести к тому, что не все запятые будут расставлены.

б) ***Задание 20***

Выполнение Задания 20 предполагает не только умение выявить количество частей, но и знание того, как связываются части СПП, однородны или неоднородны они. Например:

В приведенном предложении четыре предикативных части (грамматические основы – 1) *я смотрел и думал;* 2) *я оказался счастливчиком;* 3) *машина попалась бы;* 4) *я мог бы быть*). Придаточные части в нём однородны, связаны союзом И. Необходимо помнить правило: если соподчинённые части соединяются сочинительными союзами, то запятая ставится перед последним по тем же правилам, что и при однородных членах.

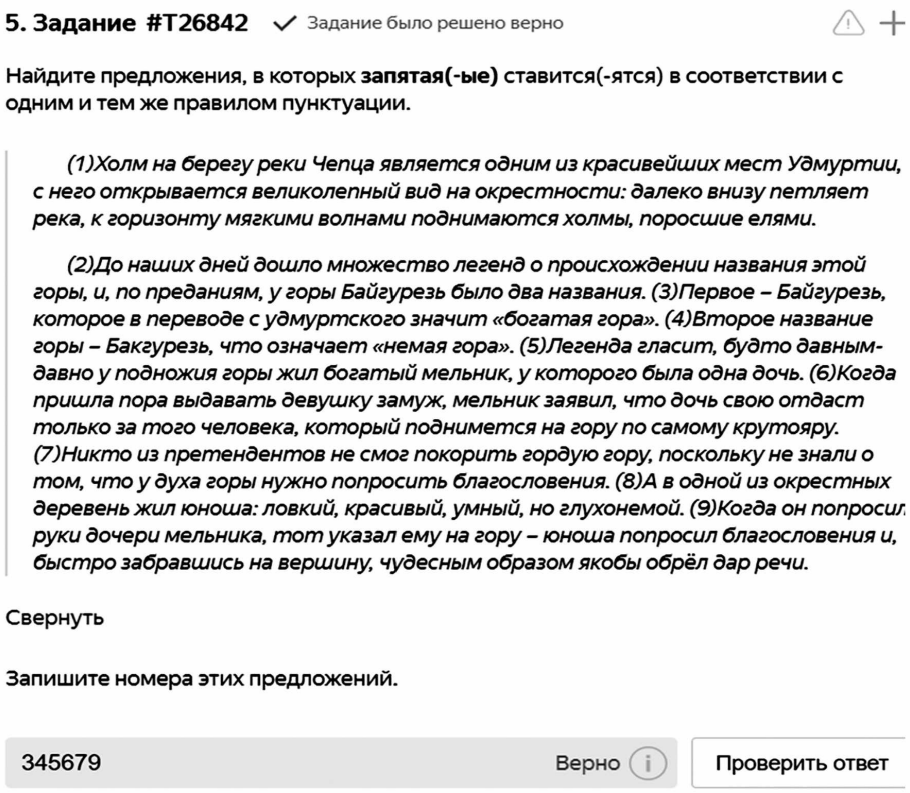
Следующая трудность заключается в том, что в этом предложении наблюдаем стечение двух подчинительных союзов: *что если бы*, одно придаточное внутри другого. При расстановке запятых мы должны помнить о том, что между союзами запятая не ставится, если дальше имеется вторая часть союза – *то, так* или *но*, см. схему:

о чём? > < при каком условии?

[…], (что (если…), то…); [], (что (если…), так…).

Итак, в решении тестового задания 20 при расстановке запятых нужно определить, какие придаточные примыкают к главной части, однородные или неоднородные. В предложениях с неоднородными придаточными при стечении союзов что если; что хотя и др. необходимо строго руководствоваться правилом.

в) Задание 21:

5. Задание #T26842 ✓ Задание было решено верно

Найдите предложения, в которых запятая(-ые) ставится(-ятся) в соответствии с одним и тем же правилом пунктуации.

(1)Холм на берегу реки Чепца является одним из красивейших мест Удмуртии, с него открывается великолепный вид на окрестности: далеко внизу петляет река, к горизонту мягкими волнами поднимаются холмы, поросшие елями.

(2)До наших дней дошло множество легенд о происхождении названия этой горы, и, по преданиям, у горы Байгурезь было два названия. (3)Первое – Байгурезь, которое в переводе с удмуртского значит «богатая гора». (4)Второе название горы – Бакгурезь, что означает «немая гора». (5)Легенда гласит, будто давным-давно у подножия горы жил богатый мельник, у которого была одна дочь. (6)Когда пришла пора выдавать девушку замуж, мельник заявил, что дочь свою отдаст только за того человека, который поднимется на гору по самому крутояру. (7)Никто из претендентов не смог покорить гордую гору, поскольку не знали о том, что у духа горы нужно попросить благословения. (8)А в одной из окрестных деревень жил юноша: ловкий, красивый, умный, но глухонемой. (9)Когда он попросил руки дочери мельника, тот указал ему на гору – юноша попросил благословения и, быстро забравшись на вершину, чудесным образом якобы обрёл дар речи.

Свернуть

Запишите номера этих предложений.

345679 Верно Проверить ответ

При выполнении Задания 21 нужно помнить все правила расстановки запятых, тире, точки с запятой не только в СПП, но и в ССП, и в простых осложненных предложениях.

Таким образом, СПП представляет собой сложное структурное целое: оно состоит из 2-х и более частей. Трудности возникают:

• при выявлении количества предикативных частей, в выявлении грамматических основ;

• при установке связи между главной и придаточной частью (придаточные однородные или неоднородные);

• при определении места придаточных частей, если одно оказывается внутри другого.

Необходимо следовать нескольким *рекомендациям* при выполнении тестов 19, 20, 21:

1) в каждой предикативной части необходимо выделить грамматическую основу;

2) установить связь между главной и придаточной частью (придаточные однородные или неоднородные). Однородные придаточные отвечают на один и тот же вопрос, к ним вопрос задается от одного члена предложения. К неоднородным же придаточным задаются разные вопросы;

3) определить место придаточных частей по отношению к главной: находятся они в препозиции, интерпозиции или постпозиции.

В СПП выделяется главная и зависимая часть, между которыми прослеживаются отношения «хозяина» и «слуги»: действие в главной части происходит в зависимости от того, как будет происходить действие в зависимой части.

Придаточная часть может относиться к одному слову главной части, например: *Я скажу о телеграмме человеку, который пытался передать информацию* (*человеку* какому?). Зависимая часть распространяет одно слово, находящееся в главной части, она называется присловной.

Придаточная часть может относиться ко всей главной, например: *Водой холодной*

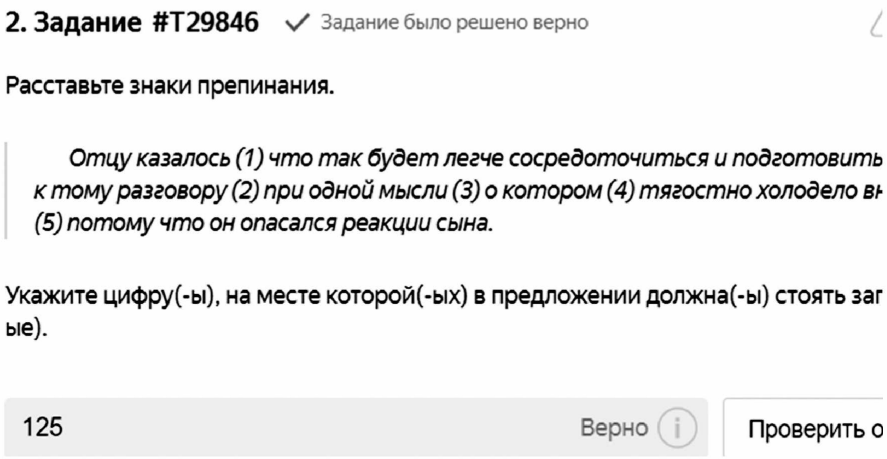
обтирайся, если хочешь быть здоров! (*Водой холодной обтирайся* с какой целью?), такие придаточные называются приосновными.

Между частями СПП устанавливаются разные смысловые отношения. Одними из основных выразителей этих отношений являются союзы и союзные слова, которые имеют различные значения: временные, причинные, целевые и т. д.

Трудным вопросом при определении семантических особенностей СПП является то, что одни и те же средства связи могут употребляться для выражения разных отношений, например, ср.: *Когда солнце поднимается над лугами, цветы распускаются* (СПП с придаточным времени); *Бывает такая внутренняя уверенность в себе, когда человек может сделать всё* (СПП с придаточным определительным); или *Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать* (СПП с придаточным изъяснительным); *Двор был точно яма, куда сбросили обломки отжившего, разрушенного* (СПП с придаточным определительным) и др.

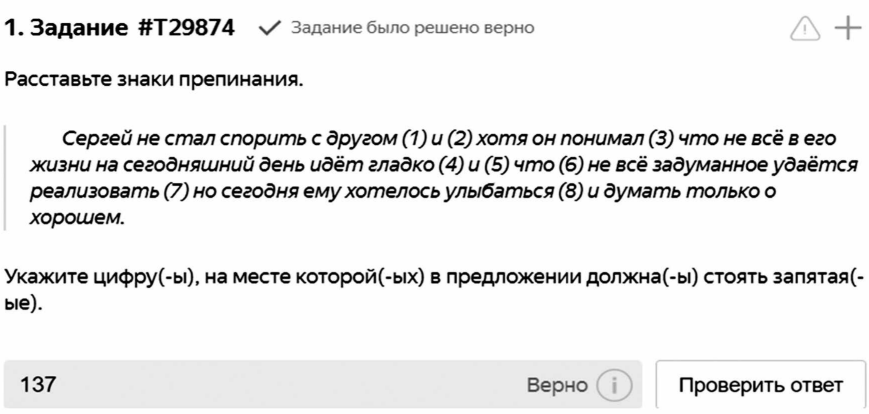
Приведённые примеры показывают, что *когда* может употребляться для выражения временных и определительных придаточных, а *куда* – изъяснительных и определительных.

Итак, при анализе СПП мы сталкиваемся с тем, что, не зная значения союзов, можем ошибочно определить тип придаточного. Поэтому необходимо запомнить союзы. Посмотрим пример из Задания 19.

Данное предложение состоит из четырёх частей, связанных союзами и союзными словами: [Отцу казалось] (что?), (*что* будет легче… подготовить к тому разговору) (какому?) (*о котором*… холодело) (почему?), (*потому что* …). Это предложение с придаточным изъяснительным, определительным и причины. Очень важно правильно поставить логический вопрос от главной части к придаточной, чтобы определить тип придаточного.

Следующим трудным вопросом в СПП с несколькими придаточными является то, что в них одна придаточная часть может находиться внутри другой. В таких предложениях рядом находятся два союза: сочинительный и подчинительный. Такие предложения мы анализируем в Задании 20. Например:

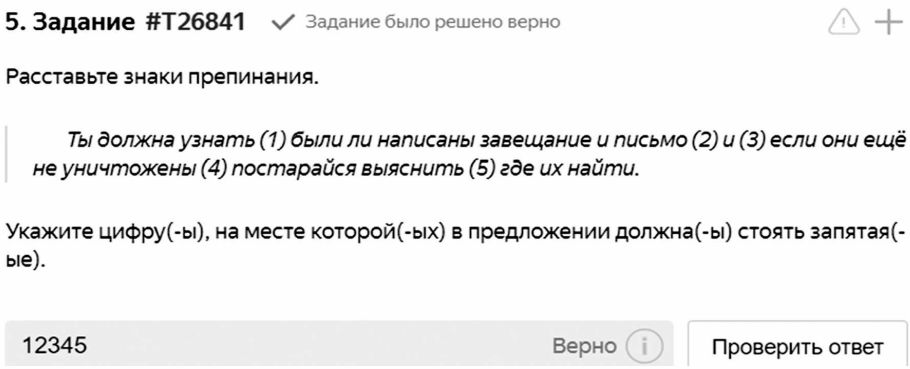

Это предложение построено следующим образом:

[Сергей не стал спорить *(о чём?)*, (***и хотя*** он понимал), *(что?)* (***что***… И ***что*** …)), *(< несмотря на что?)*, ***но*** хотелось улыбаться и думать].

Это предложение состоит из 5 частей: придаточное уступительное является главным по отношению к последующим, зависимым от него, однородным придаточным изъяснительным, связанных союзом *и*. Важным в данном предложении является производный союз и *хотя*, но.

Еще один пример:

Это предложение построено следующим образом:

[Ты должна узнать *(о чём?)*, (были **ли** написаны завещание и письмо, **и**, (**если**…), *(< при каком условии?)* постарайся выяснить] *(что?)*, (**где**…).

В предложении пять частей. Важно определить, что союз И соединяет 2-ю и 4-ю части, а 3-я часть, придаточная условия, находится внутри 4-й.

Итак, в СПП верное определение типов придаточных зависит от правильной постановки логического вопроса от главной части к зависимой. Несмотря на то, что в русском языке есть средства связи, которые употребляются только в конкретных типах СПП, многие из них являются полифункциональными.

Необходимо следовать нескольким рекомендациям при выполнении тестов 19, 20:

1) Необходимо запомнить, что один и тот же союз может употребляться для выражения разных отношений.

2) Нужно запомнить, что в сложных предложениях рядом могут находиться сочинительный и подчинительный союзы. Важным является то, что нужно правильно задать логический вопрос, чтобы определить, какие части связывают сочинительные союзы, к чему относится придаточная часть, вводимая подчинительными средствами связи.

3) Важно помнить: если в СПП оказываются рядом союзы (*что если; что хотя* и др.), то между союзами запятая ставится. Запятая не ставится, если дальше имеется вторая часть союза – *то* или *так*.

Обращая внимание на структурные особенности, важным моментом является то, что необходимо определить, какое место занимает придаточная часть по отношению к главной. Если придаточная часть занимает место в начале предложения, то запятая ставится после неё; если же – в препозиции, то выделяется запятыми с обеих сторон; и если – в постпозиции, то запятая ставится перед придаточной частью.

Следующим важным моментом является то, что в предложении нужно определить, являются придаточные однородными или неоднородными, связаны они союзами или нет.

Определяя смысловые отношения между частями, необходимо знать средства связи между главной и зависимой частями. При этом нужно учитывать, что одни и те же союзы и союзные слова могут употребляться в разных типах придаточных, т. е. являются многофункциональными.

Заключение

Таким образом, зная структурные и семантические особенности СПП, выявив проблемные зоны при выполнении тестов по теме «Сложноподчиненное предложение», можно качественно подготовиться к ЕГЭ по русскому языку.

Литература

Белошапкова В.А. Синтаксис // В.А. Белошапкова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1981. С. 303–552.

Богородицкій В.А. Русская грамматика. Казань: Типо-литографія Университета, 1918. 329 с.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Ч. 2. Синтаксис. М.: Издательство Юрайт, 2022. 335 с.

Виноградов В.В. Грамматика русского языка: Синтаксис: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. М.: АН СССР, 1960. 689 с.

Колосова Т.А., Черемисина М.И. О значимости понятий “союзность” и “бессоюзность” в типологии русских сложных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. М.: Русский учебный центр, 2000. С. 24–32.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

Поспелов Д.А. Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986. 288 с.

Тренировочные тесты для подготовки к ЕГЭ по русскому языку. [Электронный ресурс] URL: https://yandex.ru/tutor/subject/?subject_id=3 (дата обращения: 11.10.2021).

Тренировочные тесты для подготовки к ЕГЭ по русскому языку. [Электронный ресурс] URL: https://www.kp.ru/putevoditel/ege/testy-ege-po-russkomu-yazyku (дата обращения: 10.10.2021).

References

Beloshapkova V.A. Sintaksis [Syntax]. In: V.A. Beloshapkova, E.A. Zemskaya, I.G. Miloslavsky, M.V. Panov. Modern Russian. Moscow, Graduate School, 1981, pp. 303–552. (In Russian).

Bogoroditskiy V.A. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Kazan, Typo-lithography of the University, 1918, 329 p. (In Russian).

Buslaev F.I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Ch. 2. Sintaksis [Historical grammar of the Russian language. Part 2. Syntax]. Moscow, Yurayt Publishing House, 2022, 335 p. (In Russian).

Kolosova T.A., Cheremisina M.I. O znachimosti ponyatii “soyuznost’” i “bessoyuznost’” v tipologii russkikh slozhnykh predlozhenii [On the significance of the concepts of “union” and “non-union” in the typology of Russian complex sentences]. In: Complex sentence: traditional questions of theory and description and new aspects of its study. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2000, pp. 24–32. (In Russian).

Peshkovsky A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2001, 544 p. (In Russian).

Pospelov D.A. Situatsionnoe upravlenie: teoriya i praktika [Situational management: theory and practice]. Moscow, Nauka, 1986, 288 p. (In Russian).

Trenirovochnye testy dlya podgotovki k EGE po russkomu yazyku [Training tests for preparation for the Unified State Exam in the Russian language]. URL: https://yandex.ru/tutor/subject/?subject_id=3/(accessed on October 11, 2021). (In Russian).

Trenirovochnye testy dlya podgotovki k EGE po russkomu yazyku [Training tests for preparation for the Unified State Exam in the Russian language]. URL: https://www.kp.ru/putevoditel/ege/testy-ege-po-russkomu-yazyku/(accessed on October 10, 2021). (In Russian).

Vinogradov V.V. Grammatika russkogo yazyka: Sintaksis: v 2 t. T. 2. Ch.1. [Grammar of the Russian language: Syntax: in 2 volumes. Vol. 2. Part 1]. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960, 689 p. (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.005
УДК 811.512.153

РОЛЬ ДИАЛЕКТНОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТНОГО ХАКАССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

А. С. Кызласов

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000–0003–0318–5808

В статье рассматривается проблема функционирования устной формы современного хакасского языка. Тема исследования актуальна в связи с отсутствием такого рода работ в хакасском языкознании. Автором сделана попытка анализа разговорной речи носителей хакасского языка. Исследуются вопросы влияния русского языка на лексический и грамматический строй разговорного хакасского языка, в том числе представлены примеры вкраплений на русском языке в хакасской речи. Выявлены причины сужения функционирования устного хакасского языка. Выделяются и описываются характерные лексические особенности диалектов хакасского языка. С помощью анкетирования выявлены некоторые аспекты функционирования хакасского языка в диалектной среде. Приводятся статистические данные о степени употребления сагайского диалекта в общении между его носителями, также отношение самих сагайцев к перспективам сохранения диалекта. Сделана попытка анализа мотивов сужения языковой среды в местах проживания носителей диалектов. Также в статье приведены отрывки разговорной речи, записанные на диктофон автором исследования. В них представлены характерные особенности произношения слов носителями сагайского и шорского диалектов хакасского языка. В качестве исследовательской задачи автором рассмотрена роль языковой среды в деле приобщения подрастающего поколения к изучению родного языка и культурного наследия хакасов. Определены основные моменты утраты младшим поколением хакасов их исконной диалектной речи. Подчеркивается идея о необходимости развития такого образования, которое учитывало бы национальные особенности этноса, способствовало бы повышению уровня владения родным языком и обусловило бы укрепление этнического самосознания.

Ключевые слова: языковая ситуация, диалекты хакасского языка, языковая среда, опрос, хакасский язык, анкетирование, функционирование, респонденты.

ROLE OF THE DIALECT ENVIRONMENT IN THE FUNCTIONING OF THE SPOKEN STANDARD KHAKASS LANGUAGE

Artyom S. Kyzlasov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: kyzlasov60@mail.ru; ORCID: 0000–0003–0318–5808

The article deals with the problem of the functioning of the spoken form of the modern Khakass language. The research topic is relevant due to the lack of such work in Khakass linguistics. The author has made an attempt to analyze the colloquial speech of native speakers of the Khakass language. Influence of the Russian language on the lexical and grammatical structure of the spoken Khakass language is studied; besides, examples of Russian-language inclusions in the Khakass speech are presented. The reasons for the narrowing of the functioning of the oral Khakass language are revealed. The characteristic lexical features of the dialects of the Khakass language are distinguished and described. With the help of the questionnaire, some aspects of the functioning of the Khakass language in the dialect environment were revealed. Statistical data on the degree of use of the Sagai dialect in communication between its speakers, as well as the attitude of the Sagaians themselves to the prospects of preserving the dialect are given. An attempt is made to analyze the motives of the narrowing of the language environment in the places of the dialect speakers' residence. The article also contains excerpts of spoken speech recorded on a dictaphone by the author of the study. They present the characteristic features of word pronunciation by native speakers of the Sagai and Shor dialects of the Khakass language. As a research task, the author considers the role of the language environment in introducing the younger generation to the study of the native language and the cultural heritage of the Khakass. The main points of the loss of native dialect speech by the younger Khakass generation are determined. The article emphasizes the idea of the need to develop such an education that would take into account the national characteristics of the ethnic group, contribute to improving the level of proficiency in the native language and strengthen the ethnic identity.

Keywords: language situation, dialects of the Khakass language, language environment, survey, Khakass language, questionnaire, functioning, respondents.

Введение

В данной работе мы рассмотрим вопрос о влиянии диалектной среды на формирование устного хакасского литературного языка. Также представим результаты анализа мотивов сужения языковой среды в местах проживания носителей диалектов и представим некоторые итоги анкетирования по частным аспектам функционирования хакасского языка в диалектной среде.

Разговорная лексика хакасов находится в настоящее время в стадии активного развития, когда она наполняется новыми выражениями и оборотами за счет ее пополнения слов из других пластов лексики хакасского языка, а также посредством словообразовательных приемов, путем семантических переосмыслений. Также отметим роль прямых заимствований из русского языка, этот факт нельзя не учитывать.

Основная часть

Диалект – это разновидность общенационального языка, близкая, по сути, к сленгам и жаргонам. Но, в отличие от последних, диалекты – это языки не социальных групп, а населения, проживающего на определённых территориях. Сейчас диалектные выражения, на наш взгляд, исчезают из речи под влиянием распространения не столько даже литературного языка, сколько устного разговорного языка, который звучит с экранов телевизоров и радиопередач.

Диалектизмы – это часть национальной культуры хакасов и их языка. Такие слова делают устную разговорную речь богаче, разнообразнее, ярче. Но в художественных и публицистических текстах они могут быть малопонятны для обычных читателей. Диалектизмы в тексте могут выполнять разнообразные и важные функции, в этом случае использование таких слов вполне оправданно. Диалектные слова и выражения придают тексту простонародный колорит, а это иногда требуется для текстов соответствующей тематики. Такие слова усиливают экспрессию и выразительность, так как многие диалектизмы имеют дополнительную коннотацию, они более сильны по степени эмоционального воздействия или более точно передают смысл. Например, слово *тілбіреес* звучит более экспрессивно, чем *най көп чоохтанчатхан кізі*, а *типклектенерге* – более точно и лаконично, чем *аар-пеер азахтарын тастирға паза олох туста чайханып одырарға.*

Диалектизмы становятся важной характеристикой описываемой носителем диалекта среды или персонажа. Например, *ир табаннар орли-марли тонан салған шалдыр чӧрчеткеннер* ‘небрежно одетые парни бродили туда-сюда’, либо *аалдағылар чабалкай адыҷахтыг чылдыр паритқеннер* ‘сельчане передвигались на плохонькой лошадке’.

В текущий период изменяется соотношение между литературным языком и диалектами. Многие носители диалекта стараются овладеть нормами литературного языка, который начинает влиять на диалекты.

Устная форма литературного языка формируется в недрах диалектной среды. И речь носителей хакасского языка напрямую связана с общением в разных сферах человеческой деятельности, прежде всего она сопряжена с торговлей и образованием, когда человек «вынужден» общаться с другими людьми.

Как известно, родной язык сохраняется в моноэтническом окружении. При этом в общественной жизни у языка должны быть четко обозначенные сферы употребления, также требуются определенный баланс социального приоритета и минимум смешанных браков.

На фоне выявленных тенденций, а также стремления мирового сообщества к сохранению традиционных культур малочисленных этносов необходимо развитие такого образования, которое бы учитывало национальные особенности этноса, способствовало бы повышению уровня владения родным языком, что обусловило бы укрепление этнического

самосознания. Это особенно важно, поскольку язык – основа национальной культуры, утрата родного языка неизбежно превращает человека в маргинала, а народ ведет к духовной и этнической деградации [Фокина, 2015].

В. А. Аврорин связывал способность языка сохраняться во времени, распространяться на иноязычные этносы, доминировать в билингвальных ситуациях, структурно влиять на контактирующие с ним языки с уровнем развития его социально-коммуникативных функций. Последний детерминирован социально-культурной системой, обслуживаемой данным языком [Аврорин, 1975, с. 25].

Диалектная среда является колыбелью формирования устного разговорного языка. Сами носители диалекта – это прямые источники функционирования устной формы литературного хакасского языка. Хакасские диалекты послужили основой для становления унифицированных форм искомого языка. И теперь трудно отличить диалектную речь носителя определенного говора от устного разговорного языка. Происходят обычная унификация и стирание отличий диалектной речи от литературной формы. Приведем пример отрывка разговорной речи, записанной в экспедиции ХакНИИЯЛИ 2022 г. у носителя шорского диалекта: *Хайда ла ползa тоғынғам. И городтарда, и аалда, ам пенсионербін. Завклуб полғамох. Мында всю жизнь чуртапчабыс. Пабамның он алты пала полған. Улуғ пиҷем ам даа хазых. Матурда чуртапча. Минің кічіг паза ікі хыс пар. Белорусияда чуртапча. Пірсі Улуғ Сиiде. Іҷемні раскулачивали, Минусинскте расстреляли пабамның іҷепабаларын. Че пасха чалҷы тутпааннар. Олар маллар тутханнар посха ла. Ахча саны пілбеҷеңнер. То мында, то ли тоғас парған дедым, гармошка алып алтыр, пір аттың пазына тур партыр. Пір орыс позы ла ойнир тіптір* ‘Работал в разных местах. И в городе и в селе, сейчас – пенсионер. Был завклубом. Здесь всю жизнь живем. У отца было 16 детей. Старшая сестра еще жива. В Матуре живет. Меня младше еще есть две сестры. Одна живет в Беларуси. Другая – в Большой Сее. Мать раскулачивали, в Минусинске отца и мать моего отца расстреляли. Они не держали слуг. Держали скот для себя. Не могли считать деньги. То здесь, то ли, встретил мой дедушка и гармошку купил, она стоила, как одна лошадь. Один русский сказал, что она сама будет играть’ [Кызласов, 2022, с. 1]. В приведенном примере устной речи носителя шорского диалекта не наблюдается характерных признаков шорского диалекта. Возможно, данный факт объясняется тем, что информант изучал хакасский литературный язык в школе, и в связи с тем, что он воспринимал опрашивающего как носителя литературного языка, старался говорить на литературном языке, периодически вставляя русизмы.

Можно сказать, что в результате компактного проживания носителей разных диалектов хакасского языка происходит нивелировка специфичных черт каждого из близко расположенных диалектов. И таким образом они по своему внешнему оформлению не отличаются от устного литературного языка. Хотя построение предложений отличается от письменной формы своим свободным расположением членов в их структуре. Строгое расположение подлежащего и сказуемого в начале и в конце предложения не обязательно в речевом потоке говорящего носителя диалекта. Диалекты хакасского языка, как известно, служат источником и базой литературного языка. Они формируют лексический фонд и базовые грамматические особенности хакасского языка. Функционирование письменного литературного языка, прежде всего, зависит от его устной формы. Языковые изменения происходят обычно в то время, когда в обществе появляются новые явления и осуществляются социально-экономические перемены в различных сферах деятельности человеческого общества. Лексико-грамматический строй хакасского языка постепенно подвергается влиянию русского языка. В нем начинают появляться новые слова, в последующем происходит увеличение лексического состава языка. Они напрямую воздействуют на речь носителей хакасского языка. Также неприметно происходят изменения в грамматической системе, в структуре построения слов и предложений.

В устной форме хакасского языка слова и словосочетания русского языка вплетаются

в разговорную речь, сливаясь с хакасской речью. Происходит их своеобразное освоение, например: *Удивительно то, что педучилищеде ӱгренчеткенде, орыс хыстар мында миннең ухаживать полчалар* ‘Удивительно то, что обучаясь в педучилище, русские девушки за мной ухаживали’; *Осенний кросста аралазып, паза пол полбинчатхан полғам, іди иреелеңгем астмадаң* ‘Участвуя в осеннем кроссе, никак не мог, так мучился с астмой’ [Информант Байкалова]. *Семьяларда онар азыра пала полҷаң, пис-тӧртче пала обязательно ӱреп парҷаңнар. Иҷем он пірні тапхан, сигізӧлең не халғабыс. Медицина саңай слабай полған* ‘В семьях было больше десяти детей, четыре-пять обязательно умирали. Мать родила 11 детей, впятером остались. Медицина была очень слабой’ [Информант Тюкпиеков]. Для носителя сагайского диалекта, очевидно, такое неоднозначное произношение не портит ощущения, что они говорят на своем родном языке. И потому носители диалектов почти не замечают, что они часто употребляют в своей речи иноязычные слова и выражения. В вышеприведенном примере слова *(удивительно – таңнастығ, ухаживать – көрерге, обязательно – хаҷан даа, слабай – күзі чох)* можно было бы употреблять на хакасском языке. Из-за постоянного русскоязычного окружения носители сагайского диалекта привыкли пользоваться русскими словами, то есть эти иноязычные слова для них как бы стали родными.

Современная языковая ситуация характеризуется неоднозначными процессами. В хакасском устном разговорном языке происходят некоторые изменения в грамматическом и лексическом строе. Особенно сильное влияние на процесс обновления литературных норм оказывают носители сагайского диалекта. Сагайские диалектные формы часто используются в средствах массовой информации (в национальной газете «Хакас чирі», на Хакасском радио и телевидении). Эти явления напрямую связаны с демографическими процессами среди диалектных групп хакасов. Перепись 1987 года показала количественное увеличение сагайцев с бельтырами до 46,7% и уменьшение носителей всех других диалектов (качинцы – 31,3%, кызыльцы – 16,7%, койбалы – 2,7%, шорцы – 2,6%).

Еще большие изменения в количественном соотношении представителей этнических групп хакасов пришлись, по наблюдениям В. П. Кривоногова, на более поздний период: «по показателям основного разговорного языка разница между субэтносами оказалась такой. Считают основным хакасский язык (или два языка) 44,0% сагайцев, 37 баллов, 31,5% – шорцев, 12,1% – качинцев и 9,2% – кызыльцев. По этому показателю сагайцы выходят на первое место, а ситуация у качинцев оказалась несколько лучше, чем у кызыльцев. По третьему языковому показателю – степени владения хакасским языком – субэтносы распределяются так: свободно владеют хакасским языком 54,5% койбалов, 54,4% – сагайцев, 45,0% – шорцев, 24,6% – кызыльцев и 23,4% качинцев, у сагайцев и койбалов показатели практически одинаковы, они лидеры. От них отстали шорцы, аутсайдеры – качинцы и кызыльцы. Вроде бы снова показатель у кызыльцев несколько лучше, чем у качинцев. Однако доля не понимающих хакасский язык у качинцев оказалась 26,8%, а у кызыльцев – 31,5%, то есть в сумме ситуация у качинцев чуть лучше. Суммируя все три языковые показатели, можно распределить субэтносы таким образом: лидеры – сагайцы и койбалы» [Кривоногов, 2011, с. 71–72].

Таким образом, изменение соотношения численности хакасских субэтносов в настоящее время сложилось, бесспорно, в пользу сагайцев. И они в количественном отношении превосходят все остальные субэтносы вместе взятые. Следует отметить, что среди качинцев и кызыльцев наблюдается самый высокий процент не владеющих родным хакасским языком и считающих родным русский язык.

Доминирование носителей сагайского диалекта хакасского языка, несомненно, связано с их численностью. По мнению В. Г. Карпова, такая ситуация привела к нежелательному отрыву хакасского литературного языка от разговорного языка. Это усугубляет проблему сохранения и дальнейшего развития хакасского языка. В связи с этим он утверждал, что сегодня назрела необходимость изменения

диалектной базы хакасского литературного языка. Суть корректировки, на его взгляд, должна заключаться в более смелом использовании в письменной и устной формах литературного языка лексики и грамматики сагайского диалекта. Это, очевидно, приблизит литературный язык к разговорному языку сагайцев, составляющих сегодня абсолютное большинство хакасов [Карпов, 2007, с. 84–85].

Характерное явление среди носителей языка в настоящий момент – уменьшение численности говорящих на хакасском языке. В дальнейшем, очевидно, функции хакасского разговорного языка будут постепенно сужаться. В первую очередь это связано с доминирующим влиянием русскоязычной среды.

Снижение использования родного языка в хакасской семье объясняется, на наш взгляд, еще и тем, что многие дети небольших хакасских сел вынуждены после начальной школы продолжать учебу в интернатах, в отрыве от семьи, от языковой среды и национально-культурных традиций. Также сокращение числа национальных дошкольных учреждений способствует языковой ассимиляции детей хакасской национальности, с самого раннего возраста активно переходящих в общении со сверстниками на русский язык.

Однако степень распространения устной формы хакасского литературного языка среди населения пока еще не является достаточной. Большинство хакасов при устном общении пользуются своим диалектом или же смешанным хакасско-русским «языком» навроде: *колхоз времязында мин успел көпен тартарға* ‘во времена колхоза я успел копны возить’; *мында всю жизнь чуртапчабыс* ‘здесь всю жизнь живем’ [Информант Бутанаев]. Такая разговорная речь очень распространена среди современных носителей хакасского языка, особенно в устной диалектной речи.

Основная масса хакасов стала двуязычной. Хакасско-русское двуязычие повлияло на качество родной речи хакасов: общаясь между собой на родном языке, большинство хакасов без всякой надобности используют много русских слов, несмотря на то, что в их родном языке имеются полноценные эквиваленты. Например: *Минің родителярым хатыг кізілер полганнар, особенно мамам хатыг тутхан* ‘Мои родители были строгими людьми, особенно мама строго держала’ [Информант Канзычакова].

При нормировании литературной формы языка необходимо учитывать степень его отрыва от разговорного языка, который развивается естественным путем. Устная форма литературного языка у хакасов-билингвов формируется на основе других законов, носящих объективный характер. Суть их в целесообразности. Эта форма языка принимает только такие новообразования (слова, формы), которых не достает в языке для более точного выражения каких-то мыслей [Карпов, 2007, с. 216–220].

На формирование устного разговорного языка также оказала влияние государственная политика в отношении функционирования языков малочисленных народов. Так, в конце 60-х годов XX века в учебных планах хакасских школ началось сокращение недельных часов на хакасский язык и литературу в пользу русского языка и литературы. Хакасские школы начали одна за другой переходить на русский язык обучения с первого класса. Хакасский язык постепенно сокращал свою функцию языка обучения, оставаясь в школах только языком изучения.

Приведем некоторые итоги проведенной работы в полевых условиях на территориях проживания носителей разных диалектов в Таштыпском районе Республики Хакасия.

В ходе экспедиции записывались интервью с информантами. Это люди разных профессий, с разным жизненным опытом, поэтому содержание интервью тоже было разным. Если информант был охотником или рыбаком, то он мог рассказать о том, какие запреты он соблюдает, находясь в тайге. Такие интервью записаны у И. Н. Бутанаева в с. Малая Сея, Г. Г. Кужаковой в с. Анжуль. Человек с филологическим образованием мог замечать отличия в говорах жителей разных сел, такие отличия могут быть даже у жителей соседних сел, как, например, у проживающих в населенных пунктах Верх-Таштып, Анжуль, Малая Сея.

Во время экспедиции были записаны интервью с учителями хакасского языка в селах Анжуль, Верхние Сиры. Человек, переселившийся из другого района, может заметить отличия в обрядах и обычаях между теми, кто остался у него на малой родине, и теми, вместе с кем он живет сегодня. Такими информантами были Н. Н. Тюмерекова (Кыжинаева) в с. Верх-Таштып и М. С. Сыргашева (Кичеева) в с. Кызылсуг.

В ходе проведенной экспедиции научными сотрудниками сектора языка ХакНИИЯЛИ было опрошено более 30 информантов, владеющих сагайским и шорским диалектами хакасского языка, в возрасте от 40 до 90 лет.

Социолингвистическое анкетирование по выявлению языковой ситуации проводилось в основном путем опроса, фиксация языковых материалов – путем записи разговорной речи на электронные носители в непринужденной беседе, при связном рассказе о каких-либо событиях, о жизненном пути, а также при воспроизведении жанров устного народного творчества.

В целом, можно отметить, что жители данных сел продолжают придерживаться традиций своих предков, используют их в повседневной жизни, соблюдают обычаи, стараясь жить в мире и согласии с соседями и окружающей природой.

К сожалению, молодежи в селах остается мало, многие уезжают на учебу и на работу в другие регионы и в город Абакан. Во многих аалах Интернет отсутствует или мобильная связь ограниченно доступна или обслуживается одним оператором связи. Дороги ко всем населенным пунктам имеются, и до них можно доехать в любых погодных условиях.

На сегодняшний день в Таштыпском районе Республики Хакасия не осталось живых исполнителей хакасского героического эпоса. Экспедиция 2022 года показала, что в этом районе сегодня можно встретить людей, бывших очевидцами исполнения героических сказаний.

Основной целью социолингвистического анкетирования было выявление языковой ситуации в селах компактного проживания носителей шорского и сагайского диалекта. Анкетируемым респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов.

Представим основные из них: знаете ли Вы хакасский язык; знают ли Ваши дети хакасский язык; какой язык Вы считаете родным для себя; хотели ли бы, чтобы Ваши дети изучали хакасский язык; на каком языке Вы общаетесь на работе с коллегами; на каком языке Вы общаетесь в кругу родных, друзей, соседей; на каком языке Вы общаетесь в общественных местах, магазине и т. д.; к какой национальности Вы себя относите; изучают ли Ваши дети хакасский язык; на каком языке Вы чаще всего общались в детстве и т. д. Данные, полученные в результате анкетирования респондентов, носителей сагайского и шорского диалектов, представлены в таблицах.

В ходе бесед с нашими информаторами (по данной теме специально опрошено 30 хакасов) сложилась следующая картина. В общей массе опрошенных нами людей можно довольно четко выделить три возрастные группы: 1) пожилые люди – родившиеся до середины XX в., 2) люди среднего возраста – родившиеся в период с 1950 по 1965 годы; 3) люди молодого возраста – родившиеся в период до 1965 года. 100 % опрошенных нами хакасов заявили, что родным языком для них является хакасский. Уровень владения родным языком выразился в следующих цифрах: 100 % респондентов свободно разговаривают на родном языке.

На вопрос «Знают ли ваши дети хакасский язык?» респонденты ответили таким образом: свободно говорят, пишут и читают 74 % детей; говорят, могут изъясняться на бытовом уровне – 13 %; понимают, но не разговаривают – 3 %.

Большинство опрошенных (60 %) при общении дома используют хакасский язык, только 37 % используют в этом случае оба языка. На вопрос «На каком языке вы говорите в кругу своих родных, друзей, соседей?» респонденты ответили таким образом: только на хакасском языке – 71 %, на хакасском и русском языках – 13 %, на русском языке – 13 %.

В семьях, где один из родителей хакас, а другой – русский, хакасский язык не используется. На вопрос «На каком языке вы говорите

на работе с коллегами?» респонденты ответили таким образом: на хакасском языке – 47%, на хакасском и русском языках – 17%. В общественных местах 17% опрошенных говорят на хакасском языке, 33% – на русском и хакасском языках, только на русском языке общаются 13% опрошенных.

Для наглядности приводим результаты тестирования в таблицах.

Таблица 1

«Насколько хорошо Вы знаете хакасский язык?»
“What is your command of the Khakass language?”

Очень хорошо знаю хакасский язык	25	84%
Не очень хорошо знаю хакасский язык	4	13%
Плохо знаю хакасский язык	1	3%
Не знаю хакасский язык	0	0%

Таблица 2

«На каком языке Вы общались в детстве?»
“What language did you speak in a childhood?”

На хакасском языке	24	80%
На русском языке	2	7%
И на хакасском, и на русском языках	4	13%

Таблица 3

«Изучали ли Вы хакасский язык?»
“Have you studied the Khakass language?”

Да, изучал в начальной школе	7	23%
Да, изучал в основной школе	16	51%
Да, изучал в училище, колледже, техникуме, институте, университете и т. д.	3	10%
Да, изучал на курсах хакасского языка (в том числе платно)	0	0%
Нет, не изучал	5	16%

Таблица 4

«Ваши родители владеют (владели) хакасским языком?»
“Do (did) your parents speak the Khakass language?”

Да, оба родителя знают (знали) хакасский язык	28	93%
Хакасский язык знает (знал) только один из родителей	2	7%
Нет, мои родители не знают (не знали) хакасский язык	0	0%

Таблица 5

«Ваши дети владеют хакасским языком?»
“Do your children speak the Khakass language?”

Да, свободно говорят, пишут, читают	22	74%
Могут изъясняться на бытовом уровне	4	13%
Понимают, но не разговаривают	1	3%
Нет, мои дети не знают хакасский язык	0	0%
Нет детей	3	10%

Таблица 6

«Хотели бы, чтобы ваши дети знали хакасский язык?»
“Would you like your children to know the Khakass language?”

Да, очень хотел бы	3	75 %
Было бы хорошо, если бы мои дети выучили хакасский язык	0	0 %
Если не выучат – ничего страшного	0	0 %
Нет, не хотел бы	0	0 %
Затрудняюсь ответить	1	25 %

Таблица 7

«На каком языке Вы разговариваете дома?»
“What language do you speak at home?”

На хакасском языке	18	60 %
На русском языке	1	3 %
И на хакасском, и на русском языках	11	37 %

Таблица 8

«На каком языке Вы общаетесь с членами семьи?»
“What language do you talk to your family members?”

На хакасском языке	22	73 %
На русском языке	2	7 %
И на хакасском, и на русском языках	6	20 %

Таблица 9

«На каком языке Вы общаетесь с родственниками?»
“What language do you talk to your relatives?”

На хакасском языке	24	80 %
На русском языке	1	3 %
И на хакасском, и на русском языках	5	17 %

Таблица 10

«На каком языке Вы общаетесь с друзьями?»
“What language do you talk to your friends?”

На хакасском языке	21	71 %
На русском языке	4	13 %
И на хакасском, и на русском языках	4	13 %
Затрудняюсь ответить	1	3 %

Как показывают процентные данные, среди носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка снижается функционирование языка как в семье, быту, так и в других видах общения. Это, очевидно, зависит от постоянного русскоязычного окружения носителей диалектов хакасского языка [Кызласов, 2022, с. 8–20].

Заключение

Национальный язык складывается в результате сложных процессов взаимодействия как письменно-литературной, так и устно-разговорной разновидностей народного языка, а не является искусственным продуктом, созданным произволом отдельной

личности [Гухман, 1955, с. 14]. Задача исследователя состоит в том, чтобы изучить основные закономерности взаимодействия этих двух разновидностей и при этом основываться на них при установлении норм литературного языка, а не руководствоваться субъективными оценками.

Самыми важными для возрождения и укрепления национальной культуры хакасов при сохранении традиций и развитии национальной школы является расширение общественных функций хакасского языка и свободное владение разговорным языком местного коренного населения, также желательным было бы и овладение хакасским языком русскоязычными жителями Республики Хакасия. Это даст возможность стабилизировать языковую ситуацию, и тогда появится перспектива сохранения самобытного хакасского языка и этноса.

Информанты

Бутанаев Иван Николаевич, 1950 г. р., место рождения – с. Малая Сея Таштыпского района РХ, шорец, образование – среднее.

Байкалова Маргарита Гавриловна, 1943 г. р., место рождения – с. Красный Ключ Бейского района РХ, сагайка, образование – высшее.

Канзычакова Антонина Константиновна, 1950 г. р., место рождения – с. Нижние Сиры Таштыпского района РХ, сагайка, образование – высшее.

Тюкпиеков Петр Николаевич, 1960 г. р., место рождения – с. Малый Монок Бейского района РХ, сагаец, образование – средне-специальное.

Литература

Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социолингвистики). Ленинград: Наука, 1975. 276 с.

Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М.: АН СССР, 1955. 164 с.

Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 256 с.

Карпов В. Г. Этносоциальный аспект образования: проблема хакасского литературного языка на современном этапе // Summa summarum: В. Г. Карпов. К 80-летию со дня рождения и 60-летию научно-педагогической деятельности. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 139 с.

Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI века: Современные этнические процессы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2011. 252 с.

Кызласов А. С. Отчет о комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ по местам проживания носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка (Таштыпский район РХ, 4–8 июля 2022 г.). РФ ХакНИИЯЛИ. Инвентарная книга № 2247.

Кызласов А. С. Расшифровка аудиозаписей по результатам поездки комплексной экспедиции ХакНИИЯЛИ по местам проживания носителей сагайского и шорского диалектов хакасского языка (Таштыпский район РХ, 4–8 июля 2022 г.). РФ ХакНИИЯЛИ. Инвентарная книга № 2247.

Фокина А. Б. Коренные малочисленные народы Севера: перспективы развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–1. [Электронный ресурс] URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20951 (дата обращения: 25.05.2023).

References

Avrorin V. A. Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka: (K voprosu o predmete sotsiolingvistiki) [Problems of studying the functional side of a language: (On the subject of sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka, 1975, 276 p. (In Russian).

Fokina A. B. Korennye malochislennye narody Severa: perspektivy razvitiya [The Indigenous peoples of the North: development prospects]. *Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 2–1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=20951 (accessed on May 25, 2023). (In Russian).

Gukhman M. M. Ot yazyka nemetskoi narodnosti k nemetskomu natsional'nomu yazyku [From the language of the German nationality to the German national language]. Moscow, The USSR Academy of Sciences, 1955, 164 p. (In Russian).

Karpov V. G. Etnosotsial'nyi aspekt obrazovaniya: problema khakasskogo literaturnogo yazyka na sovremennom etape [Ethno-social aspect of

education: the problem of the Khakass standard language at the present stage]. In: Summa summarum: V. G. Karpov. To the 80th anniversary of the birth and the 60th anniversary of scientific and pedagogical work. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publishing House, 2007, 139 p. (In Russian).

Karpov V. G. Khakasskii yazyk: problemy i perspektivy razvitiya [The Khakass language: problems and prospects of the development]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publishing House, 2007, 256 p. (In Russian).

Krivonogov V. P. Khakasy v nachale XXI veka: Sovremennye etnicheskie protsessy [The Khakass people at the beginning of the 20th century: modern ethnic processes]. Abakan, Khakass Book Publishing House, 2011, 252 p. (In Russian).

Kyzlasov A. S. Otchet o kompleksnoi ekspeditsii KhakNIIYaLI po mestam prozhivaniya nositelei sagaiskogo i shorskogo dialektov khakasskogo yazyka (Tashtypskii raion RKh, 4–8 iyulya 2022 g.) [Report on the complex expedition of KhRILLH to the places of residence of native speakers of the Sagai and Shor dialects of the Khakass language (The Tashtyp District of the Republic of Khakassia, July 4–8, 2022)]. The Manuscript Fund of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Inventory Book No. 2247. (In Russian).

Kyzlasov A. S. Rasshifrovka audiozapisei po rezul'tatam poezdki kompleksnoi ekspeditsii KhakNIIYaLI po mestam prozhivaniya nositelei sagaiskogo i shorskogo dialektov khakasskogo yazyka (Tashtypskii raion RKh, 4–8 iyulya 2022 g.) [Transcription of audio recordings based on the results of KhRILLH complex expedition to the places of residence of native speakers of the Sagai and Shor dialects of the Khakass language (The Tashtyp District of the Republic of Khakassia, July 4–8, 2022)]. The Manuscript Fund of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Inventory Book No. 2247. (In Khakass).

Фольклористика

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.006
УДК 398.91 (=512.133)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ УЗБЕКСКИХ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ

Й. Г. Рахматов

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: Yoldosh.r@mail.ru

В данной статье рассматриваются становление и развитие жанра узбекских народных пословиц. В результате развития языка пословицы также менялись фонетически, лексически, грамматически, совершенствуясь и трансформируясь как языковая единица. Письменная литература, творческое мышление творцов и художественная закономерность оказали большое влияние на вариативность, формальную и духовную эволюцию пословиц. Оптимальным способом изучения пословиц является сравнительное изучение пословиц, заложенных в структуре классических литературных памятников. Историко-фольклорная эволюция народных пословиц осуществляется путем выявления, сопоставления и употребления.

Ключевые слова: пословица, эволюция, социальная формация, классическая литература, развитие, совершенствование, варьирование, обогащение.

HISTORICAL EVOLUTION OF UZBEK FOLK PROVERBS

Yoldosh G. Rakhmatov

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060; email: Yoldosh.r@mail.ru

This article discusses the formation and development of the genre of Uzbek folk proverbs. As a result of the development of the language, proverbs also changed phonetically, lexically, grammatically, improving and transforming as a linguistic unit. Written literature, creative thinking of authors and artistic regularity had a great influence on the variability, formal and spiritual evolution of proverbs. The optimal way to study proverbs is a comparative study of proverbs embedded in the structure of classical literary monuments. The historical and folklore evolution of folk proverbs is carried out by identification, comparison and use.

Keywords: proverb, evolution, social formation, classical literature, development, improvement, variation, enrichment.

Введение

Развитие фольклорных жанров происходит на основе динамических закономерностей историко-фольклорного процесса. Время, место и пространство воплощаются в таких чертах, как устность, массовость, традиционность, неизвестность автора, многослойность, вариативность, импровизация и историчность, что доказывает связь устного народного творчества с конкретными историческими условиями и жизненными требованиями. В таком историческом процессе творческие закономерности могут изменяться, обновляться, умножаться или, наоборот, забываться, сокращаться или комбинироваться. Как отметил фольклорист Б. Саримсаков, «взаимодействие и влияние фольклорных жанров – историко-фольклорный процесс полон различных пропорций и искажений, и все они должны быть раскрыты с учетом своеобразия каждого. А для этого требуются большие усилия и серьезные исследования эволюции жанра» [Саримсаков, 1981, с. 98]. При определении эволюции жанра пословицы в первую очередь обращалось внимание на ее возникновение, историю становления, использование в других жанрах устного творчества, а также межжанровые

отношения. В данной статье в сравнительном плане изучены изменение содержания и формы пословиц, использованных в письменных источниках. Как отмечает известный фольклорист Ходи Зарифов, «литературный» фольклор в письменных источниках также является объектом фольклорных исследований как дополнительный материал для восстановления истории народного творчества» [Мирзаев, 2013, с. 218].

Основная часть

Древнейшими письменными памятниками тюркских народов являются каменные надписи, относящиеся к V–VIII векам. Поэтому мы опираемся на текст этих памятников в поисках наиболее ранних образцов народных пословиц. Однако пословицы, использованные в этих источниках, могли быть переработаны в художественном мышлении отдельного творца. Кроме того, нет четких свидетельств того, что поучительные мысли, использованные в каменных надписях, использовались в то время в виде пословиц. Назидательные мысли, встречающиеся в каменных надписях, анализируются нами как первые образцы пословиц. Например, в надписи «Туньюкук», помня о заслугах, оказанных для сир-тюркского народа мудрым Тоньюкуком, объединившим семьсот человек и получившим титул шада, упоминается пословица: *Ориқ буқа ва семиз буқани (биров) тезагидан билса, биров семиз буқа ва ориқ буқани ажрата олмас* ‘Кто-то различает тощего быка и жирного быка по их навозу, некоторые не могут отличить жирного быка от тощего’ [Рахмонов, 1987, с. 5, 18]. В данной пословице «тощий и жирный бык» метафорически означает человека. Бык трактуется как символ добродетели и могущества у восточных народов. По преданиям тюркских народов, мир стоит на рогах большого рыжего быка [Эшанкулов, 1996, с. 12]. По нашему мнению, возвышение быка до культового тотема связано с историями Мусы (а.с.), которые представлены в Священном Коране 54-аята, суры «Бакара». Когда Муса ушел на гору Тур, люди сделали золотого телёнка и стали поклоняться ему.

В народных пословицах *Эру хотин қўш ҳўкиз* ‘Муж и жена – один вол’ или *Бузоқнинг турқи туққанига маълум* ‘(Понятно) по цвету, кто теленка родил’ вол и бык являются равнозначными символами. В пословице подчеркивается, что ради мира и процветания страны велика ценность общей работы, а не труда кого-либо (будь то царь или нищий). К сожалению, пословица не дошла до наших дней.

Смысл следующей пословицы, которая встречается на каменных стелах, означает «призыв к единству»: *Yuqa irklig to`pulg`ali uchuz armish, yinchga irklig uzgali uchuz, yuqa qalin bo`lsar, tapul g`uluq alp armish, yinchga yo`g`an bo`lsar, uzugluk alp armish* ‘Хрупкое сборище можно разбить, тонкое легко разорвать; чтобы разорвать хрупкое, но жёсткое и оборвать тонкое, но твёрдое нужен богатырь’ [Рахмонов, 1987, с. 19]. В настоящее время эта пословица не встречается уже в такой форме, но есть ее варианты, например: *Олтовлон ола бўлса, оғзидагин олдирар, тўртовлон тугал бўлса тепадагин индирар* ‘Если он может получить пятую часть, он возьмет ее изо рта, а если он закончил четыре, он положит ее сверху’; *Бирлашган – ўзар, бирлашмаган – тўзар* ‘Объединенные – отдельные, необъединенные – отдельные’; *Айрилганни айиқ ер, бўлинганни бўри ер* ‘Медведь – тот, кто разделился, волк – тот, кто разделился’; *Йўғон чўзилар, ингичка узилар* ‘Толстые пряди, тонкие пряди’.

Пословица *Erning kalmishi alp* имеет следующие варианты: *Эр йигитни ёв устида кўр* ‘Увидеть человека на земле’; *Ботир ёвда билинар* ‘Герой хорошо известен’; *Мард майдонда синалар* ‘Храбрый попробует на поле’; *Эр бошига иш тушса, этик билан сув кечар, от бошига иш тушса сувлиқ билан сув ичар* ‘Когда человек устраивается на работу, он пьет воду сапогом, а когда на работу приходит лошадь, он пьет воду из фляги’. Данные пословицы имеют семантику сплочённости.

Труд энциклопедиста XI века Махмуда Кашгари «Девону луғ’оти-т-тюрк» считается основным источником для изучения народных пословиц. В работе представлено около трехсот пословиц, собранных в течение многих лет у тюркских народов [Кашгари, 2017, с. 14].

Пословица Yïparlïğ kes*ürgűdin yïpar ketsä, yïqï qalïr*, взятая из книги «Девону луғ'оти-т-тюрк» имеет два варианта: 1) Yïparlïğ kes*ürgűdin yïpar ketsä, yïqï qalïr* 'Даже когда мускуса нет, запах остается'. Семантика данной пословицы – о безотказной помощи человека, если даже он сам испытывает нужду; 2) *Kizdäki kiz yïpar* 'Запах мускуса сохранится в шкатулке' / 'запах мускуса хранится в шкатулке' [Кашгари, 2017, с. 135]. В пословице говоиртся о том, что запах, исходящий из женского рта, подобен мускусу. Первая пословица относится к древнетюркскому языку, характерна для живой речи того времени. Она представлена в виде двухсоставного предложения, состоящего из шести слов. Второй вариант пословицы более лаконичен, представляет собой простое предложение с одним компонентом, а слов в нем три, т. е. является неполной формой пословицы Yïparlïğ kes*ürgűdin yïpar ketsä, yïqï qalïr*. Эта пословица широко использовалась в более поздние периоды, в том числе и в эпоху Алишера Навои, но утратила свою эквивалентность и в результате постепенной эволюции изменилась: *Мушк исин яшурса бўлмас, бу масал машҳур эрур* 'Запах мускуса не скроешь' [Навои, 1983, с. 162].

Пословица *Мушк исин яшурса бўлмас* 'Нельзя спрятать запах мускуса' встречается в стихах и является вариантом пословицы *Kizdäki kiz yïpar*. Данная пословица отличается конструкцией предложения и лексемами. Построение предложения и лексическое различие указывают на эволюцию данной пословицы.

По нашим наблюдениям, пословицы, используемые в письменной литературе, совершенствовались двумя способами:

1. Эволюция формы и структуры. Иногда в этом случае однокомпонентные пословицы становятся двух- или трехкомпонентными, а иногда двухкомпонентные пословицы сокращаются и становятся однокомпонентными [Соатов, 1989, с. 42]. Например, у Алишера Навои встречается двухкомпонентная пословица Aš tatïğï tuz, yuğrïn yemäs 'Не ешьте соль по вкусу'. Она использовалась еще в XI веке в «Маҳбуб ул қулуб»: *Ўт иши қовурмоқ, ел иши совурмоқ. Сувнинг мазаси муз била, ошнинг мазаси туз била, одам яхшилиги сўз била* 'Работа травы – поджарить, работа рук – посыпать. Вкус воды как лед, вкус супа как соль, а доброта человека как слова' [Навои, 1983, с. 121].

В художественном творчестве большое внимание уделяется сжатой форме пословиц. Поэтому возможно, что пословица пришла в народ в односложной форме. Кроме того, можно наблюдать ряд изменений в словах и рифмах пословицы [Шарафиддинов, 1985, с. 34].

К первой группе пословиц также относятся и некоторые другие из «Девону Лугати-т-тюрк»:

Keŋäšlig bilig üqräšür, keüässiz bilig oprašur. Ее варианты: *Маслаҳатли иш мустаҳкамлашади, маслаҳатсиз иш бузилади* 'Работа с советами укрепляет, работа без советов ломается' [Кашгари, 2017, с. 102], *Кенгашли иш бузилмас* 'Работа Совета нерушима' [Кашгари, 2017, с. 234];

Quruğ yïğč *egilmäš, qurïš kirïš tügülmäs.* Ее варианты: *Қуруқ ёғоч эгилмайди, қуриган новда боғланмай тугилмайди* 'Сухая древесина не гнется, а сухую ветку нельзя связать' [Кашгари, 2017, с. 91], *Қуруқ ёғоч эгилмас* 'Сухая древесина не гнется' [Кашгари, 2017, с. 294].

2. Духовно-художественная эволюция пословиц. Здесь наблюдается изменение семантики пословицы. Например, содержание пословицы *Közdän yïrasa, köŋüldän yemä yïrar* была истолкована в «Девону Лугати-т-тюрк» уже как *Дўстлар кўздан узоқлашса, кўнгилдан ҳам узоқ бўлади* 'Друзья будут еще более далеки от сердца, если они далеки от глаз' [Кашгари, 2017, с. 377]. Эта пословица с чрезвычайно широким поэтическим содержанием встречается в творчестве поэтов более позднего периода. Так, в XV веке Мавланэ Лютфи трактует: *Кўздин йироқ бўлса, кўнгулдин йироқ* 'Если твои глаза далеко, твое сердце тоже далеко' [Лутфи, 1959, с. 18]. Алишер Навои придает уже новое значение: *Юзунгким тозароқдур барги гулдин, Учар кўздин вале чиқмас кўнгулдин* 'Мое лицо чище розы. Твои глаза летят, но ты не счастлив' [Навои, 1983, с. 299]. Прочитав эти строки, на память читателю

приходит народная пословица *Кўздан нари – кўнгилдан нари* ‘Из глаз долой, из сердца вон’, но поэт не применяет пословицу буквально. Он использовал метод обратного применения, который противоречил содержанию пословицы, изменяя его форму. Лицо возлюбленной настолько красивое, даже чище лепестка цветка, что занимает место в душе влюбленного, который однажды её увидел. Таким образом, возлюбленная заняла место в его сердце на всю жизнь, даже если он не видит её лица. Вариантами этой пословицы будут: а) *Гарчи тўкти қон кўзум сенсиз ҳамон кўнглум ҳамон, / Не кўнгулдин бир замон чиқтинг, не кўздин бир замон* ‘Хотя мои глаза кровоточат, мое сердце все еще без тебя, / Ты не выходил на время и не видел времени’ [Навои, 1983, с. 259]; б) *Сафарда, ваҳки, мендин айру бир ғойиб мусофирдур, / Ки, кўздин гарчи ғойибдур, вале кўнглумда ҳозирдур* ‘В поездке я уверен, что есть пропавший незнакомец, / Даже если твое видение исчезло, оно все еще присутствует в моем сердце’ [Навои, 1983, с. 106].

В «Девону Лугати-т-тюрк» есть пословица *Atä oğlï atäč tuğar* с семантикой внешнего и внутреннего сходства детей и родителей. В произведении «Кутадғу билиг» Юсуф Хос Хаджиба встречается следующая пословица: *Отанинг ўрни ва оти ўғилда қолади* ‘Место отца и лошадь остается за сыном’ [Хажиб, 1971, с. 78]. Если пословица в «Девоне» является оригиналом народной пословицы, то пословица в дастане есть художественная переработка, т. е. ритма эпоса (*А-та-ур-ни-а-ти-у-гол-ка-ка-лир. Фаувлун, фаувлун, фаувлун, фаал. v - - / v - - / v - - / v -*), форма адаптирована к тону и рифме. Пословица стала более чёткой под влиянием более поздних эпох и до сих пор используется в следующих вариантах, не теряя своей актуальности: *От ўрнини той босар, ота ўрнини – ўғил* ‘Лошадь заменяет жеребенка, отца заменяет сын’; *Отага тортиб ўғил туғмас, онага тортиб – қиз* ‘Не родишь сына похожего на отца, дочь на мать’; *Отадан – ўғил, онадан – қиз* ‘От отца – сын, от матери – дочь’.

В «Девоне» есть пословица *Qülaq ẽšitsä könjïl bilïr, Köz körsä üzik kẽlïr* ‘Когда ухо слышит слово, душа знает, но когда глаз видит возлюбленного, возбуждается страсть’ [Кашгари, 2017, с. 219]. Пословицы о любви — жемчужины мысли, к которым, безусловно, стоит прислушаться. Эти короткие и меткие высказывания являются обобщенной памятью народа, выводами из жизненного опыта. Поэтому и про любовь они могут многое рассказать. Юсуф Хос Хаджи в произведении предлагает следующий вариант:

Севитса киши кўп мун эрдам баши.
Неку тер эшитгил севитмиш киши.
Киши севса, айби кўп эрдам болур.
Кими севмаса, эрдам ўғтам болур.
Кўнул кимни севса мун эрдам болур.
[Хажиб, 1971, с. 82].

Если ты любишь много людей, ты будешь благословлен.
Давайте послушаем людей, которые вас любят.
Если человек любит, будет много добродетелей.
Если кто-то не любит, мне жаль.
Кого любит сердце, у того есть добродетель.

Такие афоризмы, как, к примеру, *Агар киши севилса, нуқсонлари фазилатли бўлади* ‘Если человека любят, его недостатки становятся достоинствами’, цитируемые Юсуф Хос Хаджибом, были факторами, повлиявшими на формирование нынешних пословиц: *Суйган ёрдан кўз кетмас* ‘Тот, кто любит, не отводит глаз’; *Севги деган икки кўзда* ‘Любовь в двух глазах’; *Севгининг кўзи айб кўрмас* ‘Любовь не видит вины’, *Севгининг кўзи кўр* ‘Любовь слепа’, *Муҳаббатнинг кўзи кўр, қулоғи кар* ‘У любви глаза слепы, уши глухи’.

В результате развития языка пословицы менялись фонетически, лексически, грамматически, совершенствуясь и трансформируясь как языковая единица. Чем древнее была пословица, тем больше новых вариантов появлялось в новом времени. Письменная литература, творческое мышление творцов и художественная закономерность оказали большое влияние на вариативность, формальную и духовную эволюцию пословиц.

Заключение

Пословицы являются образцом устного народного творчества. Они помогают понять

многовековую историю народа, передают опыт многих поколений. В текстах пословицы приобретают особое значение. Они усиливают выразительность речи, придают остроту, углубляют содержание. Пословицы кратки, но богаты смыслом. Оптимальным способом изучения и развития пословиц является сравнительное изучение пословиц, заложенных в структуре классических литературных памятников. Историко-фольклорная эволюция народных пословиц осуществляется путем выявления, сопоставления и употребления, а также путем выявления формального и духовного совершенствования народных пословиц.

Литература

Кашгари М. Словарь Девону-луғати-т-турк (Туркий сўзлар девони). Ташкент: Литературно-художественное издательство, 2017. 488 с.

Лутфи. Гуль и Навруз: [Поэма] / Пер. С. Липкина. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1959. 107 с.

Мирзаев Т. Интервью Ходи Зарифова. Ташкент: ШАМС-АСА, 2013. 380 с.

Навои А. Махбуб ул-Кулуб. 20 томник. Том 14. Ташкент: Литературно-художественное издательство, 1983. 112 с.

Рахмонов Н. Старинные мудрости / Сост. Н. Рахмонов; Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987. 429 с.

Саримсаков Б. Распространение эпических жанров // Эпические жанры узбекского фольклора. Ташкент: Фан, 1981. 157 с.

Соатов Б. Структурная устойчивость и смысловая эволюция в пословицах // Узбекский язык и литература. Ташкент, 1989. № 2. С. 42–44.

Хажиб Ю. Х. «Кутадгу билиг» [Знание, приносящее счастье] / Пер. на современный узбекский язык К. Каримова. Ташкент: Фан, 1971. 959 с.

Шарафиддинов Х. Рифма и ее функционально-стилистические особенности в поэтической структуре узбекских народных пословиц : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.01.09) / АН УзССР, Ин-т языка и лит-ры им. А. С. Пушкина. Ташкент, Фан. 1985. 19 с.

Эшанкулов Ж. С. Исторические основы и художественная интерпретация образа дива в узбекском фольклоре: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.09. Ташкент, 1996. 27 с.

References

Eshankulov Zh. S. Historical foundations and artistic interpretation of the image of the diva in Uzbek folklore: author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Philology: January 10, 2009. Tashkent, 1996, 27 p. (In Uzbek).

Hajib Yu. Kh. "Kutadgu bilig" [Znanie, vedushchee k schast'yu] / Translation into the modern Uzbek language by K. Karimova. Tashkent, Fan, 1971, 959 p. (In Uzbek).

Kashgari M. Slovar' Devonu-luғati-t-turk (Turkii sўzlar devoni) [Devon-t-Turkish Dictionary (Turkii sўzlar devoni)]. Tashkent, Literary and Art Publishing House, 2017, 488 p. (In Uzbek).

Lutfi. Gul' i Navruz: [Poema] / Per. S. Lipkina. Tashkent, Goslitizdat UzSSR, 1959, 107 p. (In Russian).

Mirzaev T. Interv'yu Khodi Zarifova [Khodi Zarifov's interview]. Tashkent, SHAMS-ASA, 2013, 380 p. (In Uzbek).

Navoi A. Ideal'nyi sbornik proizvedenii [The perfect collection of works]. 20-volumes book. Volume 14. Makhbub ul-Kulub, 1983, 112 p. (In Uzbek).

Rakhmonov N. Drevnie poslovitsy [Ancient proverbs]. Tashkent, Literature and Art Publishing House, 1987, 429 p. (In Uzbek).

Sarimsakov B. Rasprostranenie epicheskikh zhanrov [The spread of epic genres]. In: Epicheskie zhanry uzbekskogo fol'klora [Epic genres of Uzbek folklore]. Tashkent, Fan, 1981, 157 p. (In Uzbek).

Sharafiddinov Kh. Rhyme and its functional and stylistic features in the poetic structure of Uzbek folk proverbs: author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Philology: (January 10, 2009) / Academy of Sciences of the Uzbek SSR, A. S. Pushkin Institute of Language and Literature. Tashkent, 1985, 19 p. (In Uzbek).

Soatov B. Strukturnaya ustoichivost' i smyslovaya evolyutsiya v poslovitsakh [Structural stability and semantic evolution in proverbs]. In: The Uzbek language and Literature. Tashkent, 1989, no. 2, pp. 42–44. (In Uzbek).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.007
УДК 398: 314.727 (571.52)

ОВЮРСКИЕ ЭСТРАДНЫЕ ПЕСНИ КАК МАРКЕР ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ[1]

И. С. Тарбастаева

Институт филологии СОРАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия: email: inna-tarbastaeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1921-9411

В настоящей статье фокус внимания направлен на песенные практики овюрских тувинцев из Овюрского района Республики Тыва в контексте сельско-городской миграции. В современном тувинском обществе активно развивается эстрадная поп-индустрия, в том числе среди певцов есть выходцы из Овюра. В их репертуаре присутствуют песни, посвященные селам, природным особенностям района. Эти композиции пользуются популярностью у овюрцев, проживающих в Кызыле. На наш взгляд, востребованность произведений продиктована ярко выраженной локальной идентичностью, которая не ослабевает и в городских условиях. Проблематика локальной (сельской) идентичности начинает все чаще подниматься в отечественных научных работах. На «овюрском» материале впервые будут рассмотрены музыкальные практики как ресурс для поддержания коллективной и индивидуальной локальной идентичности. Эмпирической базой послужили 13 глубинных интервью с информантами в возрасте 20–60 лет, родившимися в Овюрском районе, но проживающими в настоящее время в Кызыле. В качестве методологических оснований была выбрана феноменологическая социология (А. Щюца), а также общенаучные методы анализа, синтаксиса материала. Анализ песен в социальной сети «вконтакте» показал, что практически у всех овюрских исполнителей записаны композиция(и), посвященные отдельному селу или району в целом. Образ Овюрского района представляется как плодородный край изобилия, к которому певец испытывает восхищение, любовь, нежные ностальгические чувства. Прослушивание песен во время семейно-родственных мероприятий или встреч с одноклассниками является ресурсом для поддержания коллективной локальной идентичности. В городских условиях информанты больше слушают эстрадные песни овюрских певцов, чем самостоятельно поют фольклорные композиции. Популярность композиций с тематикой сельского пространства также говорит о слабой урбанизированности тувинского общества. Практическая применимость подобных исследований заключается в возможном использовании локальной идентичности в качестве ресурса для развития сельских территорий.

Ключевые слова: Тува, тувинцы, Овюрский район, сельско-городская миграция, локальная идентичность, песенная традиция, песенный фольклор, тувинская эстрада.

OVYUR POP SONGS AS A MARKER OF LOCAL IDENTITY[2]

Inna S. Tarbastaeva

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia: email: inna-tarbastaeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1921-9411.

In this article, the focus is on the song practices of Tuvans from the Ovyur region of the Republic of Tyva in the context of rural-urban migration. In modern Tuvan society, the pop industry is actively developing, besides there are natives from Ovyur among the singers. Their repertoire includes songs dedicated to the villages, the regional natural features. These compositions are popular among the Ovyur people living in Kyzyl. In our opinion, the demand for works is dictated by distinctive local identity, which does not weaken even in urban settings. The issue of local (rural) identity is increasingly being raised in scientific papers. Based on the «Ovyur» material, for the first time, musical practices will be considered as a resource for maintaining a collective and individual local identity. The empirical base was 13 in-depth interviews with informants aged 20–60 who were born in the Ovyur District but currently live in Kyzyl. The phenomenological sociology (by A. Schutz), as well as general scientific methods of analysis and syntax of the material,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (Проект № 22-28-01475 «Песенная традиция овюрских тувинцев XXI в. в условиях сельско-городской миграции»). Research is executed with financial support of RNF (No. 22-28-01475. Project «Song Traditions of XXI Century Ovyur Tuvans in the Context of Rural-Urban Migration»).

[2] Research is executed with financial support of the Russian Science Foundation (No. 22-28-01475. Project «The Ovyur Tuvans' Song Traditions of the 21st Century in the Context of Rural-Urban Migration»).

were chosen as methodological foundations. The analysis of VKontakte social network showed that almost all Ovyur performers recorded a composition(s) dedicated to a particular village or region as a whole. The image of the Ovyur region is presented as a fertile land of abundance, for which the singer feels admiration, love, tender nostalgic feelings. Listening to songs during family activities or meetings with classmates is a resource for maintaining a collective local identity. In urban conditions, informants listen to Ovyur singers' pop songs more than they sing folklore compositions on their own. Popularity of the compositions with the theme of rural space also shows the weak urbanization of the Tuvan society. The practical applicability of such research lies in the possible use of local identity as a resource for the development of rural areas.

Keywords: Tuva, Tuvans, Ovyur District, rural-urban migration, local identity, song tradition, song folklore, Tuvan stage.

Введение

Настоящая статья посвящена анализу музыкальных практик тувинцев из Овюрского района, проживающих в Кызыле, в контексте сельско-городской миграции. Вдали от «малой Родины» представители Овюрского района обращаются к такому виду культурного творчества, как песня. Данный процесс двусторонний. Есть люди, которые сочиняют песни о родных местах, записывают их в студиях, выкладывают в социальные сети, снимают музыкальные клипы, выступают на концертах, банкетах. Как правило, они не имеют профильного музыкального образования и являются самодеятельными авторами. У данного музыкального продукта есть потребители – они слушают песни в социальных сетях, иногда при помощи специального приложения «tuva. music», запоминают тексты песен и поют их, когда собираются с односельчанами по разным поводам. Хотя рост популярности тувинской поп-музыки ранее попадал в поле зрение тувиноведов [Карелина, 2013; Саая, 2017], музыкальные практики в оптике мигрантов из села в город поднимаются впервые. Целью является ввести в научный оборот полученные эмпирические данные и сделать первое приближение, обобщив и проанализировав опыт исполнителей и слушателей.

Выбор Овюрского района, граничащего с Монголией, продиктован несколькими причинами. Во-первых, местные жители в большей степени сохранили аутентичную традиционную культуру в силу его отдаленности и транспортной труднодоступности. И в этом смысле на «овюрском» материале репрезентативнее проследить, как протекают процессы урбанизации, миграции и адаптации к городским условиям. Во-вторых, данный район в пределах республики славится и отличается тем, что является родиной большого количества талантливых людей: писателей, поэтов, композиторов, исполнителей горлового пения (народных хоомейжи), борцов. Отчасти поэтому в современном музыкальном пространстве Тувы можно выделить отдельную группу песен, посвященных данному району, а, следовательно, и потребителей этого медиаконтента.

Обзор литературы

В зарубежных исследованиях растет дискуссия о позитивном влиянии музыки на сельское социальное пространство. Так, музыка рассматривается как средство, с помощью которого люди развивают личные привязанности к сложному набору эмоций, переживаний к местам [Yarwood, 2009], и как коммерческий ресурс для экономического развития сельских сообществ [Gibson, 2009]. В отечественном дискурсе набирает популярность широкий взгляд на изучение фольклора – анализ явлений массовой культуры, социальных практик, общественных настроений, уличного акционизма [Неклюдов, 2018, с. 10]. В данном случае мы постараемся показать, что производство песен и их спрос на местном музыкальном рынке является одним из маркеров локальной идентичности овюрцев.

Под локальной идентичностью понимается идентификация человека с местным обществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания [Морозова, Улько, 2008, с. 2]. Локальная идентичность определяется как низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека

с местом его проживания и/или происхождения [Назукина, 2017, с. 512]. Это переживаемое или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность. В этом смысле территория выступает в качестве символического пространства для создания и укрепления идентичности. С локальной идентичностью тесно связано понятие групповой идентичности. Групповая идентичность основана на идее, что люди признают себя частью группы, и их благополучие и статус связаны с этой группой [Wilcox-Archuleta, 2018, p. 961].

В отечественной литературе уже предпринимаются попытки проанализировать связь между локальной идентичностью местных жителей и звуковым ландшафтом. Так, интересной выглядит работа П. Н. Ваневской, Д. А. Лермонтова, в которой авторы приводят результаты полевого антропологического исследования особенностей звукового ландшафта села Нюксеница Вологодской области [Ваневская, 2021].

Методология и методы исследования

В рамках проекта собраны основные эмпирические материалы – 13 глубинных интервью. Гайд для полуструктурированного глубинного интервью включал в себя блоки, описывающие мотивацию миграции в Кызыл, адаптационные ресурсы и удовлетворенность жизнью в Кызыле, сельскую и городскую идентичности, механизмы передачи песенной культуры. Интервью проводилось через телефон с использованием метода «снежного кома». Информантами стали женщины и мужчины в возрасте 20–60 лет, родившиеся в Овюрском районе (с. Саглы, с. Хандыгайты, с. Дус-Даг, с. Солчур), но проживающие в настоящее время в Кызыле.

При анализе глубинных интервью мы опирались на экзистенциально-феноменологический подход [Щюц, 2003], основной целью которого является «достижение точного и значимого описания мира повседневных переживаний в их максимальном приближении к тому, как они проживаются и описываются конкретным человеком применительно к конкретной ситуации» [Pollio, 1997, p. 32].

Результаты исследования и их обсуждения

В тувинском обществе начиная с 2000-х г. наблюдается бурное развитие поп-индустрии. Открываются студии звукозаписи («Аялга music», «DS», «Тыва music», «Деловой звук», «Агым», «Хондек» и другие), наиболее харизматичные, талантливые исполнители становятся популярными артистами. О. М. Саая полагает, что такой всплеск песнетворчества продиктован влиянием модных течений мировой и российской эстрады [Саая, 2017]. Соглашаясь с данным выводом, добавим еще одну причину, о которой нам рассказал один из информантов. Будучи популярным певцом, он сравнивает начало развития индустрии с сегодняшним днем: «*В 2006–2007 гг. студии всем были «по карману». ... Фонограмма стоила 300, иногда 500 рублей. Тогда качественные песни были. С 2014 года фонограмма стоила 1000 рублей. Слишком дешево было, да? Так-то фонограмму создают шесть часов минимум, максимум день.... А сейчас уже другая цена. Уже фонограмма стоит 5000 рублей. И делают эти же студии. Сейчас уже качественно все идет, поняли все. Сейчас уже ближе к Западу*» (мужчина, 32 года).

Формирование ценовой политики, повышение стоимости услуг говорит о становлении поп-индустрии тувинской эстрады. В условиях бедности региона, скудного рынка труда поп-эстрада является тем самым социальным лифтом, благодаря которому за счет личных и профессиональных качеств можно повысить уровень благосостояния и статус в социуме. В случае успешной карьеры работа артистом может быть основным источником дохода или дополнительным в виде выступления на различных семейно-бытовых, календарных праздниках. Существующая тенденция отмечать знаковые события в ресторанах, банкетных залах с приглашением широкого круга друзей и родственников создает соответствующий спрос на певцов. И уже от их харизмы,

таланта зависит популярность, востребованность, а, следовательно, и уровень дохода. Кроме того, для производства музыкального продукта задействован целый спектр услуг: создание фонограмм, звукозапись в студии, маркетинговое продвижение песен, создание и поддержание местных онлайн платформ (например, приложение music) и т. д. Это также позволяет предприимчивым и открытым к новым технологиям тувинцам занять достойные позиции на рынке труда.

Практически у всех исполнителей, выходцев с Овюра, в репертуаре есть композиция(и), посвященная отдельному селу или району в целом. За основу выборки взяты материалы социальной сети «вконтакте», поскольку долгое время именно данная сеть являлась единственной платформой для продвижения тувинских песен.

Песни, посвященные Саглы: 1) «Саглы суурум», исп. Алик Ооржак feat. Ай-Белек Ооржак, 2) «Саглы-Хем», исп. Алик Ооржак, «Саглы-Хем», исп. Салим Кара-Сал, 3) «Экии, Саглым» (сл. и муз. А. Куулара), исп. Аким Монгуш, «Экии, Саглым», исп. Сергей Ондар, «Экии, Саглым», исп. Алик Ооржак feat. Салим Кара-Сал, 4) «Саглы кызы», исп. Менги Ооржак.

Песни, посвященные Дус-Дагу (Торгалыг): 1) «Дус-Даг оглу», исп. Айнур Монгуш, 2) «Торгалыг суур», исп. Каадыр Чымбалак, «Торгалыг суур», исп. Мерген Куулар 3) «Дус-Даг Тандым», исп. Мерген Куулар, 4) «Дус-Даг», исп. Аким Монгуш, «Дус-Даг», исп. Аким Монгуш, 5) «Торгалыг-Хем», исп. Дозураш.

Песни, посвященные Солчуру: 1) «Солчуур кызынга», исп. Ролан Ооржак, 2) «Солчур суурум», исп. Сайын-Белек Монгуш.

Песня, посвященная Хандыгайты: 1) «Хандыгайты», исп. Ай-Белек Ооржак, «Хандыгайты», исп. Алик Ооржак «Хандыгайты», исп. Айран Тюлюш.

Песни, посвященные Овюру: 1) «Овур кожуун», исп. Алик Ооржак feat Анчы Салчак, 2) «Одээм болур Овур чарыым», исп. Аким Монгуш, 3) «Овурумну», исп. студия «Саглы Хем», 4) «Овур чернин могелери», исп. Мерген Куулар, 5) «Овур черим», исп. Буян, 6) «Овур оглу, ынаам», исп. Сайзана, 7) «Одээм болур Овур чарыым», исп. Аким Монгуш, 8) «Овур кожуун толдери бис», исп. студия «Саглы Хем», 9) «Овурумну», исп. студия «Саглы Хем», 10) «Овур, Сут-Хол», исп. Мерген Куулар и Ишкин оглу, 11) «Овур чуртуг аныяк кыс», исп. Демир Уйнук-оол, 12) «Мээн чуртум», исп. Долума Чымбалак.

Рис. 1. Санчат-оол Кум-Байыр Александрович, житель с. Дус-Даг Овюрского района. Автор фотографии: Е. Тирон
Image. 1. Sanchat-ool Kum-Bayyr Aleksandrovich, resident of the village of Dus-Dag, Ovyur region. Author of the photo: E. Tiron

Общий лейтмотив песен – это восхваление родной земли, описание ее природных красот. В песнях образ Овюрского района представляется как плодородный край изобилия:

• «с переполненными во дворе козами», «там, где табуны лошадей и стадо овец», «с чистыми, как аржаан, источниками», «славных борцов родная земля», «с необъятной красной солью», «с многочисленным народом»

(песня «Овурумну», исп. студия «Саглы-Хем»);

• там, где «искусные девушки шьют», «празднества проходят» (песня «Хандагайты», исп. Ай-Белек Ооржак);

• место, где «теплая зима, благоприятная для разведения домашнего скота» («Саглы суурум», исп. Эртине-Маадыр Ооржак).

Мы полагаем, что производство (написание и выпуск) данных песен продиктовано, прежде всего, глубокой персональной привязанностью исполнителей к территории и традиционному животноводству. В ментальной картине мира информантов родное село – это, прежде всего, (1) окружающая природа, где внутри располагается село и сам дом, и (2) родовое место, которое для каждой семьи определяется отдельно шаманами или буддийскими ламами; (3) «зимняя» и «летняя» чабанские стоянки. Родными местами мыслятся прилегающая степь, речки, горы, визуально кажущиеся близким из-за высокогорья небо, дорога, скот, чабанские стоянки. Именно в таком виде «село» в сознании опрошенных нами людей представляется местом, обладающим тотальным свойством силы, мощной энергетикой. Туда, куда хочется возвращаться для наполненности и завершенности бытия.

Опрошенные нами информанты успешно адаптировались к городским условиям: имеют среднее или высшее образование, работают в социально-престижных сферах. Несмотря на включенность в городскую среду, они *скучают* по селам. Анализ глубинных интервью показал, что люди испытывают чувство грусти от разрыва с сельской местностью. Тоска по знакомым природным пейзажам, замедленному ритму повседневной жизни («*безумно устаю от бесконечных отчётов, от рабочих проблем. Когда я сюда приезжаю, я прямо расслабляюсь. Мне хорошо свободно дышится... скорей бы уже пенсионный возраст, и я бы сюда перебрался и тут бы остался навсегда*»), чувство принадлежности к Овюрскому району является, на наш взгляд, одним из маркеров локальной идентичности. Так, Ч. Морс, Дж. Маджет справедливо отмечают, что «тоска по дому, которую испытывают современные мигранты из сельской местности, заслуживает более глубокого рассмотрения в связи с тем, что она может рассказать о местной идентичности людей» [Morsea, Mudget, 2017, p. 97].

Специфика локальной идентичности овюрцев заключается в том, что аффективный (эмоциональный) компонент в структуре идентичности выражается в том числе и в творчестве. Люди обращаются к песням, пытаясь облечь свои чувства к «малой родине» в художественную форму. Ранее мы уже отмечали, что Овюрский район удивительным образом выделяется на фоне остальных районов республики количеством талантливых людей. Образно говоря, это место, где рождаются будущие певцы, поэты и писатели. В интервью информанты упоминали, как они обращаются к творчеству, когда вспоминают о родной земле.

«Аал – родное место для нас... Когда это чувство меня переполняет, я пишу стихи и легче становится… Мне кажется, таким творческим людям, как я, проще совладать со своими эмоциями и все это высказать в стихах. Например, брат тоже пишет стихи и сам поет. Нетворческим людям сложнее пережить эту адаптацию, связанную с переездом из родного села в город» (женщина, 34 года).

Другой информант рассказывала о том, как село, в котором прошла ее молодость, постепенно приходило в упадок. На вопрос: «Это все вы видели своими глазами?», ответила: «*Видела-видела. У меня даже родительского дома там не осталось. Я даже стихотворение сочинила про это*» (женщина, 55 лет).

Исходя из данных предпосылок, а также, учитывая значительное количество выпущенных в публичное пользование песен, полагаем, что воспевание родного края является маркером ярко выраженной и позитивно окрашенной локальной идентичности. Публичное исполнение песен действительно отображает мысли, чувства и представления тувинцев, связанные с Овюром. Таким они видят свой край, таким его любят, так скучают.

Обратимся к потребителям музыкального контента. Прежде всего, нас интересовало,

исполняют ли носители сельской культуры фольклорные овюрские песни, проживая в городе. Предварительные результаты показали, что информанты знают народные *кожамыки* ‘частушки’ и протяжные *ыры* ‘песни’, но в городских условиях больше слушают эстрадные песни овюрских певцов, чем самостоятельно поют фольклорные композиции. Так, девушка поделилась: «*В последнее время я скучаю по Родине и стала часто слушать песни про Родину, практически каждый вечер включаю перед сном и засыпаю*» (женщина, 20 лет). Поют при встречах с одноклассниками-сельчанами или во время семейных мероприятий: *«Когда мы все собираемся с родственниками, мы все едем в одной машине, и мои тети поют все старые песни, которые раньше пели, и они все поют. Это по дороге на наше мероприятие [дагылда], там тоже и обратно*» (женщина, 28 лет).

На вопрос «исполняете ли вы кожамык ‘частушки’», информант ответила: «*У нас в школах бывали на Шагаа, и мы все кожамыки знаем. В школьные годы, наверное, лучше всего знала. Потом нет такой возможности петь. Нет таких обстоятельств, когда можно петь. Мы же переехали почти сразу после школы. Поэтому у нас не было возможности практиковаться. У них же там конкурсы. Если сейчас попросят, мне нужно вспомнить*» (женщина, 36 года). Тувинцев принято считать музыкальным народом. Как отмечает В. Ю. Сузукей, «Практически каждый носитель тувинской этнокультурной традиции, если даже не умел играть на музыкальном инструменте, ... песни, тем более кожамыктар, наверняка знал и исполнял, особенно в молодости. От пожилых людей часто можно слышать фразу: «Раньше люди только открывали рот, как лилась музыка, пение»» [Сузукей, 1989, с. 12]. Интересное объяснение, почему тувинцы любят народные песни, дал один из информантов, который также является автором и исполнителем песен: «*Народные песни, не знаю, наверное, в крови у всех, у нескольких поколений. Все уже в крови, в генах. Когда поешь протяжные народные песни, все застывают ... Когда эти старые песни тоже поешь, народные, вот эти протяжные песни поешь, все застывают, слушают. Но это, наверное, гипнотическое что-то в наших песнях народных. Например, это колыбельные наши опей ... Но есть такое гипнотическое. Где-то в генах заложено все это*» (мужчина, 32 года).

Все опрошенные информанты ответили, что впервые кожамык или локальные овюрские песни услышали в семейном кругу. Из воспоминаний: «*С самого детства я слушала кожамыки моей бабушки. По вечерам они поют. Естественно, я это помню. Она любила петь и постоянно пела. У неё были любимые кожамыки. Я сейчас даже вспомню, я просто забыла, наверное. Она знала много, но у неё были 2-3 любимые строчки*» (женщина, 42 года). При этом институты образования (школа, садик) в сельском сообществе также помогают поддерживать локальную песенную овюрскую традицию. Информанты отмечали, что исполняли кожамыки во время праздников, которые в селе проходят с активным участием местных жителей. В городе празднование Шагаа, как правило, проходит формализовано на общественных площадках, где человек является скорее слушателем, чем исполнителем, или в узком семейном кругу. В селах устраивают массовые народные гуляния с конкурсами, концертами, играми. Такие формы самодеятельности, безусловно, способствуют поддержанию живого бытования местного фольклора.

Часто молодые люди, обосновавшись в городе, перевозят своих родителей. Не все соглашаются на переезд. Отрыв от традиций животноводства и сельского пространства компенсируется активным плотным общением с овюрцами, в том числе и с использованием мессенджера Viber [Ламажаа, 2021]. Локальная идентичность проявляется и в знании песенной традиции. Летом 2022 года участникам нашего проекта удалось записать ценный фольклорный материал у представителей старшего поколения, проживающих в Кызыле. В основном это народные песни и авторские самодеятельные песни. Как правило, культурная значимость фольклорного наследия возрастает с возрастом, и передача «эстафеты» происходит от пожилого поколения молодому.

Отчасти этим можно объяснить некоторое угасание локальной песенной традиции в городских условиях у молодого поколения.

Таким образом, в городе, особенно среди молодого и среднего поколения, наблюдается снижение бытования аутентичного локального фольклора и распространение творчества овюрских тувинцев в жанре эстрадной поп-музыки. В некотором смысле это два взаимообусловленных процесса: утрата песенным фольклором актуальных социальных функций компенсируется бурным развитием самодеятельного песнетворчества [Карелина, 2013, с. 107]. Популярность композиций с тематикой сельского пространства также говорит нам о слабой урбанизированности тувинского общества в целом [Цыбенова, 2019].

Заключение

Производство (спрос и предложение) овюрских эстрадных песен заслуживает более глубокого изучения со стороны антропологов, социологов, музыковедов. Подобные музыкальные практики свидетельствуют о взаимной потребности одних петь, а других – слушать. Обе категории испытывают чувство принадлежности и привязанности к локальной территории, а также стремление быть причастными к сообществу земляков. Данная «живая практика» является маркером сформированной локальной идентичности – индивидуальной и коллективной. Сельские мигранты не растворяются в городе окончательно, а осознают себя «овюрцами», укрепляя свою идентичность через музыкальное общение друг с другом. Наметим основные локусы внимания для дальнейших исследований: лингвистический анализ овюрских песен, мотивационные нарративы исполнителей (зачем и для чего поют), антропологические практики слушания песен (когда и зачем слушают), экономическая сторона тувинской поп-индустрии и, наконец, локальная идентичность тувинцев из Овюрского района как ресурс для развития сельских территорий.

Литература

Ваневская П. Н., Лермонтов Д. А. «В каждой местности свои звуки есть...»: звуковой ландшафт села нюксеница в восприятии местных жителей // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2021. № 2. С. 18–25.

Карелина Е. К. Самодеятельное творчество как объект музыковедческого исследования // Вестник музыкальной науки. 2013. № 1. С. 229–236.

Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10

Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.

Назукина М. В. Локальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко. Москва: Весь Мир, 2017. С. 512–516.

Неклюдов С. Ю. Фольклор на «антропологическом повороте» // Фольклор и антропология города. Москва, 2018. I (1). С. 9–10.

Саая О. М. Язык поэтических текстов современных тувинских эстрадных песен // Новые исследования Тувы. 2017. № 2. [Электронный ресурс] URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/708 (дата обращения: 23.09.2022). DOI: 10.25178/nit.2017.2.12

Сузукей В. Ю. Проблема лада в тувинской народной музыке: теоретические и практические аспекты / ред. К. А. Бичелдей. Кызыл, 1989. 67 с.

Цыбенова Ч. С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва // Вестник КИГИ РАН. 2019. № 3 (43). С. 460–477.

Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Том 3. № 2. 2003. С. 3–34.

Gibson Ch., Gordon A. Rural cultural resourcefulness: How community music enterprises sustain cultural vitality. Journal of Rural Studies. Vol. 63. 2018. Pp. 259–270.

Morsea Ch., Mudgett J. Longing for landscape: Homesickness and place attachment among rural out-migrants in the 19th and 21st centuries. Journal of Rural Studies. Vol. 50. February 2017. Pp. 95–103.

Pollio H. R., Henley T. B., Thompson C. J. The Phenomenology of Everyday Life. 1997. Cambridge: Cambridge University Press. 416 p.

Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place. Political research quarterly. 2018. T. 71. Vol. 4. Pp. 960–974.

Yarwood R., Charlton C. «Country life»? Rurality, folk music and «Show of Hands». Journal of Rural Studies. Vol. 25, Issue 2. 2009. Pp. 194–206.

References

Gibson Ch., Gordon A. Rural cultural resourcefulness: How community music enterprises sustain cultural vitality. *Journal of Rural Studies*, 2018, vol. 63, pp. 259–270. (In English).

Karelina E. K. Samodeyatel'noe tvorchestvo kak ob"ekt muzykovedcheskogo issledovaniya [Amateur creativity as an object of musicological research]. *Bulletin of Musical Science*, 2013, no. 1, pp. 229–236. (In Russian).

Lamazhaa Ch. K. Sotsial'naya kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [The Tuvans' social culture and online space]. *The New Research of Tuva*, 2021, no. 2, pp. 115–129. (In Russian).

Morozova E. V., Ulko E. V. Lokal'naya identichnost': formy aktualizatsii i tipy [Local identity: forms of actualization and types]. *Political expertise: Politeks*, 2008, no. 4, pp. 139–151. (In Russian).

Morsea Ch., Mudgett J. Longing for landscape: Homesickness and place attachment among rural out-migrants in the 19th and 21st centuries. *Journal of Rural Studies*, 2017, vol. 50. February, pp. 95–103. (In English).

Nazukina M. V. Lokal'naya identichnost' [Local identity]. In: Identity: Personality. Society. Politics: Encyclopedic Publication / edited by I. S. Semenenko. Moscow, All World, 2017, pp. 512–516. (In Russian).

Neklyudov S. Yu. Fol'klor na "antropologicheskom povorote" [Folklore on the "anthropological turn"]. In: City Folklore and Anthropology. I (1). Moscow, 2018, pp. 9–10. (In Russian).

Pollio H. R., Henley T. B., Thompson C. J. The Phenomenology of Everyday Life. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, 416 p. (In English).

Saaya O. M. Yazyk poeticheskikh tekstov sovremennykh tuvinskikh estradnykh pesen [The language of poetic texts in modern Tuvan pop songs]. *The New Research of Tuva*, 2017, no. 2. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/708 (accessed on September 23, 2022). (In Russian).

Shyuts A. O mnozhestvennosti real'nostei [On the multiplicity of realities]. *Sociological Review*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 3–34. (In Russian).

Suzukei V. Yu. Problema lada v tuvinskoi narodnoi muzyke: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The problem of fret in Tuvan folk music: theoretical and practical aspects] / edited by K. A. Bicheldei. Kyzyl, 1989, 67 p. (In Russian).

Tsybenova Ch. S. Sotsial'naya kharakteristika yazykovoi situatsii v Respublike Tyva [Social characteristics of the language situation in the Republic of Tuva]. *Bulletin of Kalmyk Institute for Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2019, no. 3 (43), pp. 460–477. (In Russian).

Vanevskaya P. N., Lermontov D. A. «V kazhdoi mestnosti svoi zvuki est'...»: zvukovoi landshaft sela Nyuksenitsa v vospriyatii mestnykh zhitelei ["Each locality has its own sounds ...": the soundscape of the village of Nyuksenitsa in the perception of local residents]. *Labyrinth. Theories and practices of culture*, 2021, no. 2, pp. 18–25. (In Russian).

Wilcox-Archuleta B. Local Origins: Context, Group Identity, and Politics of Place. *Political research quarterly*. T. 71. 2018, vol. 4, pp. 960–974. (In English).

Yarwood R., Charlton C. «Country life»? Rurality, folk music and «Show of Hands». *Journal of Rural Studies*, 2009, vol. 25, issue 2, pp. 194–206. (In English).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.008
УДК 398.8 (= 512.133)

ТРАДИЦИОННЫЕ ПОВТОРЕНИЯ В ПЕСНЯХ

Ш. Г. Турдимов

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: somirzaturdimov@yandex.ru

В статье рассматриваются различные традиционные повторения, которые являются основным элементом, определяющим мелодию песни, манеру исполнения, а также сохраняют композицию песни. Исследуются генезис, семантический охват и функция повторения «Якку-як». В процессе исполнения положение свободных четверостиший может меняться в зависимости от ситуации, некоторые слова и строфы обновляются, определенная часть четверостиший может быть исполнена в нескольких тональностях. Но сами традиционные повторы остаются почти неизменными.

Ключевые слова: народная песня, сказитель, традиционное повторение, вариант, жанр, способ исполнения, композиция, мелодия, повтор.

TRADITIONAL REPETITIONS IN SONGS

Shomirza G. Turdimov

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060; email: somirzaturdimov@yandex.ru

The article discusses various traditional repetitions, which are the main element that determines the melody of a song, the manner of performance, and also preserve the composition of a song. The genesis, semantic scope and function of repetition of "Yakku-yak" are investigated. During the performance, places of free quatrains may change depending on the situation, some words and stanzas are updated; a certain part of quatrains can be performed in several keys. But the traditional repetitions remain almost unchanged.

Keywords: folk song, storyteller, traditional repetition, variant, genre, method of performance, composition, melody, repetition.

Введение

В композиции народных песен очень важное место занимают традиционные повторения. Они являются основным элементом, определяют мелодию песни, манеру исполнения и сохраняют композицию песни. В более ранних исследованиях упоминаются лишь некоторые общие признаки традиционных повторений, но до сих пор они не являлись объектом специального рассмотрения [Алавия, 1972, с. 5–7].

Во время исполнения народных песен и танцев у певцов и артистов чаще всего встречаются такие повторы, как: *«Киштала-киштала»*, *«Киштала-киша»*, *«Киштала хо, киштала»*, *«Хе-ха-хей, думтак»*, *«Уху джакала»*, *«Аху-ху хай, аха, аху-ху хай, аха»*, *«Лакала китон, умбала китон, лакала-лакала»*, *«Умбала, умбала китон, лакала китон»*, *«Лаку лякала»*, *«Ях-ха, ха, ха, ха, йа-ха, ха, ха, ха»* и другие. Определенное количество этих повторений воспроизводится с байтами, четверостишиями. Между тем есть специфичные повторы, создающие мелодию и соединяющие четверостишия в композицию песни. Как правило, такие повторы встречаются в названии уже самой песни или в начальных строках той самой песни. Например: *«Амон ёр»*, *«Сумбила»*, *«Йол болсин»*, *«Найзонгул»*, *«Вахай бола»*, *«Гынайлик»*, *«Хилила»*, *«Зебомхан»*, *«Ак билагым»*, *«Гулиор»*, *«Ёш-ёшгина»*.

Основная часть

По своей структуре традиционные повторения могут состоять из одного слова, строфы, некоторых строк или полного

четверостишия, пятистишия, шестиростишия или даже восьми стихов. В песнях повторения распространены в форме четверостиший. Такие повторы, как *«Гулёр», «Омонёр», «Жынайлик», «Аджаб-Аджаб»,* повторяются в конце строфы, а *«Қадамингда гуллар очилсин», «Ёш-ёшгина бола ёшгина, кокил солай астогина»* повторяются после каждой строфы или четверостишия.

В процессе исполнения определенные четверостишия поются строго с тем или иным традиционным повтором и не входят в состав других припевов. Но большинство свободных четверостиший не имеют ограничений. Например, песня *«Галдир»* начинается со строки *«Бегасам тонлар кийиб»*, и это вступительное четверостишие считается постоянным для песни. Четверостишие песни исполняется в манере мелодии, которая носит название «Ферганача».

Оқ илон, оппоқ илон,
Ойдинда ётганинг қани?
Мен ёмондан айрилиб,
Яхшини топганинг қани?
[Ўзбек халқ қўшиқлари, 2012, с. 25]

Белая змея, белая змея,
На свету ли лежишь ты?
Освободившись от меня плохого,
Где ты нашёл хорошего, можем заметить,
[Узбекские народные песни, 2012, с. 25].

Этот стих считается свободным четверостишием. И такого рода примеров можно привести множество. *Бадиха* ‘виртуозность’, которая происходит в исполнении, реализуется в рамках традиционных повторений, порождающих тон. В процессе исполнения положение свободных четверостиший может меняться в зависимости от ситуации, некоторые слова и строфы обновляются, определенная часть четверостиший может быть исполнена в нескольких тональностях. Но традиционные повторы с течением времени остаются почти неизменными, потому что они являются одним из основных элементов при создании мелодий.

В большинстве случаев семантика традиционных повторов остается неизвестной. Иногда они семантически не наполены, но создается впечатление, что это комбинация повторяющихся звуков, создающих мелодию. Например: *«таралли яллы хо, таралли лей-лей-лей», «уху джакала», «якку-як».* Как правило, идет повторение определенных звуков и сочетаний, например, *«ху / ку», «як / жак», «ла / лай».* В корне большинства песенных жанров появляется сочетание *«ла»: «алла», «ялла», «олан», «лапар», «ашулла».* Обилие повторов говорит о закономерности. Традиционные повторы служат своеобразным ключом к раскрытию тайн истории песен, мелодий.

Более подробно остановимся на традиционном повторении «Якку-як». Эта песеня, которую издавна исполняли в Сурхандарьинской области. В настоящее время она прочно вошла в репертуар ряда фольклорных коллективов. Песня начинается со следующего устойчивого четверостишия:

Тоғлар боши ўрама,
Кийик шохи бурама,
Бой қизини бермаса,
Бойни худо урама.
Яққу-яққу, яққу-яқ,
Яққу-яққу, яққу-яқ.

В чем заключается скрытый смысл повтора *«Якку-як»*, определяющего мелодию песни и ее композиционную целостность? Ответ на этот вопрос возможен, если проследить историю других традиционных повторов с аналогичным содержанием, которые уже были забыты. Анализ показал, что употребляемые созвучия встречаются в традиционных повторах «*жақу-жақу*», «*уҳу чақала*» в составе хорезмских народных песен, также в названии песенно-танцевального цикла «чавки» на территории Булунгурского, Галляаральского районов Самаркандской и Джизакской областей. Термин *чавки* ‘зрелище’ используется в Ферганской долине (представление канатоходцев, представление клоунов, кукольное представление).

Слово *чавки* (*якку-як / жаку-жаку / чакала*) произошло от двух самостоятельных слов *«як /жак / чав»* и сочетания *«ку / ки».* Сочетание гласных *я(йа), ў, у, и,* с согласными *ж, с, ч, қ, к, г* в узбекском литературном языке и диалектах узбекского языка образуют несколько вариантов, например, слово *як* дает варианты

жак (жак, яг), як (як, яг), чак (чак, чаг), сак (сак, саг) (исторически ближе к *жа, йа, ча, са).* Чтобы найти основное значение каждого слова, нужно взглянуть на семантический ряд и объем корневого слова и слов, образованных от этого корня. В словаре «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлов перечисляет шесть различных значений слова *чак*. Ученый привел первое значение *чак* ‘звук удара двух предметов друг о друга’, а в качестве примера привел слово ‘аплодисменты’ [Радлов, 1905].

В корне некоторых современных узбекских слов, например, *чакмок* ‘молния’, *чакчаглашмак* ‘беседовать по душам, *чакимчи* ‘ябеда’, *чакмокташ* ‘огниво’, *чак* ‘огонь’, *чапки* ‘ножик’ есть общий корень *чак*. Представленные примеры имеют семантику как ‘звук, издаваемый ударом двух предметов друг о друга’, ‘передача события или речи от одного предмета к другому’, а также ‘содержание взаимного разговора’. Понятно, что эти слова обладают звукоподражательной семантикой. Махмуд Кошгари трактует одно из значений слова *сав* как ‘человек, сообщающий предыдущие новости’, а *савчи* – как ‘пророк’. Слово *сав* тоже связано с корнем *сак/чак* [Кошгари, 2016. с. 104].

Таким образом, первоначальное значение слов *жақ / чақ / чав / сав* – ‘звук’, ‘сообщение’, ‘хлопанье в ладоши’ или ‘звук удара двух предметов друг о друга’, а вторая часть *якку / чавки / жаку* – это фонетические варианты *ку / ки*. Среди традиционных повторов в народных песнях корень с *чак* также встречается в различных вариантах и в составе других словосочетаний, в том числе в форме *ху / хо / хуэй* в детских песнях, потешках:

Ҳуййа ҳуй,
Талқон туй.

В детской игровой песне:

Ҳаққу, ҳаққу билазук,
Ўнг қўлимда ўн узук...:

В танцевальных песнях Бешкарсак:

хув/хуй/сюй/хэй, ха, ха.

Древние египтяне объясняют, что мир возник от слова *хуу*, произнесенной богиней Тот (богиня мудрости, истины и порядка, покровительница счета и письма) [Мифы народов мира, 1992, с. 521, 522]. *Ху / ху / ку* считается древнейшей мантрой во всех религиях и учениях и рассматривается как выражение высшей силы, ее воплощения. Интересно, что у суфиев и каландаров есть мантрический повтор *ху / хув. Хув* отражается в восьмиугольнике, который символически выражает сущность суфизма. В дзен-буддийских учениях высшая сила называется *ку,* и, по поверьям, после смерти все люди должны вернуться к ней.

Следовательно, слова *чак* и *ку* являются корнем слов *якку / джаку / чавки*. Они являются древними мантрическими корнями и имеют семантику божественных оваций, являющихся единицей высшей силы, получение духовных знаний и информации с помощью пения и танцев под аплодисменты.

Заключение

Якку-як / жаку-жаку в танце и пении воздействуют на психику человека и настраивают ее на более высокие энергетические вибрации. Повторы *якку-як или жаку-жаку* – это многовековые мантрические слова, которые сохранились от древних религиозно-ритуальных танцев нашего народа до наших дней. Позже они стали уже терминами в названиях песен и танцев, песенно-танцевальных циклов или представлений и зрелищ.

Многие традиционные повторы, входящие в состав песен и танцев, как «Якку-як», являются бесценными сокровищами, иллюстрирующими историю мышления нашего народа, этапы и пути его эволюционного развития. Это путешествие в мир слов и терминов еще раз показывает насколько древнее и богатое наше искусство и фольклор.

Литература

Белое яблоко, красное яблоко. Узбекские народные песни / Сборник Музайяна Алавия. Ташкент: Фан, 1972. 72 с.

Кошгари М. Диван лугат ат-турк. (Свод тюркских слов). Том 2. Москва: Восточная литература (РАН), 2016. 512 с.

Мехригия (узбекские народные песни). Ташкент: Узбекистан, 2012. 318 с.

Мифы народов мира. / Гл. ред. С. А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 719 с.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3, ч. 2. Санкт-Петербург: Типография Российской Императорской Академии Наук, 1905. 98 с.

Свадебные песни. Ташкент: Литературно-художественное изд-во им. Гафура Гулама, 1981. 229 с.

References

Beloe yabloko, krasnoe yabloko. Uzbekskie narodnye pesni [White apple, red apple. Uzbek folk songs] / Muzayan Alavia's collection. Tashkent, Fan, 1972, 72 p. (In Uzbek).

Koshgari M. Slovar' Devonu-t-turetskii [Devon-t-Turkish Dictionary]. Vol. 2. Moscow, Eastern literature, 2016, 512 p. (In Russian).

Mekhrigiya (uzbekskie narodnye pesni) [Mekhrigiya (Uzbek folk songs)]. Tashkent, Uzbekistan, 2012, 318 p. (In Uzbek).

Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1992, 719 p. (In Russian).

Radlov V. V. Opyt slovari tyurkskogo yazyka [Experience. Dictionaries of the Turkic language]. Vol. 3, ch. 2. Saint Petersburg, Printing House of the Russian Imperial Academy of Sciences, 1905, 98 p. (In Russian).

Svadebnye pesni [Wedding Songs]. Tashkent, Gafur Gulyam Literary and Art Publishing House, 1981, 229 p. (In Uzbek).

Литературоведение

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.009
УДК 821.512.31

ЛИ БО НА БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОЭТИКА И СТИЛИСТИКА ПЕРЕВОДОВ Д. УЛЗЫТУЕВА

И. В. Булгутова

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, ул. Смолина, 24 а, Улан-Удэ, 670000, Россия; email: irabulgutova@mail.ru

Материалом исследования являются поэтические переводы на бурятский язык известного китайского лирика VIII в. Ли Бо, изданные в 2021 г. в дневниках классика бурятской литературы – Дондока Улзытуева. В статье с целью выявления поэтико-стилистических особенностей переводов Д. Улзытуева решаются задачи, направленные на раскрытие общности художественного постижения мира в творчестве Ли Бо, в котором воплотились принципы восточной поэтики, и бурятского поэта Д. Улзытуева, установление в творчестве Д. Улзытуева отсылок к произведениям Ли Бо, описание свойственных восточной поэзии черт, таких как стремление к краткости, концентрация переживаний и чувств, создание подтекста, состояния особой сосредоточенности и медитативности. Рассматривается особая роль метонимии, ассоциативных связей в построении поэтической образности (на примере образов небесных светил), проявление особенностей языкового моделирования бурятского языка в трактовке эмоционального ряда, в пространственном выстраивании и расположении эмоций. На основе анализа функционирования в бурятском переводе ольфакторных, осязательных, слуховых и зрительных образов и их сочетаний, приемов, которые можно увидеть и в переводах стихотворений Ли Бо, и в лирике самого Д. Улзытуева, доказывается мысль о созвучии художественных принципов поэтов Востока. Переводы Д. Улзытуева выполнены на высоком художественном уровне, поэтика краткости в них сочетается с применением традиционных ритмических средств бурятской поэзии.

Ключевые слова: Ли Бо, Дондок Улзытуев, поэтический перевод, диалог, восточная поэтика, стихосложение, образ, метонимия.

LI BO'S POETRY IN THE BURYAT LANGUAGE: POETICS AND STYLISTICS OF TRANSLATIONS BY D. ULZYTUEV

Irina V. Bulgutova

Dorzhi Banzarov Buryat State University, 24a Smolin Str., Ulan-Ude, 670000, Russia; email: irabulgutova@mail.ru

The research material is poetic translations into the Buryat language of the famous Chinese lyricist of the 8th century, Li Bo's works, published in 2021 in the diaries of the classic of Buryat literature Dondok Ulzytuev. The article, in order to identify the poetic and stylistic features of D. Ulzytuev's translations, addresses the tasks aimed at revealing the commonality of artistic comprehension of the world in Li Bo's works, in which the principles of Eastern poetics and the Buryat poet D. Ulzytuev were embodied, the identification in the works of D. Ulzytuev references to Li Bo's works, the description of the characteristic features of eastern poetry such as the tendency to brevity, concentration of experiences and feelings, the creation of subtext, a state of special concentration and meditativeness. The article considers special role of metonymy, associative connections in the construction of poetic imagery (on the example of images of heavenly bodies), the manifestation of the features of the linguistic modeling of the Buryat language in the interpretation of the emotional matter, in the spatial alignment and arrangement of emotions. Based on the analysis of the functioning in the Buryat translation of olfactory, tactile, auditory and visual images and their combinations, techniques, that can be seen both in translations of poems by Li Bo and in the lyrics of D. Ulzytuev, the idea of the consonance of the Eastern poets' artistic principles is proved. D. Ulzytuev's translations are executed at a high artistic level; the poetics of brevity in them is combined with the use of traditional rhythmic means of Buryat poetry.

Keywords: Li Bo, Dondok Ulzytuev, poetic translation, dialogue, oriental poetics, versification, image, metonymy.

Введение

В 2021 году были впервые изданы дневники классика бурятской поэзии – Д. Улзытуева. В дневниках 1957–1958 годов, написанных поэтом в период учебы в Литературном институте, содержатся переводы поэта из восточной поэзии. Если переводы японской поэзии ранее выходили в свет в сборниках, то переводы китайского поэта Ли Бо были опубликованы впервые. Они были выполнены с русских переводов, судя по отдельным художественным деталям, предположительно с переводов А. Гитовича.

Основная часть

Д. Улзытуев поэтически описывает свое впечатление от прочтения стихотворений Ли Бо: он пишет в дневнике о чудесном саде китайской поэзии, из которого он вынес девять цветков лотоса. Так, в образной форме поэт обозначает девять переведенных им стихотворений китайского поэта: *Угалзата хүгжэм, угалза һайхан уран бүтээлгын орон, Хитад орон! Урда холын сагһаа ухаалан зохёоһон уран ирагуу шүлэглэлэйнь эхин булагуудай нэгэн Ли Бо... Дурна зүгэй бадма сэсэгүүдэй тооһо суглуулан, шэдитэ лирикын сэсэг тарилайш... Сэсэрлиг соогуурнь алхалнаб; һэрюухэн гээшэнь, арюухан гээшэнь; торголиг һэбшээн урал хасарым эльбэнэ, би болор шулуун һандали дээрэ һуугаад, гурбан хоног, гурбан үдэр дууранаб. Зүүдэнэй оронһоо бусахадаа юһэн сэсэг асарааб, юһэн лёнхобо сэсэг* [Улзытуев, 2021, с. 93] ‘Страна удивительной музыки, прекрасных творений искусства – Китай! Один из родников – источников поэзии с глубокой древности Ли Бо… Собрав мед с лотосов Востока, ты взрастил цветок волшебной поэзии. Шагаю по его саду; прохладно, чисто и свежо; шелковый ветерок ласково обвевает мое лицо, сев на хрустальный престол, три дня и три ночи я грезил. Когда же вернулся из страны снов, принес девять цветов, девять лотосов’.

Обращение к переводам восточной поэзии у Д. Улзытуева не было случайным: творчество китайского поэта, в котором воплотились принципы восточной поэтики, оказалось созвучным бурятскому поэту. «В бурятской поэзии рассматриваемого периода можно заметить довольно интересное явление – синтез традиций европейской и восточной поэзии. Если раньше ведущее положение занимала традиция европейская, в основном русская, то с середины 60-х и в 70-е годы ощущается интерес к восточной поэзии, ее традициям. К примеру, к поэзии Японии, Монголии, Индии, Тибета» [История бурятской литературы, 1997, с. 164].

Как известно, восточная поэтика «…не рекомендует пользоваться прямым воспроизведением или тем более простым называнием той или иной эмоции. Значительно больший, с ее точки зрения, эстетический эффект создает опосредованное изображение чувства, требующее активных интеллектуальных усилий, своего рода «сотворчества» читателя» [Восточная поэтика, 1996, с. 8]. Для обращения к переводам Ли Бо, таким образом, у Д. Улзытуева была мотивирующая его художественную мысль общность принципов постижения мира. Для переводов бурятским поэтом отобраны были стихотворения Ли Бо, написанные в жанре четверостиший (*цзюэцзюй*, или «оборванных строк»). Д. Улзытуев переводил с русских переводов Ли Бо, где четверостишия переведены как восьмистишие, состоящее из четырех двустиший. У Д. Улзытуева они трансформировались в восьмистишие, состоящее из двух катренов. Следует отметить высокую частотность восьмистиший такого рода в последующем творчестве Улзытуева, можно ли тут говорить о влиянии китайского поэта – вопрос открытый, так как в оригинальных стихотворениях поэта выстраивается параллелизм, созвучный принципам бурятских народных песен.

Знакомство с поэтической системой мастера художественного слова мирового уровня не могло остаться бесследным для бурятского поэта в его ученические годы, запись в дневнике относится к первому году его учебы в Литературном институте. Можно выявить ряд перекличек в творчестве поэтов. Так, название стихотворения Ли Бо 静夜思 «Думы тихой ночью» Д. Улзытуев перевел как «Һүниин бодолнууд» («Ночные думы»), соблюдая традиционный для бурят-монгольской

поэзии прием анафоры, или же принцип единоначалия *толгой холболго*, также в данном переводе наблюдается и конечное созвучие – перекрестная рифма в обоих четверостишиях. Стиховед Г. О. Туденов писал о ритмических средствах бурятской поэзии следующее: «...В бурятском языке существует специальный термин для обозначения данного явления «толгой холболго», что означает в буквальном переводе на русский «соединение начал или голов». Однако необходимо отметить, что термин «аллитерация» не полностью отражает содержание «толгой холболго». Во-первых, в стихосложении европейских народов под термином «аллитерация» подразумевается в основном повторение лишь согласных звуков, тогда как в «толгой холболго» повторяются с одинаковым правом и согласные, и гласные звуки, составляющие часто слоги» [Туденов, 1958, с. 46].

***Ун**тариимни ойгуур*
***Ун**ана толон... һайхан.*
***А**ли хюруун ха гүү?*
***А**сууналби гайхан.*
***Тол**гойгоо үргэн харанаб*
***Тол**орно һара сонхоором.*
***Ш**эртэн һууһаар ганханаб.*
***Ш**эбшэнэб шамаяа, Эхэ ором*
[Улзытуев, 2021, с. 89].

На основе этого стихотворения можно высказать предположение о том, что Д. Улзытуев переводил китайского поэта с переводов А. Гитовича, так как именно в его переводе появляется образ окна, которого нет в оригинале у Ли Бо:

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.
А может быть, это иней?
Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю –
Гляжу на луну **в окошко**,
Я голову опускаю –
И родину вспоминаю
[Ли Бо, 1999, с. 62].

Метонимическая образность подобного рода, когда лунный свет напоминает о родине, наблюдается в стихотворении «Арбан юһэн наһандаа эхэ нютагһаа гаража» («Когда в девятнадцать лет я уезжал из родных мест...») самого Д. Улзытуева, написанного также во время пребывания на чужбине. Созвездие Семерых Старцев, которое поэт видит на небе, напоминает ему о родных краях, позволяя осознать свое предназначение:

Тэнюун үдэр майхамни Долоон Үбгөө яларуулжа,
Тэнсэлгүйгөөр гуниглан, нойргүй хонодог болоо һэм,
Тиихэдээл, одоол тиихэдэ, эхин удхаа олоо һэм
[Улзытуев, 1966, с. 64].

Однажды на небе засветились Семь Старцев,
Нестерпимо затосковав бессонными ночами,
Именно тогда я понял изначальный промысел.

По мнению ученых, именно метонимическая образность получает особое развитие в восточной литературе: «Европейская поэтика пошла преимущественно по пути метафоризации, метонимия в ней на определенное время оказалась отодвинутой на второй план. Китайская поэтика, опиравшаяся на более архаический субстрат, напротив, акцентировала метонимию и необычайно тонко ее разработала» [Теория литературы, 2004, с. 167]. Связь по смежности явлений, устанавливаемая в метонимии, имеет особое значение в процессе символизации. Поэтика подтекста, опосредованного выражения эмоциональной сферы свойственна, в целом, складу характера восточных народов. Возникают в творчестве Д. Улзытуева и другие отсылки к рассматриваемому произведению Ли Бо. Так, в годы учебы в Литературном институте поэт сочинил слова песни «Дуран тухай» («О любви»), которая включает в себя текст на бурятском языке и русском, причем содержательно они не дублируют друг друга. В бурятском тексте разворачивается традиционный для бурятской поэзии образ кукушкиных песен в описании летней ночи, русский же текст аллюзивен к тексту стихотворения Ли Бо «Думы ясной ночью»:

Здравствуй, ночная прохлада,
Месяц в печальном окне.
Здравствуй, былая отрада,
Ты пробудилась во мне.
Или от летнего ветра
Родина вспомнилась мне,
Или от лунного света
В белом высоком окне?

[Буряадхан аялгам һайхан даа… Дуунууд, 1985, с. 203].

Сам образ луны также высокочастотен в бурятской литературе, раскрываясь часто в легендарно-мифологическом ключе (повесть Ц. Дона «Затмение луны», роман «Поющие стрелы» А. Бальбурова) или же как пейзажный образ, непосредственно соотносящийся со сферой человеческой души (Б. Абидуев «Үбэлэй һүниин утаханда» («Долгой зимней ночью»).

При переводе стихотворения Ли Бо «Развлекаюсь» Дондок Улзытуев стих «Захмелевший, бреду / По луне, отраженной в потоке» переводит метафорически: *Һалирналби һогтуугаар / Һарын мүнгэн дугыгаар* ‘Иду пьяный по серебряному мосту луны’ [Улзытуев, 2021, с. 89]. Возможно, применение словосочетания *Һарын мүнгэн дугыгаар* ‘по серебряному мосту луны’ обосновано желанием достичь конечного созвучия слов на конце смежных строк: *һогтуугаар – дугыгаар*. Горный ручей оригинала в переводах теряется, хотя смена направления взгляда, отражающая общий эмоциональный ритм по вертикальной оси «вниз – вверх», сохраняется, намеченная абрисом: в первой части опадают цветы, туманится сознание; во второй – движение вверх отражает его прояснение.

Пространственная ориентация, безусловно, имеет свою национальную специфику. Так, в комментариях к стихотворению Ли Бо «Струящиеся воды» написано, что «южное озеро – т. е. озеро к югу от того места, где находился поэт. В Китае ориентация по сторонам света гораздо распространеннее, чем у нас. Там, например, не скажут: «идите направо» или «налево», а в зависимости от реальной обстановки «идите на север» или «на запад». Отсюда часто горы, озера, деревни, веранды, даже окна в доме, называются северными, южными, восточными или западными» [Ли Бо, 1999, с. 183]. Следует отметить в этом отношении сходство моделирования мира в китайском и монгольских языках, к которым относится бурятский.

В переводе Д. Улзытуева в стихе *урда зүгэй нуур дээрэ* ‘на озере в южном направлении’ без ущерба для смысла можно было бы не указывать слово *зүг* ‘направление’, но, возможно, это придало бы некую «одомашненность» восприятия места. Особенность языкового моделирования бурятского языка проявляется в трактовке эмоционального ряда. Так, в переводе Д. Улзытуева строки *сэдьхэл зүрхым һэмээхэн / гунигаар даран* ‘душу и сердце потихоньку печалью придавив’ отражают представление о пространственном выстраивании и расположении эмоций: тоска и печаль – это эмоции с «низовым притяжением», с направлением вниз. Зеркальное восприятие луны, само направление взгляда вниз, парадоксальным образом переворачивает привычную картину, лотос, чьи лепестки направлены вверх, к воспринимающему, наоборот, «придавливает» его грустью. В переводе Д. Улзытуева возникает образ еле угадываемого «шепота лотоса» – «*шэбэнэхые хүсэнэл ха*», то есть это движение по направлению к человеку. «Пространственное» соположение и выстраивание эмоций прослеживается в переводах Д. Улзытуева. Так, в переводе стихотворения Ли Бо «Дурна уулы һананаб» («Вспоминаю Восточные горы») в первой части дается панорамный план взгляда. Строку же на русском языке «Луна вдали / Плывет **над** облаками» бурятский поэт переводит, четко обозначая пространственно верх как ***Үүлэн дээгүүр тамарна*** / *Һара удаан, удаан…* ‘**Над облаками** плывет / Луна долго, долго…’. Такое восприятие обуславливается структурой бурятского предложения и его нарушением переводчиком. Обстоятельство места соответственно традиции находится впереди, далее следует инверсия подлежащего и сказуемого, допустимая только в поэтической речи, и после грамматической основы бурятский поэт ставит, нарушая привычный порядок слов бурятского предложения, обстоятельство времени, усилив его повтором. Четкое обозначение антитезы «верх-низ» важно в эмоциональном плане: «луна наверху, очень высоко» и затем возможность/невозможность того, что она «опустится в чье-то окно».

Временной план, обозначенный в названии «Вспоминаю Восточные горы», соотносится с пространственным. В комментариях к данному стихотворению отмечается, что «горы Востока (Дуншань) – в современной провинции Чжэнцзян, знамениты своими пейзажами.

Здесь долгие годы жил не у дел известный поэт, впоследствии крупный сановник, Се Ань (320–385). Окруженный гетерами, он задавал здесь пиры и наслаждался красотами природы, в частности пышными зарослями роз. *А в чье она опустится окно?* – автор хочет сказать, что Се Ань давно умер, и даже от дома его не осталось и следа. Стихотворение написано в 744 г.» [Ли Бо, 1999, с. 183].

Историко-культурный комментарий позволяет уточнить общую смысловую направленность стихотворения, но мастерство переводчика заключается еще и в том, чтобы указать направление восприятия, для чего необходимо понимание общей логики эмоционального ряда, который угадывается в подтексте восточной поэзии. В стихотворении Ли Бо «Тоска у яшмовых ступеней» говорится, прежде всего, о физиологических ощущениях, об ощущениях тела и действиях, которые должны дать отсылки к эмоциональной составляющей. Эмоции прямо не называются. В переводе Д. Улзытуева следует отметить заимствованное из русского языка слово в названии *хэрэлсы* ‘крыльцо’, что отражает историко-культурные реалии. Четко обозначен осязательный образ, что характерно для бурятской поэзии, в которой представление о незримых уровнях формируется на основе «сцепления» каналов конкретно-чувственного восприятия: слуха, обоняния, осязания, вкуса.

Рассмотрим эти особенности на примере перевода строки «Ступени из яшмы / Давно от росы холодны». Буквальный перевод строки Д. Улзытуевым следующий:

Хас шулуун хэрэлсы
Хайрана улым – шүүдэртэй.

Яшмовое каменное крыльцо
Обжигает мои пятки – много росы…

Само бурятское слово *хайраха* ‘обжигать’ применимо по отношению и к горячему, и к морозному. Это острое ощущение сменяется далее томительным и долгим ожиданием, которое передается дальше так же физиологически, в дискомфортных осязательных ощущениях телесного низа. Как известно, в китайской поэзии «белые росы» – поэтическое обозначение инея» [Ли Бо, 1999, с. 268], что по-разному передается в переводах, более точно указывая на наступление холодной поры осени. Интересно проследить в разных переводах, как передается такая предметная деталь, как чулки: Сквозь двойные чулки пробирает холод ночной (В. Ф. Перелешин); Уже росой / Увлажнен чулок мой кружевной (Ю. Щуцкий); Долгой ночью намокли / кружева узорных чулок (А. А. Штейнберг); *Утаһан оймһон* ‘вязаные (тканые) чулки’ у Улзытуева. Поиски переводчиков объяснимы в контексте историко-культурного комментария: «Стихотворение написано от лица красавицы из императорского гарема, утратившей милость своего государя и напрасно ожидающей ночью его прихода» [Ли Бо, 1999, с. 210–211].

В других комментариях к этому стихотворению говорится о читательских интерпретациях: «Оценивая это стихотворение, один критик говорит, что эти двадцать слов, живо описывающих настроение женщины, которая томится в тоске, и расположенных так, что первые стихи дают понять, что ей и уходить не хочется, и на месте не стоится, а вторые – что ей и не сидится, и не лежится; что эти два десятка слов стоят двух тысяч. Другой критик указывает на то, что, кроме заглавия, ничто здесь не называет той тоски, о которой идет речь, но она таится где-то позади слов» [Ли Бо, 1999, с. 268].

Смена настроения, осознание ситуации отражается и в смене восприятия, некоего дистанцирования от него, когда «опускается хрустальный полог» и первичность осязательного восприятия уступает место зрительному: «взгляду на слабое сияние луны».

В бурятском переводе стихотворения Ли Бо «Среди чужих» эстетическое восприятие создается за счет сочетания ольфакторного и зрительного образов: *Хангал үнэр һайхан лэ* ‘благоухание (аромат) прекрасно’, *хуба мэтэ мэлмэрнэ* ‘подобно янтарю блестит, переливается’. Бурятское слово *мэлмэрхэ* ‘блестеть, переливаться (о водной глади)’ позволяет создать единый ритм восприятия, передать его цельность. Исчезновение границ, которое становится темой стихотворения, передается, таким образом, на эмоционально-ритмическом уровне.

Состояние особой сосредоточенности, медитативность свойственны в целом восточ-

ному складу характера, что позволяет исследователям говорить о растворенности человека в мире природы, неразличении субъектно-объектных границ. Психологический механизм проекции можно усмотреть в стихотворении Ли Бо «Одиноко сижу в горах Цзинтишань». В переводе Д. Улзытуева *«Хада руу шэртэнэб. / Хаданууд намай анхараа»* [Улзытуев, 2021, с. 90] ‘Вглядываюсь по направлению к горам. / Горы внимают мне’ ситуация единения передается с помощью использования бурятского глагола *анхарха* ‘внимать’, который предполагает не только зрительное восприятие, но и целостное, включающее также слуховой, осязательный и др. уровни.

На звуковых образах построено стихотворение Ли Бо «Весенней ночью в Лояне слышу флейту». В переводе Д. Улзытуева создается целый ряд звуковых перекличек, что позволяет передать мелодичность и музыкальность самой темы:

Дуулабалби лимбын дуу «Гэмтэшэһэн үшөөһэн»
Дуулим энэ һүниндөө. Гэжэ дуунай аялга
Дуурань байһан Лоянии Энхэ хабар үршөөһэн
Дүүргэнэл даа абяаншиинь. Эхэ ороним һануулна.

Это не только применение анафоры, но и также внутренних рифм за счет многократного повтора слогов *дуу* (само слово *дуун (дуу)* означает ‘песня’), или же возникает игра звука в словах *лимбэ* ‘флейта’, *дуулим* ‘звучный’. В переводе названия китайской песни о разлуке «Сломанные ивы» Д. Улзытуев выбирает слово *гэмтэхэ* ‘калечиться, увечиться’, применимое скорее к человеку, чем к растениям, – возникает метафорический образ.

Заключение

Таким образом, переводы Ли Бо для бурятского поэта стали школой поэтического мастерства, не только знакомством с приемами и принципами китайской поэзии, но и важным этапом на пути самопознания себя как восточного по складу характера художника. Переводная деятельность, таким образом, становится фактором развития национальной литературы.

Литература

Буряадхан аялгам һайхан даа… Дуунууд. Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1985. 352 н.

Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. 342 с.

История бурятской литературы. Т. 3. Современная бурятская литература (1956–1995). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1997. 298 с.

Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 1999. 384 с.

Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

Туденов Г. О. Бурятское стихосложение. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1958. 168 с.

Улзытуев Д. А. «Үнгэрнэ үлхөө үдэрнүүд…» ажабайдалай дэбтэрнүүд (1957–1958; 1969–1970 онууд). Улаан-Үдэ: «Уласай хэблэлэй үйлдбэри», 2021. 248 н.

Улзытуев Д. А. Һолонго: шүлэгүүд. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэблэл, 1966. 68 н.

References

Buryaadkhan ayalgam haikhan daa… Duunuud. Ulaan-Yde, Buryaadai nomoi kheblel, 1985, 352 p. (In Buryat).

Istoriya buryatskoi literatury [History of Buryat literature]. Vol. 3. Sovremennaya buryatskaya literatura (1956–1995). Ulan-Ude, the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1997, 298 p. (In Russian).

Li Bo. Nefritovye skaly [Jade rocks]. Saint Petersburg, Kristall, 1999, 384 p. (In Russian).

Teoriya literatury: v 2 t. [Theory of Literature: in 2 volumes] / edited by N. D. Tamarchenko. Vol. 2: Broitman S. N. Istoricheskaya poetika. Moscow, Publishing Center “Akademiya”, 2004, 368 p. (In Russian).

Tudenov G. O. Buryatskoe stikhoslozhenie [Buryat versification]. Ulan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1958, 168 p. (In Russian).

Ulzytuev D. A. “Yngerne ylkhөө ydernyyd…” azhabaidalai debternyyd (1957–1958; 1969–1970 onuud). Ulaan-Yde, “Ulasai kheblelei yildberi”, 2021, 248 p. (In Buryat).

Ulzytuev D. A. Holongo: shylegyyd. Ulaan-Yde, Buryaadai nomoi kheblel, 1966, 68 p. (In Buryat).

Vostochnaya poetika: Teksty. Issledovaniya. Kommentarii [Eastern poetics: Texts. Research. Comments]. Moscow, “Eastern Literature” of the Russian Academy of Sciences, 1996, 342 p. (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.010
УДК 821.512.156

ПРОНИКНОВЕННАЯ ЛИРИКА СЕРГЕЯ ПЮРБЮ (ВЛИЯНИЕ А. ПУШКИНА НА ТВОРЧЕСТВО С. ПЮРБЮ)

Л. С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667000, Россия; email: lmizhit@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1991-0517

В статье рассматривается поэтическое мастерство выдающегося тувинского поэта Сергея Пюрбю, которому в этом году исполнилось бы 110 лет. Автор предполагает, что в становлении поэта огромную роль сыграло всеобъемлющее влияние поэзии Александра Пушкина не как результат школярского подражания, а как школа возвышенной творческой работы и духовного роста. Также отмечается безусловное влияние Афанасия Фета на поэзию Пюрбю. Проанализированы ранее не исследованные стихотворения из пейзажной и любовной лирики Пюрбю: «Эртен» («Утро»), «Часкы хүн» («Весеннее солнце»), «Ырак-чоокта шимээн-даа чок» («Ни вдалеке, ни вблизи нет шума»), «Баштайгы ужуражыышкын» («Первая встреча»), «Утпас мен деп сөглевээн мен» («Я не говорил, что не забуду») и др. Приводятся параллели из поэзии А. Пушкина и А. Фета, иллюстрирующие общность их поэтического взгляда на мир, гармонию, музыкальность, простоту и «ясную тишину». Использованы структурно-семантический и сопоставительный методы анализа. Автор приходит к выводу, что во всей поэзии Пюрбю витает пушкинский дух, так что Пушкина можно считать его духовным учителем. Результаты исследования могут быть полезны при написании коллективной монографии по творческому наследию народного писателя Тувинской АССР С. Б. Пюрбю.

Ключевые слова: тувинская поэзия, Пюрбю, пейзажная лирика, любовная лирика, Пушкин, Фет, музыкальность, простота, ясность.

SOULFUL LYRICS OF SERGEI PYURBYU (A. PUSHKIN'S INFLUENCE ON S. PYURBYU'S WORKS)

Lyudmila S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: lmizhit@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1991-0517

The article considers poetic skill of the outstanding Tuvan poet Sergei Pyurbyu, who would have turned 110 this year. The author suggests that the comprehensive influence of Alexander Pushkin's poetry played a huge role in the poet's formation, not as a result of schoolish emulation, but as a school of sublime creative work and spiritual growth. The unconditional influence of Afanasy Fet on the poetry of Pyurbyu is also noted. The previously unexplored poems from landscape and love lyrics of Pyurbyu are analyzed: "Erten" ("Morning"), "Chasky khun" ("The Spring Sun"), "Yrak-chookta shimeen-daa chok" ("There is no noise in the distance nor near"), "Bashtaigy uzhurazhyyshkyn" ("The First Meeting"), "Utpas men dep sogleveen men" ("I didn't say I wouldn't forget"), etc. The article draws parallels from poetry of A. Pushkin and A. Fet, illustrating the commonality of their poetic view of the world, harmony, musicality, simplicity and "clear silence". Structural-semantic and comparative methods of analysis were used. The author comes to the conclusion that the Pushkin spirit hovers in all the poetry of Pyurbyu, so Pushkin can be considered his spiritual teacher. The research results can be useful when writing a collective monograph on the creative heritage of the People's Writer of the Tuvan Autonomous Soviet Socialist Republic, S. B. Pyurbyu.

Keywords: Tuvan poetry, Pyurbyu, landscape lyrics, love lyrics, Pushkin, Fet, musicality, simplicity, clarity.

Введение

Сергей Пюрбю (1913–1975) – известный тувинский поэт, прозаик, драматург, литературовед, один из основоположников тувинской литературы, народный писатель Тувинской АССР, которому в этом году исполняется 110 лет. «Справедливо называть его гордостью тувинского народа, певцом со звонким и пронзительным голосом, самым уважаемым поэтом, – пишет народный писатель РТ Александр Даржай. – Он один из первых.

Современная тувинская поэзия, проза, критика, драматургия берут свое начало от его произведений» [Даржай, 1993, с. 3]. Несмотря на кажущееся обилие исследований (статей) по творчеству Пюрбю: А. К. Калзана, Д. С. Куулара, А. А. Даржая, В. С. Салчака, М. А. Хадаханэ, О. Сувакпита, М. Эвентова, Ю. Кюнзегеша, Ч. Серен-оола, К. Черлиг-оола, В. Журавлева и др. – его литературное наследие до сих пор глубоко и детально не изучено.

Сергей Пюрбю, в первую очередь, является выдающимся поэтом, непревзойденным лириком. Поэзия – это ось, стержень его творчества. Он всю жизнь боготворил Александра Пушкина, великолепно перевел на тувинский язык «Евгения Онегина». Не всякий осмелится и возьмется за такую работу, и не всякий осилит. Сама работа над переводом, на наш взгляд, стала серьезной школой для Пюрбю. И мы думаем, что это было не только школой поэтического ремесла, а результатом огромной невидимой работы духа. И в результате этой работы, надо полагать, лирика его насквозь пропиталась пушкинским духом. В своем стихотворении «Реликвия» (1971) С. Пюрбю прямо признается об этом: *Буурул бажым кара шаандан бөгүн чедир / Бурганым дег, бедик сагып, чүдүп келдим* ‘С черноты волос до седин, до сегодня / Как Бога почитал я и молился’; *Демир-үжүүм орба кылдыр холга тутсуп, / Дерип, сургап, мени Пушкин ырга баштаан* ‘Перо, как колотушку (шаманского бубна – Л. М.), дав в руки, / Пушкин, поучая, ввел меня в песню (в мир поэзии – Л. М.)’; *Сагыызын дег, Пушкин менче көрүп орар* ‘Как талисман, Пушкин (портрет его – Л. М.) смотрит на меня’ [Пюрбю, 1973, с. 16]. Мы по праву можем считать Сергея Пюрбю «солнцем тувинской поэзии», подобно тому, как Пушкина называют «солнцем русской поэзии» (впервые высказано В. Ф. Одоевским). Настолько велико влияние Пюрбю на всю последующую тувинскую поэзию.

Безусловно, у Пюрбю есть и другие учителя поэтического мастерства. Это, в первую очередь, уникальное устно-поэтическое творчество народа: песни, припевки, благопожелания, легенды и т. д.

Также нельзя не отметить присутствие дыхания, шепота и трепета Афанасия Фета в пейзажной лирике Пюрбю, а также мощного голоса и знаменитой «лесенки» Владимира Маяковского, которые особенно заметны в его гражданской лирике. Но во всей поэзии Пюрбю витает пушкинский дух, о чем пойдет речь в данной статье.

В пейзажной и любовной лирике Пюрбю, на наш взгляд, наиболее ярко видно, насколько он свободен в творчестве и насколько он уважителен к тому, что находится выше обыденного человеческого понимания. В. Я. Кирпотин так приводит высказывание Пушкина в своей статье: «Пушкин и теоретически устанавливал, что свобода, в том числе и свобода творчества, должна сочетаться с уважением к надындивидуальным ценностям. «Поэзия, – писал он по поводу произведений Иосифа Делорма, – по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели, кроме самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтобы силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастье и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав» [Кирпотин, 1978, с. 30]. Эти слова можно в полной мере отнести и к поэзии Пюрбю, особенно к его пейзажной и любовной лирике.

В данной статье мы не будем касаться вопросов поэтической техники Пюрбю, какие художественные приемы им использованы и т. д. Здесь мы, по возможности, сосредоточимся на самой сути лирики, как таковой. Ведь лирика – это не только и не просто объятия, вздохи, поцелуи при луне и т.д., как думают многие. Это, на самом деле, высокое и трудное искусство: «Лирический поэт как художник слова имеет дело с особенным материалом, который можно назвать «звукосмыслом». Это то, что рождено единством «волшебных звуков, чувств и дум» (как определил область лирики еще Пушкин)» [Тархов, 1985, с. 11].

Замечательно о лирике написал еще историк культуры Й. Хейзинга в своем всемирно известном, классическом труде «Homo ludens» («Человек играющий»): «Лирическое

находится дальше всего от логического и ближе всего к танцу и стихии музыкального. Лирическим является язык мистического философствования, оракульского вещания, колдовства. В этих формах поэт испытывает сильнейшее чувство вдохновения, приходящего к нему извне. Здесь он ближе всего к высшей мудрости…» [Хейзинга, 1992, с. 163]. Таким образом, он относит поэзию, особенно лирику, к роду священной игры, мистического действия, где поэт является жрецом.

Пейзажная лирика С. Пюрбю

Особенностью пейзажной лирики Пюрбю является то, что в ней не просто рассказывается о явлениях природы, но сама природа в этих стихах предстает зримо и слышимо во всех красках и оттенках, во всех звуках и голосах. И нам кажется, что вся природа оживает перед очарованным взором поэта, двигается, дышит, шепчет и поет в унисон его сердечным переживаниям. Например, в стихотворении «Эртен» («Утро») описывается пробуждение природы после ночного сна. Здесь западные горы не просто освещаются зарей, а «умывают лица и загораются улыбкой», и жаворонок поет так, что его «звонкий, как серебро, голос заполняет всю округу». Здесь «даже лицо угрюмого тенистого утеса» радостно освещается, и он «задушевно разговаривает с речным перекатом», как с неразлучным другом:

Сылдыс караа чивеңейнип туруп-туруп,
Бүлүртүң-ак чыраан дээрден чиде берди.
Шынааларның шыктарындан хоюг туман
Бүргей чоруй, көдүрүлгеш, эстип калды.

Башкы даглар, хирээлер дег, баштарындан
Алдын-сарыг чырык хаяа хереп келди.
Барыын даглар үнген хүнче уткуй көрүп,
Арнын чунуп, хүлүмзүрүп, кыва берди...
[Пюрбю, 1973, с. 64].

Глаза звезд, померцав на месте,
Исчезли с тускло-белого, отцветающего
неба.
Густой туман с долинных лугов
Вышел, заволакивая все вокруг, и
растворился.
Из-за вершин передних (восточных) гор,
как из-за зубцов пилы,
Поднялась светлая, золотисто-желтая заря.
Западные горы, глядя навстречу
восходящему солнцу,
Умывают лица и загораются улыбкой…
(здесь и далее подстр. пер. Э. Мижита).

Это стихотворение, как, впрочем, и вся лирика Пюрбю, в оригинале звучит удивительно напевно, музыкально, что на память приходят стихотворения Афанасия Фета. Говоря о музыкальности лирики Фета, А. Тархов отмечает: «И критики, и читатели говорили о «волшебной музыкальности» этой поэзии. Сам Фет утверждал, что «поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны»; но «музыкальность» означала для него нечто гораздо большее, чем ласкающее слух благозвучие» [Тархов, 1985, с. 20].

Мы можем открыть книгу Фета на любой странице и услышать его мягкую и трепетную музыкальность. Трепет, мягкая нежная трепетность – вот те слова, которые, на наш взгляд, лучше всего подходят для определения лирики также и Сергея Пюрбю. Обратимся для сравнения к пейзажной лирике Афанасия Фета, к примеру к его стихотворению «Ещё майская ночь»:

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной – и последней, может быть.

Это тихое созерцание, нежная и звенящая фетовская тишина, на наш взгляд, есть плоть от плоти пушкинская «ясная тишина». Именно о такой тишине писал П. Струве: «Итак, основной тон Пушкинского духа, ту душевно-космическую стихию, к которой он тянулся, как творец-художник и как духовная личность, можно выразить словосочетанием «ясная тишина» [Струве, 1990, с. 324].

А вот еще одно стихотворение Сергея Пюрбю – «Весеннее солнце», где, помимо музыкальности выстроенных строк, поэт

мастерски живописует пейзаж так, что он стоит перед глазами во всей своей свежести и чистоте:

Скованные цепью снежной зимы и студеных
ветров,
Все-все, спавшее всю зиму не разгибаясь,
И леса, и горы, и вода в реке,
Закоченевшие суставы разминая,
выпрямляется.

Оживающей, избавившись от жгучего мороза,
Заполняющей жизни кровеносные сосуды,
Земли подарок солнцу – подснежник
Кланяется от имени всех цветов[1].

Всё в этом стихотворении слово за словом, строка за строкой тут же рисуется перед глазами и видно, как на живописном полотне. Поистине, он художник-живописец. Вспомним в этой связи одно из самых знаменитых стихотворений Афанасия Фета:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

Как ярко и зримо написан пейзаж, как бережно переданы тончайшие чувства в стихотворении без единого глагола! А во всей фетовской лирике, в ее музыкальности и зримости, в ее трепете и тихой созерцательности – во всем этом за спиной Фета маячит фигура Пушкина. По этому поводу В. Соловьев писал: «Раскрытие поэтического смысла природной жизни Пушкин как бы предоставил своему глубокомысленному современнику – Тютчеву, а лирическую живопись ее явлений – одному из птенцов своего «лебединого» гнезда – Фету. Поэзию самого же Пушкина тянуло от жизни природы к жизни человеческой и отсюда – в высь и в даль» [Соловьев, 1990, с. 50].

[1] Далее стихи приводятся без оригинала.

И в творчестве С. Пюрбю где-то опосредовано, где-то напрямую превалирует пушкинское начало, особенно в его любовной лирике.

Любовная лирика Сергея Пюрбю

Как пейзажная лирика не может существовать без восторженного и любящего взора поэта-художника, так и любовная лирика в выражении сердечных переживаний не может не обращаться к тем или иным явлениям природы. Эти вещи взаимосвязанные, взаимопроникающие друг в друга. Обратим внимание на стихотворение Пюрбю «Ни вдалеке, ни вблизи нет шума». Здесь ветерок не просто колышет листья, а шепчется с ними, как возлюбленный; цветы не просто укрывают черемуху, как хлопья снега, а всей своей ослепительной белизной указывают на чистоту любви. Здесь хоть и темнеет и выцветает чистый цвет неба, но свет глаз возлюбленной не дает угаснуть надежде:

Ни вдалеке, ни вблизи нет шума.
На землю спустились тишина и покой.
Черемуху, как хлопья снега,
Укрыли пышные цветы.
С ветерком, как возлюбленные,
Листья густые шепчутся.

Не успел я оглянуться, как месяцы и годы
Прошли беспокойно, как вихрь,
Юность моя перевалила за горы,
И виски мои сверкают, как оцинкованные,
Вечер тот не забылся,
В душе моей все еще светится.

Чувство любви в стихотворении выражено без всякого нажима и пошлости, деликатно и бережно. Именно это глубокое чувствование душевных переживаний, понимание их хрупкости и незащищенности, наряду с тонким чувством поэзии, на наш взгляд, и делает лирику Пюрбю такой проникновенной. Он не только чувствует и понимает, как мало кто может, но и очень точно передает свои мысли и чувства, вызывая в душе читателя такие же переживания. Это его свойство полностью отвечает пониманию выдающегося французского поэта Поля Валери: «Назначение поэта – пусть слова мои вас не смущают – отнюдь не в том, чтобы испытывать поэтическое состояние: это – его частное дело. Его назначение –

вызывать то же самое состояние у других. Поэт узнается – во всяком случае, свой узнает своего – по тому очевидному факту, что читатель им «вдохновляется» [Валери, 1993, с. 320].

Приведем пример из стихотворения «Первая встреча», в котором есть и душевная деликатность, и трогательная сдержанность, которые вызывают ощущение свежести, чистоты и хрупкости того, что происходит в душе лирического героя:

Летним вечером на закате
С тобою встретился случайно.
Проходя мимо меня,
Приостановилась и взглянула ты на меня.

Тот день не прошел, в душе моей
Так и остался он, и светится до сих пор.
Приветливое лицо, милые глаза
До сих пор идут рядом со мной.

По сути, в этом стихотворении, помимо случайной встречи и мимолетного взгляда, ничего не происходит. Внешне совершенно бессобытийное, но богатое сдержанными чувствами, которые выражаются только намеком, это стихотворение некоторым образом слегка напоминает Пушкинское «чудное мгновенье» и «мимолетное виденье». В прославленном стихотворении Пушкина на тему любви «Я помню чудное мгновенье» – «много музыки: певучей, длящейся во времени, протяжной музыки стиха, музыки чувства. И как в музыке, в стихотворении выступает не прямой, не предметно ощутимый образ любимой – а образ самой любви» [Маймин, 1981, с. 96].

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Примером органического переплетения пейзажной лирики с любовной является стихотворение «Весенний вечер», в котором линия любви совершенно ненавязчиво, почти незаметно входит и вплетается в описание природы и занимает во всем произведении совсем небольшое место – всего лишь несколько строк, в которых не употреблено ни одного слова из арсенала любовной лирики, такие как «любовь, люблю, любимая»:

Вдоль вершин далеких гор
Красный закат растянулся,
Светлые лучи, что льются на нас,
Лицо твое согревали.
Глядя туда и думая о чем,
Безмолвно
улыбаешься ты?

Весь лесочек черемухи
Запах заполнил, как дым окуривания,
Ее цветы, как снежинки,
Сыпались на твою черную косу.
О чем пророчествуя, звезда, острым светом
Мерцая,
подмигивает нам?
На все эти вопросы
Ответа я не требовал,
Твоя мягкая рука в моей ладони,
Не дожидаясь вопросов, обо всем поведала.
Только сердце мое бьется быстрей,
Отчего же это,
не спрашивая, возможно, ты поняла.

Вот так, без излишней аффектации, целомудренно выражается любовь в данном стихотворении Пюрбю. Чуть-чуть, лишь на краткое мгновение, высвечиваются во всей картине пейзажа один взгляд, улыбка, руки на ладони возлюбленного – и все, все уже сказано.

В следующем его стихотворении – «Я не говорил, что не забуду» – так же тихо входит тема любви, и, хотя занимает все пространство стихотворения, она выражается без экзальтации, как бы смущенно и приглушенно. Как и в поэзии Пушкина, здесь «удивительным образом сочетаются предельная простота содержания и слов — и высокие, сдержанно торжественные в своем звучании мысли о жизни, о вечном» [Маймин, 1981, с. 121]:

О дне, когда мы встретились,
Я не говорил, что не забуду.
Но хоть прошло уж десять лет,
О нем все время вспоминаю.

На крутую труднопроходимую вершину

Без оглядки ты вместе со мной поднялась,
И в препятствиях трудных
Не струсила, говоря, что утомилась.

Звонкая песня соловья
Сколько раз на жгучем морозе не умолкала?
Иштии-Хема стремительные перекаты
Сколько раз в горячую засуху не пересыхали?

На наш взгляд, именно в силу своей музыкальности и зримой образности, первозданной свежести и чистоты восприятия и выражения, трепетного отношения к предмету поэтического высказывания и достигается удивительная проникновенность лирики Пюрбю. И благодаря этой проникновенности очень многие его стихотворения стали известными песнями.

Такие его стихотворения, как «Алды айның дүнезинде» («В июньскую ночь»), «Белек» («Подарок»), «Авайымны» («Мама моя»), «Дембилдей», «Аныяк кадарчы дугайында ыр» («Песня о молодом пастухе»), «Чүнү бодап ор сен, уруг?» («О чем ты думаешь, девица?») и многие другие, стали известными песнями, которые до сих пор входят в репертуар многих творческих коллективов и исполнителей. А горячо и нежно любимая всем народом песня «Күскү сесерликке» («В осеннем парке») на его стихи и музыку Д. Базыр-оола, без всякого сомнения, переживет века:

Сюда, где я цветы тебе вручил,
В этот парк я то и дело прихожу.
Кажется, что держа тебя за руку
и весело разговаривая,
Рядом с тобою иду.

Зеленеющей весной мы виделись здесь –
Угрюмая осень сегодня здесь наступила.
На раскидистом толстом тополе нашем
любимом
Один лишь лист кивает мне навстречу.

Голый и серый лес не виднеется уже,
Один листок на землю с шелестом сорвался.
Снежной зимы мороз с ветрами пройдет,
Прекрасный май снова возвратится.

Когда снова здесь зацветут весенние цветы,
Мы под вечер назначим друг другу свиданье.

Всю красоту земли в подарок
Протягивая тебе, приду сюда.

И здесь мы не слышим ни слова о любви, кроме одного раза, да и то слово «любимый» употреблено по отношению к тополю. Центральное место в стихотворении занимает этот раскидистый облетевший тополь, на котором колышется один-единственный листочек, который тут же срывается и с шелестом падает на землю. Собственно любовная тема находится где-то на периферии стихотворения: один раз в виде воспоминания о прошлой встрече, другой раз в виде мечты о будущем свидании. И чем отдаленнее и скромнее занимает место любовная линия, тем она вернее и точнее своей трепетной нежностью попадает в цель, а именно в сердце читателя, а поскольку стихотворение стало песней, то и слушателя. Пожалуй, не найдется человека, который, услышав эту песню, не поддался бы чарам ее негромких, простых, но удивительно пронзительных слов. Действительно, звучание этого стихотворения сродни колдовству, магии, священнодействию, и не случайно песня на эти стихи почитается народом как гимн любви.

Заключение

Творчество Сергея Пюрбю не ограничивается лишь той стороной, о которой мы говорили. У него есть и великолепная гражданская лирика, прозаические произведения и известные пьесы, сыгравшие огромную роль в развитии тувинской литературы. Есть у него и произведения, в которых воспевается революция, коммунистическая партия, социализм и т. д., – этого никто не избежал в ту эпоху. Но С. Пюрбю это присуще в малой степени, чем другим писателям тех времен. В этих произведениях, безусловно, осталась печать таланта, но с уходом тех или иных жизненных реалий, особенно со сменой общественно-политической формации, они неизбежно теряют свою актуальность.

А именно в сфере чистой поэзии и в таких ее областях, как пейзажная и любовная лирика, в которых выражается его любовь к природе, родному краю и красоте, а также его трепетная бережность к душевным переживаниям

людей, по нашему мнению, он совершенно свободен и искренен, как и Пушкин. И снова мы обратились к Пушкину, – и это закономерно: говоря о Пюрбю, невозможно не говорить о Пушкине. Вся проникновенность его простых, негромких, наполненных трепетом, нежностью и «ясной тишиной» строк идет от Пушкина, от пушкинской простоты и легкости, от пушкинской ясности и гармонии.

Таким образом, мы полагаем, что Пюрбю, в зависимости от своего врожденного склада ума, души и темперамента, врожденной предрасположенности к доброму и светлому созерцанию, где-то интуитивно, где-то осознанно выбрал то, что наиболее близко ему по духу, его тяге к возвышенной чистоте и гармонии. И в Пушкине он нашел все то, что искал, и все, чего жаждала его человеческая и поэтическая сущность. И в результате тувинский народ получил великого национального поэта, чьи строки настраивают на гармонический лад умы и сердца людей.

В заключение мы должны отметить, что литературное творчество С. Пюрбю ждет своих исследователей, которые могут рассматривать его с самых разных точек зрения: лингвистики и литературоведения, эстетики и философии и даже психологической и социальной точек зрения.

Литература

Валери П. Об искусстве. Пер. с франц. 2-е изд. М.: Искусство, 1993. 507 с.

Даржай А.А. Эге сөс // Пюрбю С.Б. Аян тудуп чедип келдим. Кызыл, 1993. 128 с.

Кирпотин В.Я. Избранные работы. В 3-х томах. Т. 1. Пушкин. Лермонтов. Салтыков-Щедрин. М.: Художественная литература, 1978. 492 с.

Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981. 209 с.

Пюрбю С.Б. Сөөлгү шүлүктер. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1976. 68 с.

Пюрбю С.Б. Чогаалдар чыындызы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1973. 614 с.

Соловьев В. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 41–91.

Струве П. Дух и слово Пушкина // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX в. М.: Книга, 1990. С. 317–327.

Тархов А.Е. Лирик Афанасий Фет // Фет А.А. Стихотворения. Поэмы. Переводы. Сост. А. Тархов. М.: Правда, 1985. С. 3–22.

Хейзинга Й. Homoludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. М.: Прогресс-Академия, 1992. 458 с.

References

Darzhai A.A. Ege sös. In: Pyurbyu S. B. Ayan tudup chedip keldim. Kyzyl, 1993, 128 p. (In Tuvan).

Kheizinga I. Homoludens. V teni zavtrashnego dnya [Homoludens. In the shadow of tomorrow]. Translation from Dutch. Moscow, Progress-Akademiya, 1992, 458 p. (In Russian).

Kirpotin V.Ya. Izbrannye raboty. V 3-kh tomakh. T. 1. Pushkin. Lermontov. Saltykov-Shchedrin [Selected works. In 3 volumes. Vol. 1. Pushkin. Lermontov. Saltykov-Shchedrin]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1978, 492 p. (In Russian).

Maimin E.A. Pushkin. Zhizn' i tvorchestvo [Pushkin. Life and Work]. Moscow, Nauka, 1981, 209 p. (In Russian).

Pyurbyu S.B. Chogaaldar chyyndyzy. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri, 1973, 614 p. (In Tuvan).

Pyurbyu S.B. Söölgü shülükter. Kyzyl, Tyvanyng nom ündürer cheri, 1976, 68 p. (In Tuvan).

Solov'ev V. Znachenie poezii v stikhotvoreniyakh Pushkina [The meaning of poetry in Pushkin's poems]. In: Pushkin in Russian philosophical criticism: the end of the 19th – the first half of the 20th century. Moscow, Kniga, 1990, pp. 41–91. (In Russian).

Struve P. Dukh i slovo Pushkina [Pushkin's Spirit and Word]. In: Pushkin in Russian philosophical criticism: the end of the 19th – the first half of the 20th century. Moscow, Kniga, 1990, pp. 317–327. (In Russian).

Tarkhov A.E. Lirik Afanasii Fet [Lyricist Afanasy Fet]. In: Fet A.A. Verses. Poems. Translations. Compiled by A. Tarkhov. Moscow, Pravda, 1985, pp. 3–22. (In Russian).

Valeri P. Ob iskusstve. Per. s frants. 2-e izd. [On Art. Translated from French. The 2nd edition]. Moscow, Iskusstvo, 1993, 507 p. (In Russian).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.011
УДК 821.0 (821.512.151)

ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ПОВЕСТИ В АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У. Н. Текенова

Горно-Алтайский государственный университет, ул. Ленкина, 1; Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 649000, Россия; email: tekenovau@mail.ru; ORCID:0000-0003-4238-4383

Статья посвящена исследованию эволюции жанра повести в алтайской литературе. Обращается внимание на типологические разновидности повестей в творчестве национальных писателей. На современном этапе особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стилевые особенности алтайской повести в их развитии. Жанровая динамика является отражением исторических и эстетических преобразований, что позволяет утверждать, что алтайская литература представлена автобиографическими, историческими, социально-бытовыми, лирико-психологическими, традиционно-эпическими, лиро-эпическими, художественно-документальными, мемуарными, лирико-публицистическими повестями. Акцентируется внимание на том, что эволюция жанра повести начиная со второй половины XIX века определяется особенностью его функционирования в конкретный период развития историко-литературного процесса. Схематизм идеологической и производственной прозы 1930-х – 1950-х гг., направленный на изображение строителя коммунизма, героя и передовика, в 1960–1980-е гг., наиболее активный этап в развитии и становлении алтайской повести, сменяется стремлением писателей к изображению реального человека в сложной жизненной ситуации. В 1990-е гг. алтайские прозаики выходят за рамки соцреалистической эстетики и возвращаются в русло классического реалистического искусства. Семантическая трансформация алтайской повести 1980–1990-х гг. и начала XX в. обусловлена изменением авторских подходов к художественному осмыслению действительности, к концепции личности, воплощающей эту действительность, зарождением новой идеи человека, когда на передний план выходят вопросы самоидентификации личности и национальной самоидентичности.

Ключевые слова: алтайская литература, проза, повесть, Кокышев, Каинчин, Укачин, Сартакова, Бельчекова, национальная литература, образ, мотив.

TYPOLOGY AND EVOLUTION OF THE NOVEL GENRE IN ALTAI LITERATURE

Ulyana N. Tekenova

Gorno-Altaisk State University, 1 Lenkin Str.; S. S. Surazakov Research Institute for Altai Studies, 6 Sotsialisticheskaya Str., Gorno-Altaisk, 649000, Russia; email: tekenovau@mail.ru; ORCID:0000-0003-4238-4383

The article is devoted to the study of the evolution of the novel genre in Altai literature. Attention is drawn to the typological varieties of stories in the national writers' works. At the present stage, the genre-style approach seems to be particularly productive, which allows taking into account both thematic determination, genre dominant, and stylistic features of the Altai story in their development. Genre dynamics is a reflection of historical and aesthetic transformations, which allows us to assert that Altai literature is represented by autobiographical, historical, social, lyrical-psychological, traditionally epic, lyrical-epic, artistic-documentary, memoir, lyrical-journalistic stories. Attention is focused on the fact that the evolution of the novel genre, starting from the second half of the 19th century, is determined by the peculiarity of its functioning in a specific period of the development of the historical and literary process. Schematism of ideological and industrial prose of the 1930s-1950s, aimed at depicting the builder of communism, the hero and the foremost, in the 1960s–1980s, the most active stage in the development and formation of the Altai story, is replaced by the desire of writers to depict a real person in a difficult life situation. In the 1990s, Altai prose writers went beyond the socialist realist aesthetics and returned to the mainstream of classical realistic art. The semantic transformation of the Altai story of the 1980s-1990s and the beginning of the 20th century is due to a change in the author's approaches to the artistic understanding of reality, to the concept of personality embodying this reality, the emergence of a new idea of a person, when issues of personal identity and national identity come to the fore.

Keywords: Altai literature, prose, novella, Kokyshev, Kainchin, Ukachin, Sartakova, Belchekova, national literature, image, motif.

Введение

Исследование всей алтайской оригинальной повести XX – начала XXI вв. и его типологических разновидностей требует к себе более пристального внимания со стороны критиков и литературоведов. В данной работе представлено исследование типологической разновидности повестей в алтайской прозе конца XX – начала XXI вв. Как известно, «потребность в типологических моделях возникает тогда, когда исследователь встает перед необходимостью объяснить сущность хронологически или этически отдаленной литературы, представив ее не в виде набора экзотических нелепостей, а как органическую, внутренне стройную, художественную и идейную структуру» [Лотман, 1997, с. 346]. Обратим внимание на предысторию данного вопроса о жанре повести в русском литературоведении.

Впервые литературоведческие труды, посвященные исследованию жанра повести, появились в начале XIX в. К ним относится работа В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа», где исследователь представляет попытку классификации русской повести и романа XVIII в.

В. Г. Белинский не ставил перед собой цели классификации жанра повести по каким-то признакам, но его труд послужил толчком для последующих исследователей этого жанра. Исследователь в своей статье «О русской повести и повестях Гоголя («Арабески» и «Миргород»)» также предпринял попытку типологии повести [Белинский, 1953, с. 301]. Он акцентировал внимание на появлении жанра повести в русской литературе: «Повесть наша началась недавно, очень недавно, а именно – с двадцатых годов текущего столетия. До того же времени она была чужеземным растением, перевезенным из-за моря по прихоти и моде и насильственно пересаженным на родную почву» [Белинский, 1953, с. 306]. Появление в русской литературе повести нового типа В. Г. Белинский связывал с развитием русского романтизма, когда обнаружились первые попытки создать истинную повесть. Как считает критик: «Это было время всеобщей литературной реформы, явившейся вследствие начинавшегося знакомства с немецкою, английскою и новою французскою литературами и с здравыми понятиями о законах творчества» [Белинский, 1953, там же]. Именно работа В. Г. Белинского дает толчок для дальнейшего изучения повести как жанра.

Основная часть

В современном литературоведении термин «повесть» определяется как второй по значимости эпический прозаический жанр, который занимает промежуточное место между романом, с одной стороны, и рассказом и новеллой – с другой. В «Словаре актуальных терминов и понятий» под редакцией Н. Д. Тамарченко (2008) дается следующе определение: «Повесть прозаическая – одна из жанровых разновидностей средней эпической формы (наряду с новеллой, рассказом и новой, неканонической поэмой), которую отличает следующая система константных структурных признаков:

1) в области «события, о котором рассказывается» – доминирование циклической сюжетной схемы, ситуация испытания героя и поступок как результат этического выбора, принцип обратной («зеркальной») симметрии в расположении важнейших событий;

2) в структуре «события самого рассказывания» – нерефлектируемый его характер, предпочтение временной дистанции, оценочная направленность повествования на этическую позицию героя и возможность авторитетной резюмирующей позиции, тенденция к переосмыслению основного события и приданию ему иносказательно-обобщенного значения (параллельный вставной сюжет или дополнительный его аналог в финале);

3) в аспекте «зоны построения образа» героя – серьезность, неравноценность изображенного мира действительности автора и читателя и в то же время потенциальная близость кругозоров действующего лица и повествователя (может реализоваться в финале); соотнесение героя и его судьбы с известными образцами поведения в традиционных ситуациях и, следовательно, трактовка центрального события как «примера» (зачастую –

временного отклонения от нормы), а также извлечение из рассказанной истории жизненных уроков» [Поэтика…, 2008, с. 169–170].

В алтайской литературе и литературоведении «повесть», как и термин «роман», остается без перевода. Первая повесть на алтайском языке принадлежит перу М. В. Чевалкова. Обратим внимание на различие мнений исследователей о типе первой повести («Чӧбӧлкӧптиҥ jӱрӱми» М. В. Чевалкова) второй половины XIX века, которые не совпадают, и вопрос этот не изучен относительно полно и в настоящее время. В частности, С. С. Суразаков, Г. В. Кондаков, З. С. Казагачева, Н. М. Киндикова придерживались мнения, что это автобиографическая повесть, а С. С. Каташ определил ее как «житие», но при этом не уходит от определения «алтайская повесть». Э. П. Чинина тоже находит преобладание в повести элементов житийного пласта, а также отмечает и агиографические мотивы. Исследователь акцентирует внимание на такие внешние влияния, как «сильнейшее воздействие духовной, научно-этнографической, очерковой литературы и классической русской литературы. М. В. Чевалков не мог воспринять жанры в чистом виде, испытывая многоразличные влияния. Поэтому в «памятном завещании» есть разного рода наслоения – попытки углубления во внутренний мир в духе психологизма русской литературы Нового времени, этнографические описания. Однако вместе с тем житийное начало выражено в «Памятном завещании» настолько глубоко и сильно, автобиографизм так явно подчинен идее христианского возрастания души в вере и богопознании, «Памятное завещание» так густо наполнено традиционными житийными мотивами, ситуациями, чудесами, видениями, что, на наш взгляд, мы имеем полное основание определить жанр этого произведения как жанр жития» [История…, кн. 1, 2004, с. 96].

Только в 30-е гг. XX в. в алтайской прозе вновь появляется жанр повести, связанный с именем П. В. Кучияка (1897–1941), который «выступал писателем-новатором в области прозы» (рассказы, повести и незаконченный роман «Адыjок») [История…, кн. 1, 2004, с. 217]. Здесь отдельно можно рассуждать о повести «Аза jалаҥ» («Долина Дьявола») П. В. Кучияка, где раскрывается формирование нового сознания в период становления советской власти. С. Н. Тарбанакова отмечает «умелое сюжетостроение, достаточно яркое художественное выражение замысла» [История…, кн. 1, 2004, с. 220]. Это произведение можно справедливо отнести к типу социально-психологической повести, где изображение исторического времени перемен представлено сквозь призму индивидуального сознания, изображения внутреннего мира героя (Кудай-Берген, Керек-Jок, Эзе). В данном случае нужно отметить, что современные исследователи выделяют значительное число критериев отнесения произведений художественной литературы к историческому жанру. Важное место среди этих критериев отводится историчности как «отображению исторических событий и деятелей, но не обязательно как главных героев», а также «собственно исторической проблематике – подчеркнутому интересу художника именно к данным историческим лицам и событиям» [Кормилов, 1999, с. 209]. Согласимся, что П. В. Кучияку это в какой-то мере удалось.

Следующий наиболее активный этап в развитии и становлении алтайской повести относится к 1960–1980-м гг. Как считает исследователь Р. А. Палкина, это период, когда утвердилась традиционно-эпическая, лиро-эпическая, художественно-документальная (мемуарная) повесть. Ученый обращает внимание на преобладание традиционно-эпических повестей, при этом отмечаются и «лиро-эпические, к которым тесно примыкают повести лирико-публицистические» [История…, кн. 1, 2004, с. 291].

Этот период представлен следующими произведениями: автобиографическими повестями «Мундузак» (1962) Ч. А. Чунижекова, «Туулардаҥ келген балдар» («Дети гор», 1962, 1966) Л. В. Кокышева и «Кижи ырыска туулган» (1967) А. Ф. Саруевой; исторической повестью «Ирбизек» (1964) И. В. Шодоева; детскими повестями «Митяш» (1971) И. П. Кочеева, «Эрjине» Ш. П. Шатинова и «Чаҥкыр ӧзӧктиҥ балдары» («Дети голубых

долин», 1977) Т. Б. Шинжина; лирико-психологическими повестями «Айна» (1975), «Ак чечектер» («Белые цветы», 1975–1985) и традиционно-эпической повестью «Көгөл мӱркӱт уйазы» («Племя синего беркута», 1986) Д. Я. Маскиной; традиционно-эпическими и социально-бытовыми повестями «Айгырдың бажы» («Голова жеребца», 1974), «Туулар ӱстинең кыйгы» («Крик с вершины», 1976), «Ол јараттаң» («С того берега», 1980) Д. Б. Каинчина; лирико-психологическими повестями «Ташта истер» («Следы на камне», 1966) и «Кайда ол јол» («Где та дорога?», 1968) К. Ч. Телесова; лирико-психологическими повестями «Чечектер имдежет» («Цветы мигают», 1981), «Адабыс келди» («Отец пришел», 1986–1987), социально-бытовой повестью «Турна-Туунының ээзи» («Хозяин горы Турна») Н. Б. Бельчековой и др.

Р. А. Палкина также выделяет в отдельную группу художественно-документальные, мемуарные и мемуарно-публицистические повести. К ним мы относим «Јаан телекейге јол» («Дорога в большой мир, 1979) А. О. Адарова и «Ӧлтӱрген болзом тороны» («Убить бы мне голод», 1981) Б. У. Укачина. Отдельное внимание привлекает повесть «Ӧйдиң ӧңи» («Цвет времени») Б. У. Укачина, которая состоит из сочетания эпического повествования, публицистики и философского осмысления жизни и является философской повестью с оригинальной системой авторских идей и со сложной композицией.

В исследуемый нами период времени реалистическая парадигма претерпевает очевидную эволюцию. В 1990-е гг. в творчестве алтайских писателей намечаются тенденции к выходу за рамки соцреалистической эстетики (А. О. Адаров, Б. У. Укачин, Д. Б. Каинчин и др.), которые объясняются игнорированием требований нормативной литературы и возвращением в русло классического реалистического искусства. На данном этапе наблюдаются изменения и философской парадигмы «человек – мир», зарождением новой идеи человека, когда на передний план выходят вопросы самоидентификации личности и национальной самоидентичности («Јылдыстар когы» («Пепел звезд»), «Кийнимде – калыгым» («За мной – мой народ»), «Ченелте» («Испытание») Д. Б. Каинчина).

В настоящее время возрастание интереса к национальному (национальному языку, национальной психологии, национальной культуре) мотивирует ученых-литературоведов к исследованиям национального в литературе, но одновременно обязывает их определить его проблемное поле, выработать методологию изучения [Ибрагимов, 2018, с. 2]. В частности, отмечаются первые попытки постичь сущность национального характера, выявить внутреннюю, психологическую детерминацию личности, акцентировать внимание на морально-этической проблематике. В истории алтайской прозы этот период можно обозначить как завершение определённого социокультурного этапа, началом нового исторического и культурного цикла.

Проблема исследования отражения национальной идентичности в алтайской литературе перед литературоведами наиболее остро встала именно в рассматриваемый период. Закрепим это словами татарского ученого М. И. Ибрагимова: «Значительное количество исследований 1990–2000-х гг., посвященных национальной идентичности литератур, основывалось на поиске этнокультурных детерминаций художественного творчества. По словам К. Султанова, этот «этнокультурный поворот» привел к становлению «статической модели описания национальной литературы», когда собственно эстетические критерии, соотносимые с полнотой и целостностью художественного текста, оказываются на периферии его анализа» [Ибрагимов, 2018, с. 8].

Для повести как эпическому жанру характерен индуктивный способ постижения действительности, где акцент делается на особое соотношение субъективного и объективного начал как отношение человека и мира, как «метонимия социального или нравственного мироустройства эпохи» [Крикливец]. Отметим, что трансформация жанровых форм повести, в целом, была подчинена социально-историческим изменениям и переменам в общественном сознании исследуемого периода и влияниям индивидуально-авторских поисков писателей (Б. У. Укачин,

Д. Б. Каинчин, Ш. П. Шатинов, Д. Я. Маскина, С. К. Манитов, Н. Б. Бельчекова и др.).

Здесь, в частности, необходимо акцентировать внимание на семантической трансформации алтайской реалистической повести 1980–1990-х гг. и начала XX в., обусловленной изменением именно авторских подходов к художественному осмыслению действительности, к концепции личности, воплощающей эту действительность.

Если схематизм идеологической и производственной прозы 1930-х – 1950-х гг. был направлен на изображение строителя коммунизма, героя и передовика, то в исследуемый период (1980–1990-е годы) он сменяется попыткой изображения реального человека в сложной жизненной ситуации, что приводит к активизации жанровой разновидности лирико-психологической повести. В центре внимания наших писателей становятся внутренние переживания героя, когда происходит психологизация конфликта и трансформация его из внешнего во внутренний. Именно в этот период алтайская проза обогащается повестями, в которых проявляется стремление к осмыслению экзистенциальных категорий, где наблюдается смена лирической доминанты на экзистенциальную как закономерная актуализация нравственно-философской повести. Таковыми являются повести «Öлтӱрген болзом тороны» («Убить бы мне голод», 1979), а также «Кыш башталып турарда» («Когда начиналась зима»), «Öлöргö јетире эм де узак» («До смерти еще далеко»), «Калың кардың ортозында» («Среди глубоких снегов»), включенные в сборник «Туулар туулар ла бойы артар» («Горы останутся горами», 1985) Б. У. Укачина. Издаются повести «Айна» и лирическая повесть-дневник (по Э. П. Чининой) «Ак чечектер» (јаңыскан ӱй кижиниң јӱрӱминең), («Белые цветы» (из жизни одинокой женщины), 1974) Д. Я. Маскиной; «Көстöриме туулар көрӱнзин» («Пусть глазам моим покажутся горы»), «Јылдыстар когы» («Пепел звезд») Д. Б. Каинчина и др.

В настоящее время в алтайском литературоведении не вызывает сомнения уместность исследования и типологической разновидности жанра повести. Более того, именно типологический подход позволяет наиболее точно проследить генезис и развитие жанра повести, выявить особенности их жанрово-стилевой модификации в алтайской прозе 90-х гг. XX – начала XXI вв. Эволюция жанра повести отражает основные векторы развития литературного процесса Алтая исследуемого периода, демонстрирует его общие закономерности и национальную специфику. Мы подытоживаем, что современная алтайская повесть сохраняет каноническую структуру, обладает когнитивной и коммуникативной мобильностью. Изучение ее типологической разновидности и жанровой модификации для наших литературоведов открывает возможность рассмотрения преемственности литературной традиции, зарождение и формирование новых эстетических методов и приемов на основе накопленного художественного опыта.

Обзор некоторых трудов литературоведов и выборочный анализ отдельных повестей писателей позволяет сделать вывод: жанр «повесть» в алтайской литературе представлен следующими разновидностями: автобиографическими, историческими, традиционно-эпическими, художественно-документальными, мемуарными и мемуарно-публицистическими, лирикопсихологическими, лиро-эпическими, нравственно-философскими и социально-психологическими повестями.

Подробнее можно рассмотреть философский тип автобиографического сочинения, к которому относится автобиографическая повесть «Јӱс письмо» («Сто писем») Л. В. Кокышева (1933–1975), которая была закончена еще при жизни автора (1964–1965), но увидела свет спустя только 25 лет, что и послужило поводом обращения к этой повести [Кокышев, 1991]. Отличительной чертой этого произведения является то, что оно написано в эпистолярном жанре: каждая глава (относительно небольшие по объему) представляет отдельное письмо. При этом все письма (кроме 5-го, адресованного любимой девушке по имени Лена) не имеют конкретного адресата.

Для автобиографического произведения характерен особый тип автобиографического

времени и «специфически построенный образ человека, проходящего свой жизненный путь». Л. В. Кокышев жил в плену воспоминаний более двух лет. Два года он вел диалог со временем своего студенчества и первых лет работы после окончания Литературного института им. А. М. Горького (Москва). Синхронность записей по отношению к описываемым событиям придает повести значительную правдивость, достоверность, искренность. В повести присутствуют отсылки к внетекстовой действительности, реалиям жизни биографического автора и одновременно осуществляется эстетическое осмысление этого материала, которые служат для проявления «автопортрета» конкретного писателя – Лазаря Кокышева. Многие события и факты, описываемые в повести, совпадают с биографическими фактами близких друзей А. О. Адарова (1932–2005) и Э. М. Палкина (1934–1991). Художественное время произведения охватывает около 7–8 лет после окончания института (писателю было около 30–31 лет). В повести молодой автор поднимает сразу несколько главных задач: психологическую, социальную, литературную и философскую.

Творческая активность Л. В. Кокышева совпала с особым периодом в литературе, когда художники выходили на диалог со Временем, чтобы постичь закономерные связи между эпохой, судьбой народа и индивидуальным человеческим характером. В сущности, это письма без адреса, так как они обращены к любому заинтересованному читателю и могут стать ему известны. По мнению А. О. Адарова, эти письма адресованы друзьям студенческого периода. Возможно, что в этих словах есть истина. Но в посланиях писателя обсуждаются не только частные вопросы, но и общечеловеческие проблемы. Л. В. Кокышев в некоторых письмах обращается ко всем сразу, иногда предваряя тем самым последующий текст. Так, в письмах автор продолжает вести диалог со Временем и современниками. Принцип рядоположенности всех писем в пространстве текста позволяет читателю по-разному сопоставлять их, т. е. есть возможность чтения «вразброс».

Привлекает 88-е письмо, где Л. В. Кокышев ведет разговор о Времени и Людях: *Ӧй ончозынаӈ чындык јаргычы. Јаан да, кичинек те немелерге јаргыны јаӈыс ла ол берип јат Оны озолой берген улуска ол чыдажып болбойт, артып калган улусты ол тирӱге ле кӧмӱп салат, оныла кожо теӈ бараткан улусты мекелеерге, эмдик ат чылап арказынаӈ ташпап ийерге албаданат. Бистиӈ јӱрӱмисте бастыра государственный санаа да јастырып јат, је ӧй оны тӱзедип, бойыныӈ јерине тургузып сала* [Кокышев, 1991, с. 192–193] ‘Время – самый справедливый судья. Даже большие или же малые дела судит только время. Но оно не может выдержать людей, опередивших его, отставших людей оно закапывает живьем, людей же, идущих с ним в ногу, пытается обмануть, как необъезженный конь, хочет сбросить со своей спины. В нашей жизни даже государственная дума может ошибаться, но время исправляет ее, ставит на свое место’ (здесь и далее подстр. пер. наш – У. Т.). Главные «пророческие» мысли, которые насторожили критиков и цензоров этого периода, были очень смелыми для советского времени – писатель говорил о возможности неправильного курса «государственной машины». Автор рассуждал и о противостоянии старого новому: *Эски неме кандый да бек болзо, је јаӈы немеге јолды јайладып берер. Он јаӈыга јолды тартыжу јокко качан да бербес* [Кокышев, 1991, с. 193] ‘Каким бы крепким не было старое, оно всегда уступит дорогу новому. Но оно новому дорогу без борьбы никогда не даст’.

Л. В. Кокышев – писатель, опередивший свое время. В повести выражено много личных переживаний, раздумий о будущем своей родины, народа и родного языка, мечты, связанные с творчеством. Он писал о неразделенной любви и первых разочарованиях в жизни. В повести наблюдается автопсихологическое высказывание автора через автобиографического героя и жанра воспоминания, как особой формы самоосмысления, которое особенно ярко проявляется при диалоге с читателем, со временем. Некоторые из писем представляют цикл прозаических миниатюр, предстающих как почти «прямое» высказывание автора,

образующих личность самого писателя. Это можно выявить при сопоставлении двух авторов или при помощи движения одного автора к другому: автора, становящегося предметом изображения, его героем, и автора концепированного.

Романтическая душа молодого писателя требовала выхода, свободы мысли. Но книга не была издана ввиду того, что цензура того времени запретила издание повести. Было много споров и по поводу жанра произведения. Возможно, литературоведы и критики не сразу смогли оценить и определить его жанр или не были готовы. Наиболее полно анализ повести «Jӱс письмо» («Сто писем») представлен в исследовании У. Н. Текеновой [Текенова, 2014].

Как известно, в конце XX – начале XXI вв. выдающийся алтайский прозаик Д. Б. Каинчин, затем и Н. Б. Бельчекова вместо термина «повесть» вводят на родном языке свое обозначение – *көнӱ куучын*, который тоже указывает (настраивает читателя) на ряд событий в содержании произведения: временные рамки, сюжет, композиция, система образов и т. д.

Произведения на исторические темы, в частности в творчестве Д. Б. Каинчина, являются ярким свидетельством того, что «это не исповедь человека Времени, а взгляд изнутри, из потока истории. История предстает как цепь случайностей. События же изображены через судьбу одного человека» [История…, кн. 2, 2004, с. 13]. Отдельно можно рассуждать о типе исторической повести в творчестве прозаика, где события происходят на протяжении многих лет, наблюдается присутствие реальных исторических лиц, опора на документы, раскрывается историзм художественного мышления, присутствует настоящее, прошлое и будущее в одной причинно-следственной связи.

Историческая повесть «Jылдыстар когы» («Пепел звезд», 1994, 2006) Д. Б. Каинчина повествует о древних тюрках и по праву считается «художественным достижением алтайской литературы последних лет» [История…, кн. 1, 2004, с. 414]. Как справедливо отмечает литературовед Р. А. Палкина: «Обращение к своим этническим праистокам, проникновение воображения художника слова в толщу тысяче-столетней истории – задача сложная. Д. Каинчин во многом сумел сделать это убедительно» [История алтайской литературы, кн. 1, 2004, с. 414]. Именно в данном произведении, в отличие от произведений раннего периода, прослеживается переосмысление автором национальных культурных и мировоззренческих ценностей алтайского народа, древнейших этнических представлений, которые считаются прародителями всех тюркских народов, откуда происходило движение – великое переселение тюркских народов. Повесть «Jылдыстар когы» является вершиной творчества Д. Б. Каинчина.

В 2000 г. Д. Б. Каинчин пишет еще одну небольшую лиро-эпическую повесть «Ченелте» («Испытание»), где события тоже разворачиваются во времена древнетюркского каганата, называются имена реальных исторических личностей – Истеми-Кезер, Элбиге-Катын, Элтериш-Каан и даты исторических событий этого периода.

Интерес привлекает и повесть о Древней Руси «Кыпчак кезер Тударкан-алып керегинде сӧс» («Слово о кыпчакском витязе Тударкан», 2010), опубликованная после ухода из жизни писателя. Из воспоминаний Г. К. Елемовой на открытии выставки в Национальном музее имени А. В. Анохина, посвященной 80-летию Д. Б. Каинчина, и из неопубликованной рукописи самого писателя известно, что в 1966 г. студенты Литературного института им. А. М. Горького Дибаш Каинчин и Куугей Телесов по счастливой случайности стали участниками съемок фильма «Андрей Рублев» режиссера А. Тарковского (тогда еще малоизвестного). Их встреча произошла вечером в троллейбусе. Для съемок массовой сцены с татаро-монголами были нужны мужчины нерусской национальности, умеющие ездить на лошадях. Д. Каинчин и К. Телесов согласились (день съемок стоил 14 рублей 50 копеек). На следующий день в 7 утра за ними приехала машина, их привезли в монастырь, на стенах – картины Рублева. Здесь уже собрались парни разных национальностей (монголы, татары, башкиры и др.), всего около 30–40 человек.

В своих воспоминаниях (сборник «Санаалар јалттары») Д. Б. Каинчин подробно описывает, как в течение двух дней велись съемки массовой сцены. Прозаик особо акцентирует внимание на описании доспехов, воинского снаряжения весом около 10–20 кг и на том, как их одевали и готовили к съемке. Снаряжения были подлинные, взятые из музея. Съемки велись в Москве, как узнал потом писатель, во дворе Андронникова монастыря. Лошади были мосфильмовские, привыкшие работать по команде «мотор», «отставить». Д. Б. Каинчин тогда буквально окунулся в исторические события XIV–XV вв., и впечатления от съемок проносит через всю жизнь, а в 2010 г. напишет небольшую повесть о Древней Руси «Кыпчак кезер Тударкан-алып керегинде сöс» («Слово о кыпчакском витязе Тударкан»). В эпилоге произведения автор размышляет о кыпчаках, о «Золотой Орде («Копчакия», или «Копчакская Орда»). Повесть была опубликована лишь в 2016 г. в сборнике «Көстöриме туулар көрӱнзин» («Пусть глазам моим покажутся горы»).

В данном ракурсе также выделяется изданная в 2007 г. историческая повесть «Кийнимде – калыгым…» («Позади меня – мой народ» или «За моей спиной – мой народ», «За мной – мой народ»), где Д. Б. Каинчиным затрагиваются вопросы, которые до настоящего времени не были объектом внимания писателей Горного Алтая. Это – появление на Алтае казахской диаспоры. Художественное время произведения относится к концу XIX и началу XX вв. Повествование начинается с того, как у шестигранной коновязи-чакы Очы-Јайзаңа появились три представителя казахских родов: *саргылдак, колжыбай и самай*. Это были измученные, уставшие от трудной зимы люди, которые просили приютить их гонимый народ на некоторое время на территории алтайцев. Они не были гостями, а всего лишь просителями, поэтому никто не вышел их встречать к коновязи, как принято у алтайцев. Это был для них (казахов) «чужой» мир.

Главный герой – Абдоло (в возрасте 25 лет) был старшим рода-сöök саргылдак, унаследовавший это право от отца. Двое других (женщина и мужчина) были преклонного возраста. По казахскому обычаю, они спешились за версту от стойбища Очы-Јайзаңа и шли пешком, тем самым выражая свое уважение алтайскому зайсану. В дар ему они привели к коновязи белого жеребца, так как для алтайца это самый желанный подарок.

«Говорят, самое трудное слово – это слово, выражающее просьбу». А просьба эта заключалась в том, чтобы им (казахским родам) позволили остаться жить (на некоторое время) на алтайской земле высокогорного Кош-Агача. Хронологические рамки происходящих событий охватывают 1892–1916 годы. В композиционном плане время, показанное автором в повести, замыкается в «кольцо»: «1892 год. Год Дракона. Начало лета – месяц малой жары. Третий день новолуния…» [Каинчин, 2016, с. 67] и в эпилоге повести – «1916 год. Год Дракона. Третий день новолуния месяца малой жары…» [Каинчин, 2016, с. 112]. Все события происходят во временных рамках, очерченных автором. Художественное пространство повести тоже заявлено в начале произведения. Это приграничная территория Кош-Агачской степи и плато Укок, где Горный Алтай граничит с Тана-Тывой, Монголией и Китаем. Время визита тоже было выбрано не случайно: на третий день новолуния. В это время алтайцы совершают обряд очищения домашнего очага: угощают и благословляют огонь, окуривают аил вереском. Опрыскивая молоком четыре части света, благословляют Небесную Синь (Теңери, Тенгри), Солнце и Луну, горы и деревья, благодарят их и просят благословения у Алтая. В такие дни на Алтае проводятся все значимые праздники и события. Именно поэтому Абдоло и его люди надеялись на лучший исход переговоров. Им долго пришлось ждать ответа, но их надежды оправдались.

Трудно пришлось Очы-Јайзану. Он один принимает решение, но за его спиной весь его *оток* ‘представители рода’. Он понимает, что сегодня пожалев и приняв этих измученных людей, он подвергает свой народ испытанию – суметь удержать свои земли, пастбища от чужаков. Переживания и сомнения зайсана раскрываются через внутренние монологи («поток сознания»), но к принятию решения поддержать казахский народ его подталкивает

сон. В ирреальном мире (во сне) Очы-Јайзаң увидел баатыров и Хозяйку священного источника Бугузун – Аржан Ээзи – молодую Девушку (по поверьям алтайцев, хозяйкой *аржан суу* ‘целебных источников’ является девушка). Она шла, протянув руки, навстречу Очы-Јайзаңу. Этот сон предсказывает ему понять подсознательные предчувствия (он под защитой духов Алтая) и помогает принять решение. Зайсан дает согласие, чтобы поддержать представителей казахских родов: *Кандый сан башка түш. Канайтса да, јакшы түш... <...> Јер алтайы оны корып, койдонып јатканда... Ол јастырбас учурлу...* [Каинчин, 2016, с. 99] ‘Какой странный сон. Что ни говори, хороший сон… Ведь Земля, Алтай его оберегает, берет в свои объятья… Он не должен ошибиться…’.

В повести Д. Б. Каинчин противопоставляет двух главных персонажей: один (Абдоло) хочет обустроить свой род, обрести дом и другой (Очы-Јайзаң), принимая их, должен предвидеть на много лет вперед и защитить свои территории и свой народ. Эпиграф к повести отражает основную мысль повести: *«Јер ле болзо, калык ого толтура өзө берер»,* которая выражает следующую истину: «Была бы только земля, а чтобы его заселить (полностью), народ расплодится». Автор затронул и основные события, которые повлияли на судьбу алтайцев и казахов. Посвященная историческим событиям повесть затрагивает и проблемы взаимоотношений двух тюркских народов и России. В ней можно найти точные картины времени. Это царский указ 1913 года, когда алтайские зайсаны окончательно потеряли (официально) свою власть, были назначены старосты, образованы волости и управы.

В эпилоге Абдоло за противозаконные действия (торговые сделки, незаконные сборы налогов с купцов монгольской стороны и т. д.) подвергается аресту представителями царской власти. В финале произведения Абдоло опять так же, как и 24 года назад, задумывается о своем народе (*Кийнимде калыгым, калыгым, калыгым... кийнимде калыгым...* ‘За мной мой народ, мой народ, мой народ… за мной мой народ…’), но уже уверенный в их завтрашнем дне, потому что их род уже пустил корни на этой благодатной земле [Каинчин, 2016, с. 101]. Через универсальные концепты «свой-чужой» наблюдается осмысление «своего» родного на фоне «чужого». Автор раскрывает, как мир, который 24 года назад был для Абдоло и его народа «чужим», стал «своим». В повести автор отталкивается от документальных материалов, касающихся судьбы Абдоло: «Сарыкалдыков Абдоло, староста без печати, киргиз (казахов на Алтае называли тогда *кыргынами* – пояснение наше) за антигосударственные противодействия оннаго…» (г. Томск, ГАТО, ф. 3, оп, 4, д. 3216, л. 154–155) [Каинчин, 2016, с. 112]. В послесловии автор отмечает, что в 1916 году Абдоло был сослан в Нарым, с тех пор о нем ничего не известно.

Построение произведения глубоко продуманно, все элементы композиции внутренне связаны друг с другом, единство которых помогает писателю реалистически раскрыть психологические портреты главных персонажей, развить систему историко-философских проблем, возникающих при изучении преобразований конца XIX и начала XX веков на Алтае. Размышления Очы-Јайзаң – главного героя повести – позволяют проникнуть в «скрытый» слой национального сознания, более объективно и глубоко передающий и воспроизводящий умонастроения эпохи. Они позволяют вскрыть глубоко укоренившиеся и скрытые за идеологией реальные образы, представления, восприятия, которые в большинстве случаев остаются неизменными и в настоящее время: *Байлу јер, агару јер... Тенгериге, кудайга, јылдыстарга мынаң јуук... Јебреннең бери ада-өбөкө јери... Кажыбысты ла кабайлаган, алаканына алып јүрген јер... Адабыс болгон, энебис болгон... Кажыбыс ла бу јердиң тобрагын јип, чыгын ичип, тирү јүредис, койнына коруланадыс, колтыгына шибееленедис. Алкыш-быйанының, томының шылтузында тын-куудысты ычкынбай, бу күнди, бу айды көрүп јүредис... <...> Баш ла болзын!.. Јериң, төрөлиң јокко, элиң јокко – сен кем де эмес, сен јок* [Каинчин, 2016, с. 65] ‘Священная земля, святая земля… Отсюда близко к небу, богу и звездам… С древних времен земля наших предков… Являющаяся нам отцом и матерью. Каждый из нас жив от того,

что питался её землей, утолял жажду её влагой, укрывался в её запазухе, оборонялся в её подмышках. Благодаря её благословению мы не потеряли свои души, себя и свою жизнь, любуемся этим солнцем и луной… <…> Будь благословенна!.. Без земли, без родины, без народа ты – никто, тебя нет'. Типология героев данной повести отражает попытку автора взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий.

Субъектная организация реалистической повести исследуемого периода характеризуется преобладанием рефлективной субъективности. Алтайские писатели активно используют автобиографический, жизненный материал, как бы опредмечивая в произведении свое сознание. Этим объясняется преобладание диегетического типа нарратора[1] в большинстве повестей (Л. В. Кокышев, А. О. Адаров, Б. У. Укачин, Д. Б. Каинчин). Например, национальной спецификой алтайской социально-психологической повести «Ӧлтӱрген болзом тороны» Б. У. Укачина, изображающей военное детство, можно считать феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диегетического нарратора. Автор обращается к художественному осмыслению ранее не вполне раскрытой психологической проблематики – образы «детей войны» в условиях глубокого тыла. Появляются образы невоенного человека на войне (И. В. Шодоев), образы «детей войны» (Б. У. Укачин, Ш. П. Шатинов, Д. Б. Каинчин, К. Ч. Телесов, Т. Б. Шинжин).

Типология героев, сформировавшаяся в алтайской реалистической повести второй половины XX – начала XXI вв., отражает эволюцию «идеи человека» в контексте данного социокультурного периода. Герои лирико-психологической («Ӧлӧргӧ јетире эм де узак» Б. У. Укачина) и нравственно-философской (исповедально-биографической) и военной повести (к примеру, «Качук», «Ӧлӱмди јеҥип» И. В. Шодоева) – это герои в ситуации нравственного выбора (пограничной ситуации), итогом которого становятся духовная победа (Майну – «экзистенциальное пробуждение) или духовная гибель героя.

В алтайской лирико-психологической и нравственно-философской повести завершилось формирование двух ключевых типов героев: намеренно или в связи с жизненными обстоятельствами разрывающих или утрачивающих связь с корнями, с малой родиной, иногда и нравственные основы (к примеру, доминируют в повестях и рассказах Д. Я. Маскиной); и, напротив, аккумулирующих, сохраняющих или восстанавливающих память о прежних обычаях, традициях, морально-этических устоях (в повестях Б. У. Укачина и Д. Б. Каинчина, Т. Б. Шинжина).

Стилевая эволюция алтайской реалистической повести второй половины XX века определяется процессом преодоления писателями канонов соцреалистической эстетики и переходом в русло социально-психологического реализма. К примеру, система персонажей социально-психологической повести «Адабыс келди» Н. Б. Бельчековой [Бельчикова, 2013], которая свидетельствует об окончательном завершении смены концепции личности в последние десятилетия XX века и о начале формирования новых социальных и онтологических представлений через образы вдовца Буучая и его детей. В повести наблюдается онтологическое сиротство (одиночество, «вброшенность» человека в мир).

В рассматриваемой повести Н. Б. Бельчековой появляются специфические варианты литературного типа «маленького человека» (Буучай) как «песчинки истории». В повести эстетически повышена роль концептуального

[1] Диегетический нарратор включен в текст – обязательно на уровне факта сообщения и факультативно (хотя довольно часто) на уровне сюжета. Выделяется несколько типов диегетических нарраторов: первичный нарратор – повествователь, который рассказывает о событии, основываясь на собственных наблюдениях или на сообщении других лиц; вторичный нарратор – повествователь, чей рассказ о событии передается первичным нарратором; третичный нарратор, соответственно, является субъектом повествования в рассказе, который передается вторичным нарратором первичному и затем эксплицируется первичным, и т. д.

времени. Отмечается, как время психологически переживается главным героем произведения. Социально-исторические условия по-разному отражаются на внутренней жизни Буучая, при этом художественное время обнаруживает многослойность, а исторический контекст создает контакт с современностью, что позволяет нам утверждать, что это социально-психологическая повесть.

Наблюдается востребованность в последней трети XX в. жанровой разновидности социально-бытовой повести, где одним из ключевых вопросов становится вопрос о выборе человека, как противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспосабливаться к ним, идя на компромисс с совестью. В качестве примера можно проанализировать повесть Н. Б. Бельчековой «Турна туунын ээзи» (2023), где присутствует образ антигероя Митрея, пренебрегающего общественной нормой (моральными, этическими и социальными ограничениями, выраженными через различные явления (закон, табу, мораль, нравы, этикет и т. д.). Здесь следует отметить, что норма в данном случае фигурирует в качестве внешнего сдерживающего фактора, устранение которого позволяет персонажу почувствовать власть над происходящими событиями, в данном случае – над одинокой старушкой Бёдӱ. Принципы нарушения нормы напрямую связаны с деструктивными поступками Митрея, который стремится к утверждению значимости собственной личности. Вот как характеризует его Бёдӱ: *Суу кечире јаткан Митрей, база да тын јажабаган эр, кижи кӱӱни јок болуп кайда өзӱп-чыдаган, кандый энеге азыраткан, билер арга јок... Эмди Бёдӱ сок јанғыс бозулу арткан, эртенги кӱнинде не болорын, кайда барарын билбес. Мында ла јадатан болзо, Байрамнаң кураандар садыжып алгадый, ийттиң кӱчӱгин де азырап, табыш чыгарар ийт эдип алгадый... Эмди Митрей бойы да ээленбейтен болзо, бу јердиң ого јӱк акчазын да болзо, аларга, јиирге ле јат. Алтайыстың јаан кужы Кан-Кередеге де тептиртеле байланбаган, јобожыбаган кижиден нени аларың?!* [Бельчекова, 2023, с. 108] ‘Живущий через реку Митрей, еще не состарившийся мужчина, как вырос таким бесчеловечным, какая мать его воспитала, невозможно знать… Теперь Бёдӱ осталась с единственным теленком, не знает, что будет завтра, куда она пойдет. Если остаться жить здесь, можно выторговать у Байрама ягнят, можно щенка вырастить, чтобы была собака, поднимающая шум… Теперь Митрей, если даже сам не сможет быть хозяином, хочет получить за эти земли деньги. Что же взять с человека, который не одумался даже после того, как священная птица Алтая его поранила (оставила без глаз)?!’ Итак, можно подытожить, что в современной алтайской повести отмечается определенная тенденция изображения характера героя, раскрывающегося в условиях «микросреды», когда нравственный аспект изображения наблюдается через проблемный срез в раскрытии конфликтов «социального» и «человеческого». Это указывает, что в алтайской социально-бытовой повести общественно значимая проблематика освещается в процессе погружения в реальные жизненные обстоятельства.

Региональная литература исследуемого периода отличается и появлением исповедально-биографических, мемуарных произведений, к числу которых можно отнести документально-мемуарную повесть «Өткӧн јолымнаң» («Прошедшей дорогой», 1995) И. В. Шодоева. Как отмечает М. С. Дедина, «мемуарно-автобиографическая повесть «Өткӧн јолымнаң» И. Шодоева стала своеобразным философско-историческим экскурсом в прошлое, в котором автор расставил основные акценты на переломных событиях своей жизни и жизни своего поколения. Данное произведение писателя позволяет не только глубже понять и узнать его биографию, но и способствует выявлению некоторых предпосылок создания того или иного образа. В повести нет упоминания творческой мастерской, нет описания путей, приведших его к писательской деятельности, но есть фиксация тех эпизодов, которые позже стали тематической основой его рассказов, повестей и поэм» [Дедина, 2022, с. 204].

Повесть «Ӧлтӱрген болзом тороны» («Убить бы мне голод») [Шодоев, 1995] можно справедливо отнести к исповедально-

биографической прозе – это «драма становления личности», о «возмужании, становлении человека в этом большом мире. Среди основных ценностей писателя – детство и творчество. Жанр своего воспоминания автор определил как «менің эске алыныжымның стенограммазы» («стенограмма моих воспоминаний»), что соответствует композиционной структуре произведения. Отталкиваясь от ежеминутного, ежечасного, Б. У. Укачин уходит в воспоминания прошлых лет. И не хроникально, а спонтанно – в виде потока сознания» [Киндикова, 2005, с. 112–113]. Повесть имеет предисловие автора «Ончо сөстөрдөң озо автордың айткан сөзи» («Слова автора, сказанные раньше других высказываний»), где Б. У. Укачин как бы подготавливает читателя к восприятию текста, рассуждает о жанре произведения и сообщает, когда и как возник замысел написания воспоминаний. В ней четко прослеживается позиция самого автора по отношению к написанному – это человек, участвующий в социальной, бытовой, общественной, культурной и гражданской жизни и одновременно принадлежащий сфере искусства и осваивающий непосредственный жизненный опыт в этом пространстве.

В повести один из главных героев-подростков Барыс – сам Борис Укачин. Всё происходящее в тяжелые военные годы связано с ним и его друзьями, которых всех автор называет по именам (Борбок-Кара – их лидер, Метирей, Текемей, Паша). Основным содержанием произведения стало освещение внутреннего мира, развития личности маленького героя. В сознании автора преломляется внешняя, событийная сторона жизни, превращаясь в факты его биографии, его внутреннюю жизнь. Личное биографическое время писателя связано с историческим. Детский мир мальчиков представлен через призму военных лет, когда любимым занятием подростков была охота на сусликов. Это было не просто времяпровождение, а настоящая работа и поддержка их семей: мясо суслика употребляли в пищу, а шкурки обменивали на муку, сахар, ткани и т. д.

Сознание героя-ребенка формировалось под разнообразным влиянием – семейным и дворовым. Матери работали день и ночь, они заботились только о том, чтобы ребенок был сыт и одет. В остальное время они были предоставлены сами себе: Барыс был в команде старших друзей, где главным был Борбок-Кара. Детским взором читатель проникает в самые драгоценные воспоминания трудного, порой даже трагического (для Текемей) детства. Крупно выписан состав типичных деталей детского быта мальчиков военного времени: вместо игрушек – капканы, деревянные колышки, шкурки, которые очень тщательно оберегались, худая одежда и т. д. Детский опыт неизменно питал Б. У. Укачина, образуя почву для творчества. Автор пишет: *Кижиниң эске алыныжы бажынаң ала учына јетире улайтелей болбойтон эмтир. Онызын бойым ченеп көрдим. Кенете бир учурал санааң кире конор, оноң ол өчүп, чек өскөзи једе конуп келер. Кижиниң санаазы чала талайдың толкулары аайлу: јаратка чыгып, кайра болуп, оноң ойто келип турар* [Укачин, 2021, с. 9] ‘Оказывается воспоминания человека от начала до конца не бывают последовательными. Это я испытал сам. Вдруг вспомнишь один случай, потом он угасает, и вмиг приходит совершенно другой. Мысли человека, как морские волны: выходят на берег, возвращаются назад, потом опять приходят’. Г. В. Кондаков это называл «приемом лирического самораскрытия характера», который стал основным в творчестве Б. У. Укачина, подчеркивая лирическое «я» писателя в разных временных отрезках: детстве, отрочестве, юности и зрелости. Б. У. Укачин остро ставит вопрос «о связи времени с человеком и наоборот, но не отвечает на него, ибо однозначного ответа нет, и писатель не чувствует за собой права судить «детей другого времени» [История…, кн. 2, 2004, с. 186].

Отдельно можно рассуждать и о другой книге Б. У. Укачина – сборнике «На мой взгляд» (1996), который включает в себя публицистику, очерки, стихи, воспоминания, литературные миниатюры. Особенность своей книги подчеркивал и сам автор во вступительной статье «Моя самая долгая книга или авторское слово читателю»: «…Но эта книга, которую предлагаю, и для меня особая хотя бы потому, что ни одна из предыдущих не писалась так долго и медленно. И это при том,

что замысел ее возник и жил во мне, можно сказать, с того момента, как я осознал себя литератором» [Укачин, 1996, с. 5]. Размышляя о своей книге, писатель писал, что «в ней, в книге, очень даже чрезмерно, много меня – моего «я», моей позиции, моих взглядов и понимания природы поэзии, моих глупостей и легкомыслия. И все же при этом надеюсь, что, пролистывая страницы книги, читатели не только отметят, но и поймут, почему я без утайки перед ними и злого умысла не скрываю своих просчетов и ошибок, которых, конечно, больше, чем моих же трудных успехов» [Укачин, 1996, с. 5]. Исследователь творчества Б. У. Укачина А. В. Киндикова точно отмечает, «что, «впустив себя», свои рассуждения, переживания в эту книгу, Б. Укачин не загородил собой своих героев» [Киндикова, 2005, с. 74].

В этом случае вполне оправданно звучат слова Л. Я. Гинзбург: «Автор мемуаров, вообще произведений мемуарного и автобиографического жанра, всегда является своего рода положительным героем. Ведь все изображаемое оценивается с его точки зрения, и он должен иметь *право* на суд и оценку. Тут, разумеется, имеет место множество градаций. Эта положительность может быть прямой, вплоть до самовосхваления, и может быть сложной, косвенной, затушеванной. Благородство, как последний слой души, может только просвечивать сквозь признание своих пороков и ошибок; и сама способность к этому признанию может стать основным признаком возвышенной натуры» [Гинзбург, 1977, с. 202]. Активное развитие художественно-документальной алтайской прозы вызвано социальными и историческими изменениями последних десятилетий XX в., что стало типологически общим для всех бывших советских литератур.

Повесть Д. Б. Каинчина «Время и Жизнь» («Ӧй лӧ jӱрӱм» или «Ӧлӧң, ӧлӧң, ӧлӧң…», 2013) по праву считается вершиной алтайской мемуаристики. Над этим произведением писатель работал более двадцати лет. Первоначальное (данное автором) название звучит как «Ӧлӧң, ӧлӧң, ӧлӧң…» («Сено, сено, сено…»).

Как известно, в основе мемуаров – всегда личность. Чувствуется, что Д. Б. Каинчин писал для себя, поэтому время работы над произведением продлилось на неопределенное время. Повесть закончена еще при его жизни, но книга увидела свет только после смерти писателя в 2013 г. и подготовлена к изданию его семьей. Наблюдается не просто подведение итогов жизни наедине с собой и оглашение результатов окружающим, а диалог писателя с широкой аудиторией, к которому он готовился более двадцати лет: *Бу мындый атту кӧнӱ куучынды туку качаннаң бери бичиир деп санангам. Бичип баштаганым jирме jылдаң ашты. Jе канча ла бичип, баштап алзам, та не де келишпей-jедишпей калып, байла, та нези де jетире «бышпайтан» болбой, токтодып койгон турарым. Эмди база ла баштап алдым. Кудайга баш, не де чаптыктабас болор бо?.. Учына jетире бичип койор болорым ба?..* [Каинчин, 2013, с. 4] ‘Повесть с таким названием я задумал написать очень давно. Двадцать лет прошло, как начал писать. Но каждый раз, когда приступаю к работе, кажется, что что-то не получается, чего-то не достает, как будто что-то еще «недозрело», и я прекращаю писать. Теперь вот опять начал. Слава богу, может быть, теперь ничто не помешает?.. Может быть, я допишу до конца?..’.

В произведении излагается точка зрения автора на определенные факты и события из личной жизни и жизни близких людей с позиции современности. Главный герой – сам Дибаш (Семен) Берукович Каинчин. Читатель вместе с Каинчиным шаг за шагом проходит значительную часть его жизненного пути, наблюдает за расширением его кругозора, мышления и философским осмыслением жизни. Размышления о родных и близких людях, земляках, о себе самом и о своей судьбе в книге тесно переплетаются с размышлениями о мире и месте в нем человека. Наблюдается, как происходит переоценка автором своего прошлого и исторических событий тоже. Так, в произвольности возникающих воспоминаний (связанных с заготовкой сена) открывается, что за героем стоит огромное полотно жизни, бесчисленное количество событий, встреч, обстоятельств, возникает закономерность, «линия жизни». Всё, что казалось первоначально случайным, будь то

встреча, разговор или какое-нибудь маленькое происшествие, становится важным и выпукло очерчивает личность автора.

Мемуаристика – это историческая память, возможность показать связь духовного богатства поколений – этапов в развитии мышления и мировоззрения самого автора или другого человека, как самая высокая вершина в окружающем мире, ощутить и понять себя в потоке истории: *Менің бу бичигеним та солун болор, та јок. Кижиниң јӱрӱми бойына ла кару, бойына ла баалу ине. А бот өскө улуска?.. «Кажы ла кижи – бӱткӱл телекей» дейтени чын. «Кижи кижиле бай» деп, бис алтайлар кандый чын ла чечен айтканыс. «Кижиниң айлына кижи кирзе – ол айыл, кижини кижи тоозо – ол кижи* [Каинчин, 2013, с. 4] ‘Вот то, что я написал, вызовет интерес или нет. Ведь человеку дорога и близка своя жизнь. А вот чужим людям?.. Справедливо утверждение «каждый человек – целый мир». Как метко мы, алтайцы, сказали: «Человек человеком богат». Если в твой айыл заходит человек – это айыл, если человек человека уважает – то он человек’.

Время работы над повестью Д. Б. Каинчин обозначил с 1988 по 2008 гг., но воспоминания уводят читателей к 1960-м годам. Повесть состоит из 15 глав: «Өлөң, өлөң, өлөң…» («Сено, сено, сено…»), «Менің тӱштерим» («Мои сны»), «Ундылбас ырыс» («Незабываемое счастье…»), «Аңылу кӱндер… Ундылбас кӱндер…» («Особенные дни… Незабываемые дни…»), «Эзенде ойто ло…» («В следующем году опять…»), «Алтайысты артатпайлы» («Не будем загрязнять свой Алтай»), «Јаашту тӱн» («Дождливая ночь»), «Энемниң ырызы…» («Счастье моей матери…»), «Экӱ» («Вдвоем»), «Ӱредӱ, ӱредӱ, ӱредӱ…» («Учеба, учеба, учеба»), «Сары-Кобы…» («Сары-Кобы…»), «Мотоцикл, мотоцикл, мотоцикл…» («Мотоцикл, мотоцикл, мотоцикл…»), «Бажынты деп өзөк…» («Долина Бажынты…»), «Абаам» («Мой Абаа»), «Балдарым, балдарым, балдарым…» («Дети мои, дети мои, дети мои»).

Заглавие самого произведения наталкивает на философские размышления – «Өлөң, өлөң, өлөң…» («Сено, сено, сено…»), как круговорот: рождение, жизнь, смерть, возрождение. С другой стороны, через изображение ежегодной заготовки сена писатель раскрывает заботы и жизнь простых деревенских людей, своих земляков: для сельского жителя нет важнее работы, чем заготовка сена на зиму, сколько людей из-за этой работы поссорились, разругались, враждовали, сближались, объединялись, дружили, влюблялись, сколько судеб человеческих изменила эта работа.

Как уже отметили, повествование ведется с позиции самого автора. В повести автобиографическое время постоянно чередуется с философским и историческим временем. Например, в воспоминаниях о матери и отце автор уводит читателей в глубокий тыл времен Великой Отечественной войны. Отец Д. Б. Каинчина погиб на фронте, но долгое время считался «пропавшим без вести», писатель никогда не видел даже его фотографии. Все годы он искал хоть какую-нибудь информацию о нем. Только в год своего 72-летия, в 2010 г., на базе ОБД «Мемориал» находит информацию ЦАМО о своем отце: Каинчин Пырюрек Каинтинович. Родился 05.08. 1911. Красноармеец / рядовой. Погиб в плену 05.09.1942 г.

Д. Б. Каинчин впервые увидел фотографию отца, которому было всего 31 год [Каинчин, 2013, с. 4]. Это было сильным ударом для писателя и одновременно большой радостью: в свои 72 года увидел лицо отца, наконец-то прояснилась судьба родного человека. Д. Б. Каинчин, как вспоминают его дочери, стал более замкнутым, задумчивым.

В воспоминаниях о матери Каинчиной Кундучи из рода *тодош* (1910–1976) автор переносит читателей в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время. В главе «Ундылбас ырыс» («Незабываемое счастье») писатель в мыслях обращается к давно прошедшим событиям: *Ол јыл менің черӱнең јанган јылым. 1960 јыл. Өлөң бӱтпеген јыл* ‘Это был мой год, когда я вернулся из армии’. Он вспоминает судьбу и мечты своей матери и отца, делает для себя новые открытия через ее песню, которую она тихо напевала, когда ехали на покос на *абре* ‘арбе’: *Энемниң абрада тоңдолто ӱзӱктелген ӱни эмдиге кулагымда:*

Ак јаланла мантаган, / Абыралу көлөсө. // Айдышканга бичиген, / Ак санаалу писимо. // Көк јаланла мантаган, / Көлөсөлү абыра. // Көрүшкенге бичиген, / Көк чаазында писимо.

Сөстөри кандый булгамал кожоң? «Абыралу көлөсө», оноң «көлөсөлү абыра»? Бу не дегени? Је мынаң өскөртө айдып болбозың. Ол тушта ончозы бузула берер. Мында сөстөрдиң учуры јаан керек эмес, мында күүнсанаанының учуры баалу. <...> Адам мундус сөөктү Бөрүк деп кижи. Луу баштапар эртенгизинде ле оны от-калаптың јери јаар атандырып ийгендер. Одус јашту эрди ончозынаң озо аткарбай. Оноң ло бери бир де суру-чап јок. Письмо бичийин дезе, бичик билбес. Орус тилди база билбес. Эмди сананзам, энем ол «писимо» деп тегиндү кожоңдобогон. Ол сакыган, сакыган... [Каинчин, 2013, с. 19] ‘Прерывающийся от тряски на арбе голос матери все еще в моих ушах: По ровному полю катившееся / С аброй колесо. // Написанное милому, / С чистыми мыслями писимо (письмо). // По зеленому полю катившаяся, / С колесами абра. // Написанное милому, / На синей бумаге писимо (письмо).

Что за песня с запутанными словами? «Колесо с аброй», потом «с колесами абра»? Это что значит? А тут по-другому не сможешь сказать. Тогда все нарушится. Тут дело не в значении слов, здесь ценно значение вложенной души. <…> Мой отец Бөрүк из рода мундус. Его отправили на места боевых сражений на следующий же день после начала войны. Тридцатилетнего мужчину, конечно, раньше всех отправят. С тех пор нет ни единой весточки. Чтобы написать письмо, не знает грамоты. Русского языка тоже не знает. Теперь я думаю, что мама не просто пела про «писимо». Она ждала, ждала…’. Когда писались эти строки, видно, что писатель еще не знал о судьбе отца.

С огромной болью писатель говорит и о переменах 80–90 гг. прошлого века: *... Өй өскөлөңгөн, јүрүм өскөлөңгөн, јаңдар өскөлөңгөн – ончозы өскө... Эмди чек өскө строй. Капитализм* [Каинчин, 2013, с. 9] ‘… Время изменилось, жизнь изменилась, власть сменилась – все другое… Теперь совершенно другой строй. Капитализм…’.

В мемуарной повести Д. Б. Каинчина лейтмотивом проходит мотив дороги: каждый прокос – это жизненная дорога человека, судьба отдельной личности. В начале повести одна дорога/прокос – это матери, затем две дороги – матери и сына. К этим двум дорогам добавляется третья – это супруги. В финале повести автор завершает словами: *Кийнимде алты јол... Менийиле кожо, бастырабыс – јети јол...* ‘Позади меня шесть дорог… Вместе с моим – семь дорог…’; *Өлөң, өлөң, өлөң... Јүрүм, јүрүм, јүрүм...Бу иш эмес, бу – ойын, бу – байрам...* ‘Сено, сено, сено… Жизнь, жизнь, жизнь… Это не работа, это – игра, это – праздник…’. Семь дорог – это дороги судьбы членов его семьи, одна из которой оборвалась раньше других. Но о личной трагедии писатель никогда не говорил.

К написанию мемуарной повести среди алтайских писателей-женщин обратилась Сурайа Сартакова (Светлана Михайловна Кензина, 1950). В 2022 г. выходит в свет повесть «Саргарган бүктер» («Пожелтевшие страницы»), включенная в сборник произведений «Аптраның түбинең» («Из глубины аптра») [Сартакова, 2022]. Для Сурайи Сартаковой первыми образами ее бытия, составляющими ее незыблемый круг, были образы матери, очага и огня, раскрывающие тему материнства в ее творчестве. Эти образы-символы образуют и композиционную структуру повести. Через воспоминания писательницы о судьбе своей матери, бабушки и прабабушки читатели из XXI в. переносятся в начало XX в. в дореволюционный Алтай, затем в гражданскую войну, коммуны, коллективизацию, раскулачивание, репрессии, Великую Отечественную войну, послевоенное время, советское детство, 1980–1990-е гг. в истории великого государства и т. д. Произведение состоит из небольших воспоминаний, каждое из которых имеет свое заглавие, но повествование ведется от имени самого автора. Лейтмотивом через всю рассказанную историю проходит образ самоотверженной женщины-матери.

В мемуарных повестях «Время и Жизнь» («Ӧй лӧ јӱрӱм» или «Ӧлӧң, ӧлӧң, ӧлӧң…») Д. Каинчина и «Саргарган бӱктер» («Пожелтевшие страницы») С. М. Сартаковой тематизация событий и воспоминаний, построение диалога с читателями являются способами эстетического осмысления жизненного материала, ставшего предметом изображения в вышеуказанных произведениях. Такое воспоминание-самоосмысление всегда нуждается в собеседнике, слушателе. Поэтому в этих произведениях активно формируется читатель, образ понимающего собеседника, который близок к герою по характеру, мировосприятию, имеет общие нравственные ценности и которому автор всецело доверяет. И самое главное, словами Б. У. Укачина, художнику нужна абсолютная свобода – нет ничего красивее ее. Можно с уверенностью говорить, что современная алтайская автобиографическая проза, соединяя в себе документальность и фикциональность, вполне отвечая требованиям жанра, заметно обогатила жанровую разновидность художественной литературы Горного Алтая. Документальность в ней проявляется в использовании реальных фактов из жизни писателей (датирование, топонимы и др.), фикциональность же связана с процессом «создания автобиографического воспоминания. При написании автобиографии важно, что написано и как написано, что приближает автобиографию к художественным текстам» [Соловьева, 2009, с. 144].

Заключение

Итак, в алтайском литературоведении существует несколько подходов к классификации жанровых разновидностей повести: по идейно-тематическому принципу, в зависимости от сюжетно-композиционных особенностей (С. С. Суразаков, С. С. Каташ, Г. В. Кондаков, З. С. Казагачева, С. М. Каташев, Р. А. Палкина, Н. М. Киндикова). На современном этапе особенно продуктивным представляется жанрово-стилевой подход, позволяющий учитывать и тематическую детерминацию, и жанровую доминанту, и стилевые особенности повести в их развитии (Э. П. Чинина, М. С. Дедина, А. В. Киндикова, У. Н. Текенова и др.). Изучение жанровой и стилевой модификации повести, классификация ее жанровых разновидностей по данному принципу дают возможность определить, какие аспекты отношений между личностью и действительностью в конкретный период подвергались творческому осмыслению и были особенно актуальны, какие стилистические приемы для этого применялись. Таким образом, жанровая динамика является отражением исторических и эстетических преобразований. Такой подход позволяет утверждать, что алтайская литература исследуемого периода представлена автобиографическими, историческими, социально-бытовыми, лирико-психологическими, традиционно-эпическими, лиро-эпическими, художественно-документальными, мемуарными, лирико-публицистическими повестями. Из этого следует, что типологические разновидности жанра повести предполагают более детальное исследование произведений алтайских писателей, так как строение и внутренняя организация целостной жанровой системы повести включает в себя семантическую (жанровое содержание, субъектная организация, тип героя, пространственно-временная организация) и морфологическую (коммуникативная стратегия, сюжетно-композиционная организация, речевая организация) составляющие.

Литература

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. I. М.: Академия наук, 1953. 574 с.

Бельчекова Н. Б. Јорук. Горно-Алтайск, 2013. 271 с.

Бельчекова Н. Б. Јӱрӱмис кайкал... Горно-Алтайск, 2023. 295 с.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Ленинград: Художественная литература, 1977. 443 с.

Ибрагимов М. И. Национальная идентичность татарской литературы (современные методы исследования). Казань, 2018. 104 с.

История алтайской литературы. (Вторая половина XX – начало XXI вв.). Литературные портреты. Книга 4. Горно-Алтайск, 2021. 343 с.

История алтайской литературы. Книга 1. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 2004. 549 с.

История алтайской литературы. Литературные портреты. Книга 2. Горно-Алтайск: Горно-Алт. респ. тип., 2004. 390 с.

Каинчин Д. Б. Көстөриме туулар көрүнзин...: көнӱ куучындар, куучындар. Байсын-Јурт: Чӱмдӱ бичик кепке базар «Алтын-Туу» деп, 2016. 318 с.

Каинчин Д. Б. Ӧй лӧ јӱрӱм. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2013. 119 с.

Киндикова А. В. Творчество Бориса Укачина: тематическое и жанровое своеобразие. Горно-Алтайск, 2005. 172 с.

Кокышев Л. В. Јӱс письмо. Горно-Алтайск, 1991. 208 с.

Кормилов С. И. Современный словарь-справочник по литературе. М.: АСТ, 1999. 699 с.

Крикливец Е. В. Повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века: опыт сравнительного изучения. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povest-v-russkoy-i-belorusskoy-proze-vtoroy-poloviny-hh-veka-opyt-sravnitelnogo-izucheniya?ysclid=livky69jf1379948236 (дата обращения: 14.06.2023).

Лотман Ю. М. О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993): история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство-СПб., 1997. 845 с.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 357 с.

Сартакова С. М. Аптраның тӱбинең. Горно-Алтайск, 2022. 238 с.

Соловьева И. В. Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 141–145.

Текенова У. Н. «Јӱс письмо» деп повестьтиң кееркедим чӱми // Л. В. Кокышевтиң чӱмделгези: литература билим кычырыш. Горно-Алтайск, 2014. С. 63–131.

Укачин Б. У. Ӧлтӱрген болзом тороны. Горно-Алтайск, 2021. 278 с.

Укачин Б. У. На мой взгляд. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. 416 с.

Шодоев И. В. Ӧткӧн јолымнаң: Автобиографиялык эске-алыныштар. Горно-Алтайск: Алтай Республиканың «Ӱч-Сӱмер» бичик чыгартузы, 1995. 168 с.

References

Belchekova N. B. Joruk. Gorno-Altaisk, 2013, 271 p. (In Altaic).

Belchekova N. B. Jürümis kaikal... Gorno-Altaisk, 2023, 295 p. (In Altaic).

Belinsky V. G. Polnoe sobranie sochinenii [The Complete Works]. Vol. I. Moscow, Akademiya nauk, 1953, 574 p. (In Russian).

Ginzburg L. Ya. O psikhologicheskoi proze [On psychological prose]. Leningrad, Fiction, 1977, 443 p. (In Russian).

Ibragimov M. I. Natsional'naya identichnost' tatarskoi literatury (sovremennye metody issledovaniya) [National identity of Tatar literature (modern research methods)]. Kazan, 2018, 104 p. (In Russian).

Istoriya altaiskoi literatury [History of Altai Literature]. Book 1. Gorno-Altaisk, Gorno-Altaisk Republican Printing House, 2004, 549 p. (In Russian).

Istoriya altaiskoi literatury. (Vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.). Literaturnye portrety [(The second half of the 20th – beginning of the 21st century). Literary portraits]. Book 4. Gorno-Altaisk, 2021, 343 p. (In Russian).

Istoriya altaiskoi literatury. Literaturnye portrety [History of Altai Literature. Literary portraits]. Book 2. Gorno-Altaisk, Gorno-Altaisk Republican Printing House, 2004, 390 p. (In Russian).

Kainchin D. B. Köstörime tuular körünzin...: könü kuuchyndar, kuuchyndar. Baisyng-Jurt, Chümdü bichik kepke bazar "Altyn-Tuu" dep, 2016, 318 p. (In Altaic).

Kainchin D. B. Öi lö jürüm. Gorno-Altaisk, Gorno-Altaisk Republican Printing House, 2013, 119 p. (In Altaic).

Kindikova A. V. Tvorchestvo Borisa Ukachina: tematicheskoe i zhanrovoe svoeobrazie [Boris Ukachin's creative work: thematic and genre originality]. Gorno-Altaisk, 2005, 172 p. (In Russian).

Kokyshev L. V. Jÿs pis'mo. Gorno-Altaisk, 1991, 208 p. (In Altaic).

Kormilov S. I. Sovremennyi slovar'-spravochnik po literature [Modern dictionary-reference book on literature]. Moscow, AST, 1999, 699 p. (In Russian).

Kriklivets E. V. Povest' v russkoi i belorusskoi proze vtoroi poloviny XX veka: opyt sravnitel'nogo izucheniya [The story in Russian and Belarusian prose of the second half of the 20th century: experience of comparative study]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/povest-v-russkoy-i-belorusskoy-proze-vtoroy-poloviny-hh-veka-opyt-sravnitelnogo-izucheniya?ysclid=livky69jf1379948236 (accessed on June 14, 2023). (In Russian).

Lotman Yu. M. O russkoi literature: stat'i i issledovaniya (1958–1993): istoriya russkoi prozy, teoriya literatury [On Russian Literature: articles and

research (1958–1993): history of Russian prose, theory of literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1997, 845 p. (In Russian).

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko [Poetics: dictionary of relevant terms and concepts / Chief scientific editor N. D. Tamarchenko]. Moscow, Kulagina's Publishing House: Intrada, 2008, 357 p. (In Russian).

Sartakova S. M. Aptranyng tübineng. Gorno-Altaisk, 2022, 238 p. (In Altaic).

Shodoev I. V. Ötkön jolymnaң: Avtobiografiyalyk eske-alynyshtar. Gorno-Altaisk, Altai Respublikanyң "Ӱch-Sӱmer" bichik chygartuzy, 1995, 168 p. (In Altaic).

Solovyova I. V. Analiz avtobiografii i biografii s tochki zreniya sub"ektnoi perspektivy [Analysis of autobiography and biography from the subjective perspective]. *Issues of the Humanities*, 2009, no. 6, pp. 141–145. (In Russian).

Tekenova U. N. «Jüs pis'mo» dep povest'ting keerkedim chümi. In: L. V. Kokyshevting chӱmdelgezi: literatura bilim kychyrysh. Gorno-Altaisk, 2014, pp. 63–131. (In Altaic).

Ukachin B. U. Na moi vzglyad [In my opinion]. Barnaul, Altai Publishing House, 1996, 416 p. (In Russian).

Ukachin B. U. Öltӱrgen bolzom torony. Gorno-Altaisk, 2021, 278 p. (In Altaic).

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.012
УДК [001.89:256]:930 (470)

О ХАКАССКИХ ШАМАНАХ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ВОСПОМИНАНИЯ ОЧЕВИДЦА

А. А. Бурнаков

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Шетинкина, 23, Абакан, 655617, Россия; email: artas_burnakov@mail.ru; ORCID: 0000–0001–6874–0804

Шаманизм/шаманство является одной из форм религиозных верований, ранее распространённая у многих народов Северной Европы, Центральной Азии, Сибири, Северной и Южной Америк и т. д. В традиционной религии хакасов шаманизм также широко представлен и является её второй крупной компонентой. Своё название шаманизм получил от ключевой фигуры этой системы – *шамана*, являющегося его священнослужителем. У хакасов шамана называют *хам* (мн. ч. *хамнар*), а шаманизм (шаманство) – *хам киреґі/хам чозаґы*. В представленной расшифровке полевых материалов автора, собранных в ходе экспедиции ХакНИИЯЛИ (2023 г., Таштыпский р-н РХ), одним из информантов преклонного возраста, лично общавшегося с шаманом и другими представителями хакасской мистики, даётся наиболее яркий позитивный отзыв о хакасских шаманах, который в корне отрицает расхожие представления, сформированные христианскими священниками и их последователями о шаманах как о «слугах дьявола». Видеозапись интервью на хакасском языке хранится в Рукописном фонде ХакНИИЯЛИ.

Ключевые слова: шаман, шаманство, шаманизм, хам, көрігҷі.

ON KHAKASS SHAMANS AND THEIR ACTIVITIES IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: THE WITNESS'S RECOLLECTIONS

Artas A. Burnakov

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: artas_burnakov@mail.ru; ORCID: 0000–0001–6874–0804

Shamanism is one of the forms of religious beliefs previously common among many peoples of Central Europe, Central Asia, Siberia, North and South America, etc. Shamanism is also widely represented in the Khakass' religion and is its second major component. Shamanism got its name from the key figure of this system – a *shaman*, who is its priest. Among the Khakass, shaman is called *kham* (plural: *khamnar*), and shamanism – *kham kiregi/kham chozagy*. In the presented transcript of the author's field materials collected during the expedition of Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (2023, the Tashtyp District, the Republic of Khakassia, Russia), one of the elderly informants, who personally communicated with a shaman and other representatives of Khakass mysticism, gives the most vivid positive assessment of the Khakass shamans, which fundamentally negates the popular ideas formed by Christian priests and their followers about shamans as "servants of the devil". The interview video was made in the Khakass language and is stored in the Manuscript Fund of KhRILLH.

Keywords: shaman, shamanism, kham, korigchi.

Введение

Шаманизм – достаточно сложное и многогранное явление, которому трудно дать одно исчерпывающее определение. Он и феномен духовной культуры, и одна из ранних форм религии, и синкретичное религиозное верование, состоящее из элементов других ранних форм религий (анимизма, анимализма, фетишизма, магии и т. д.). К сожалению, до настоящего времени хакасский шаманизм не был объективно оценён с научной точки зрения. К этому следует добавить, что историческая судьба хакасского шаманизма, как

и шаманизма других народов Сибири, была достаточно сложной и имеет свои трагические страницы [Бутанаев, 2006, с. 13].

Первые попытки научного описания хакасского шаманства были предприняты ещё участниками Второй Камчатской экспедиции (1733–1745 гг.): историком Г. Ф. Мюллером [Чертыков, 2018, с. 41] и натуралистом И. Г. Гмелиным, который считал шаманизм фокусничеством и шарлатанством [Гмелин, 2015, с. 138]. И. Г. Георги, придерживаясь концепции предшественников, описывал шаманские верования как «поступки идолослужителей с бесами. Глупы, бестолковы, противны здравому рассудку, обаятельны, презрения и сожаления достойны» [Георги, 2007, с. 375, 387]. В целом исследования того периода проводились с принятых тогда позиций европо- и христоцентризма. Безусловно, подобные взгляды исследователей негативно повлияли на представления о шаманах и шаманизме в российском обществе, в том числе и у наиболее образованной её части. В итоге личность шамана к концу XVIII в. была настолько демонизирована, что даже стала ассоциироваться не только с шарлатанством, но и в аллегорической форме служила для обозначения лиц, угрожающих существующему государственному строю. Об этом свидетельствует выход сатирической пьесы антимасонской направленности «Шаман Сибирский» (1786), принадлежащей перу императрицы Екатерины II [Банников, 2023, с. 94], где в роли главного отрицательного персонажа выступает сибирский шаман Амбан-Лай[1], под которым подразумевались проникшие в Россию масоны.

Позднее одни учёные, например Д. Банзаров, считали шаманов мечтателями и соответственно их верования – плодом их буйной фантазии [Банзаров, 1955, с. 88–89], а другие полагали, что шаманы – это психически не устойчивые личности, находящиеся в пограничной зоне между здоровыми и больными людьми (В. Г. Богораз, Е. К. Яковлев и др.) [Богораз, 2017, с. 107, 110; Яковлев, 1900, с. 114]. Соответственно шаманские верования, по их мнению, следует считать творчеством тёмных, не образованных и психически не совсем здоровых людей. Отдельно следует упомянуть о священниках Русской православной церкви, исследования которых были направлены не на достижение научных целей, а на содействие успешному обращению «в христианство магометан и других инородческих иноверцев»[2]. Для этого проводились соответствующие исследования аборигенных «лжеучений»[3], для вооружения священников и миссионеров знаниями о предмете предстоящих теологических споров, победа в которых должна была способствовать скорейшей замене автохтонных верований на официальную государственную религию. Среди исследователей этого направления определённый вклад в описание религиозной обрядности хакасов внесли священники Ф. П. Токарев, П. Е. Суховский [Чертыков, 2022, с. 246–247, 256–257], Н. А. Орфеев, В. Е. Суховский, П. М. Попов, Н. Ф. (Пайо) Катанов, И. М. Штыгашев, Н. Путилов, М. А. Александров и др. Статьи указанных авторов писались с христианских позиций, и как следствие в них давались сугубо негативные оценки шаманству. Однако и среди исследователей этого направления иногда встречались статьи, лишённые каких-либо оценочных суждений: в них авторы лишь кратко описывали отдельные религиозно-мистические или лечебные сеансы, а также шаманские атрибуты[4].

В советский период одни учёные считали шаманов откровенно психически больными людьми (Д. К. Зеленский, Г. В. Ксенофонтов, С. А. Токарев и др.), а другие (Л. П. Потапов, В. И. Харитонова и др.) возражали против такого определения. В частности, этнологи В. И. Харитонова и Е. В. Ревуненкова относят его к феноменам духовной культуры, который необходимо изучать с применением интердис-

[1] Шаман Сибирский [Эл. ресурс]//Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные. Под редакцией Арс. И. Введенского. С.-Петербург. Издание А. Ф. Маркса, 1893. http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0240oldorfo.shtml?ysclid=lochf8c7ce215198469 (дата обращения: 30.10.2023).

[2] Орфеев Н. Поминки у инородцев минусинского округа // Енисейские епархиальные ведомости. 1887. № 14–15. С. 175.

[3] Там же. С. 175.

[4] Тыжнов П. Енисейские епархиальные ведомости. 1912. № 11–12. С. 338–344.

циплинарного подхода. Более того, В. И. Харитонова считает, что «шаманские способности и «шаманская реальность» могут получить научное объяснение» [Шаманский дар, 2000, с. 52].

Если мнения дореволюционных, советских и современных российских исследователей о шаманах и шаманизме достаточно хорошо прослеживаются, то такой немаловажный аспект, как отношение самих хакасов к своим шаманам и шаманизму в целом, в научной литературе не представлен. В виде редких исключений мы можем указать лишь на краткие упоминания об отношении самих хакасов к необходимости существования института шаманов в статьях учёного-сибиреведа Д. А. Клеменца, хакасского этнографа С. Д. Майнагашева [Майнагашев, 2007, с. 27] и минусинского краеведа А. С. Широкова [Широков, 2022, с. 65–76].

В ходе экспедиционных выездов последних лет нам неоднократно приходилось слышать от наших информантов положительные или нейтральные оценки деятельности хакасских шаманов, однако это были мнения людей, не являвшихся непосредственными участниками камланий. Однако в ходе экспедиций 2022–2023 гг. в Таштыпском р-не Хакасии нам удалось встретиться с информантами, лично наблюдавшими шаманские камлания. Ниже мы приводим расшифрованный фрагмент наиболее содержательного из всех интервью, в котором очевидец камланий высказывает своё положительное отношение к шаманам и шаманизму. Данное мнение, как мы считаем, как раз и отражает точку зрения большинства хакасов, придерживающихся традиционной религии.

1-ғы чардых. Көрігчі Паятка (вар. Пайсўт) Кичеевтеңер [22:57–28:25]

Вот пістің тайғада Бурнаков (мында информатор көрігчінің фамилиязын алчаастапча, аның сын фамилиязы Кичеев полған – А. Б.) Пайатка чуртаан, ол кўмес [көмес – А. Б.] хам [арах кізі, көрігчі – А. Б.] пулған [полған – А. Б.], вот нуйма [ноо ниме – А. Б.] кемнің [чіт парза – А. Б.] … кемнің нуйма [ноо нимезі – А. Б.] чіт парар [ол – А. Б.], Пайатказар парзаң [аннаң сурынзаң – А. Б.], анаң ул [ол – А. Б.] суғдаң [суғнаң – А. Б.] кўрчең [көрчең – А. Б.]. Стаканға суғ урдурбалып [урдырып алып – А. Б.], [андар – А. Б.] чибірге [чибіргі – А. Б.] ахча сал салдырып, [килген кізінің – А. Б.] хулын [тутча – А. Б.] … [ол – А. Б.] кізінең хулын тудыпси [тудыбысча – А. Б.], тамырын [тутчаң ол – А. Б.], тамырдаң пілчең полтыр ул [ол – А. Б.], хул салып. И пот пырай урта [орта чоохтачаң – А. Б.] … мин [пастап – А. Б.] пір дее киртінмеем ағаа, анаң суунаң [соонаң – А. Б.] миң [минің – А. Б.] пір ат чіт парған. Пір ай тілеем ул [ол – А. Б.] атты, пір дее тапаанчим. Ущульдеегі [Усть-чулдағы – А. Б.] табуннарды унаң [прайзын көрглеем, пір дее чоғыл – А. Б.], конюхтардың анда [прайзынаң сурастырғлаам, пірдеезі адымны көрбеендір – А. Б.]. [Пірсінде минзер таныс – А. Б.] табунщик Коля Албычаков [піс аннаң на – А. Б.] аннаң [тайғада мал хадарып – А. Б.] чуртаабыс, піс [хада тоғынғабыс – А. Б.], ул [ол – А. Б.] кильген [килген – А. Б.] минзері [миннең сурча – А. Б.], – Яковлевич, – тіпчи, – син [адыңны – А. Б.] ам даа таппадың ма? Таппаанчим, ам [амды – А. Б.] тастабыстым [аны – А. Б.], – тіпчим, – тілирге. Парааң, – тіпчи, – адың изерле, парааң Ущульзері [Усть-чулзар – А. Б.], тіпчи, – Пайатказар [көрігчізер – А. Б.] парааң, – тіпчи, – піс амох пільбаларбыс [піліп аларбыс хайда синің адың – А. Б.]. Миң пір тай, – тіпчи, – тоже чіт парған, аны [ідök – А. Б.] тапаанчим. Анаң [андар парчаң – А. Б.] ахчаң пар ба, – тіпчи? Мин тіпчим [тіпчем – А. Б.]: – Пар, мин ахча чох чўрбинчим. Анаң [Албычаков мағаа нандырча – А. Б.]: – Пар [магазинзер – А. Б.], – тіпчи: – Чарым литр [хабах араға – А. Б.] албал [алып ал – А. Б.], – тіпчи. Пайаткаа параң, – тіпчи [тіпче ол – А. Б.]. Анаң, магазинзер парып, чарым литр [араға – А. Б.] албалғам [алып алғам – А. Б.], анаң [ол Кичеев Пайатказар піс іколең – А. Б.] кіргебіс. Меге [мағаа – А. Б.] маарсах [паарсах – А. Б.] пулған [полған – А. Б.] ул [ол – А. Б.] Пайатка. Анаң мин [тураа кіргенде ол – А. Б.] чоо [örінче – А. Б.]: – О-оо, тоңмачағым! Ханча чыл тоғаспадың! Анаң [мин аны көрзем – А. Б.]: – О-о, худайағымай!? [Тураа – А. Б.] кірзем … [ол – А. Б.] име [ниме – А. Б.] стэныг [ыстанныг – А. Б.] ла [одырча – А. Б.], станы [ыстаны – А. Б.] талалых, иді итке тўўй [tööй –

А.Б.] имес [нимес – А.Б.], пырай тырбахтан салған, унаң пырай сурыптар [сорыптар – А.Б.], киль [кил – А.Б.]. – О-ой! – тіпчем, – хайди иреелен чизің [ирееленчезің – А.Б.], а-а! – Іди киліс парған, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. – О-о, чүрбес [чөрбес – А.Б.] кізі киректең кильдің [килдің – А.Б.] ма? – Зе, кирек, – тіпчем, – улуғ кирек. – Уже пільчим [пілчем – А.Б.]! – тіпчи [тіпче Пайатка – А.Б.], – хайдығ кирек, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. Анаң [ол – А.Б.] тіпчи [тіпче – А.Б.]: – Че удыр. Удырыбысхам [одырыбысхам – А.Б.]. – Хулың [холың – А.Б.] пир, – тіпчи [тіпче – А.Б.], – [хайа – А.Б.] холың. – О-о, [адыңа – А.Б.] пичелленма, – тіпчи [тіпче – А.Б.], – тоңмаҷағым, [адыңна – А.Б.] амух [амох – А.Б.] табарзың, – тіпче. Миң [минің – А.Б.] дее тымыҷағы суух [соох – А.Б.] кірчи [кірче – А.Б.]! [Істімде сағын салғам – А.Б.] Хайди іди? [Пайатка анаң андар чоохтапча – А.Б.] – Име [ниме – А.Б.], – чибіргі ахчаң сығар, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. Анаң [мин – А.Б.] сығарғам, [ол аны – А.Б.] стаканға салып [ол андар – А.Б.], күрбіскен [көрібіскен – А.Б.]. Тілеебе [адыңны – А.Б.], – тіпчи [тіпче – А.Б.], – амух [амох аны – А.Б.] табарзың, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. – Име [ниме – А.Б.], пу таг айлендра [айландыра – А.Б.] парчин чолда [чолны – А.Б.] тастаба, – тіпчи [тіпче – А.Б.], – ол ла чолда [чолҷа – А.Б.] шааптыр, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. – Прямо-күне [көні парзаң орта – А.Б.] килерзің, – тіпчи [тіпче – А.Б.]. [Олар – А.Б.] – Пизеелең [пизөлең чөрчелар – А.Б.], – тіпчи [тіпче – А.Б.]. – Хатығ хулға кір парған [синің адың – А.Б.], – тіпчи [тіпче – А.Б.]. – А хозяины [өөрнің асхыры – А.Б.], – тіпчи [тіпче – А.Б.], – хайдыдар хазыр ахсыр [хайдадар… асхыр – А.Б.], – тіпчи [тіпче – А.Б.], – пора ахсыр [асхыр – А.Б.]. Анаң [хада полған – А.Б.] ул [ол – А.Б.], Коля-табунщик, меге [маға – А.Б.] чуухтап [чоохтап – А.Б.] пир [пирген – А.Б.]. – Пора тай, – теен, – че ул [ол – А.Б.] пулар [полар – А.Б.]. Анаң [Пайатка теең]: – Че, [кирек – А.Б.] чарир! Анаң чарым литраны [литрні – А.Б.] сразу пір стаканга … э-э [саба – А.Б.] … іке [ікі – А.Б.] стакан [ға] уруп [урып – А.Б.]. Стаканға толдыра уруп [урып – А.Б.], апчах [ол арағаны – А.Б.] тартыбысхан, мин күмес [көмес – А.Б.] ізібіскем, анаң пасхазын [көрігчее артыс салғам – А.Б.]. – Че, мына [син – А.Б.] ізерзің, – тіпчим [тіпчем мин – А.Б.]. Анаң [аның – А.Б.] хызы [көрін килген – А.Б.] … пірее, наверно, ун [он – А.Б.] сигіс па ун [он – А.Б.] тоғыс частығ [полған полар – А.Б.]. Анаң [мин – А.Б.], – Пу хайзы? тіп [Пайатканың – А.Б.] сурапчим, – хызым, – тіпчи [тіпче апсах – А.Б.]. [Анаң мин аның хызына хатығ чоохтанғам пабазынаңар – А.Б.] а хустаа [хости – А.Б.] чуртапчин соседтарда мылча пар за [нооза – А.Б.]. А хызына надо [полған хончыхтарның чахсы чоохтазып, пабазын оларның мылчаларында чууп аларға – А.Б.] … [хызынаң адын ундуп салғам – А.Б.] Наташа полды ба [алай хайди – А.Б.] … э …Наташа, кажется, (мында информатор көрігчінің хызының адын алҷаастапча, аның ады Шурка полған – А.Б.). Мин тіпчим [тіпчем – А.Б.]: – Наташа кильзең [килзең – А.Б.] пеере [пеер – А.Б.], – анаң [ол хыс минзер пас килген – А.Б.]. – Ноға! – тіпчим [тіпчем – А.Б.], – абаңны [пабаңны – А.Б.]! – тіпчим [тіпчем – А.Б.], – пізүнге читіре іди ит салғазың?! Хайди [синің – А.Б.] уйадың чоғыл?! – тіпчим [тіпчем – А.Б.]. [Пабаңны – А.Б.] мыльчаға [мылчаға кирерге – А.Б.] пірее [хончыхтың – А.Б.] мыльча сурбалбачаң [сурап албачаң – А.Б.] ма?! – тіпчим [тіпчем – А.Б.], – піреезі [хайди дее чарадарчых чууныр аларға – А.Б.]

2-чі чардых. Хам Муколка Боргояковтаңар [00:00–10:24].

Паза име [ниме – А.Б.] тібеем мин ағаа анаң [адыма – А.Б.] удырбысхам [одырыбысхам – А.Б.], анаң [ол чоохтаан чирзер парғам – А.Б.] анда ущульдегілер [усть-чулдағылар – А.Б.] турбалтырлар [турып алтырлар, оларның анда – А.Б.], гурттар турҷаң, телятник [полған – А.Б.], маллар [турҷаң – А.Б.]. Анда [ол чирде – А.Б.] ўзен [өзен – А.Б.] піди (информант сол холынаң көзітче), анда ойлет [ойлат – А.Б.] парчатсам, күрзем [көрзем – А.Б.] тігеені аттар чўрчи [чөрча – А.Б.], күрчим [көрчам – А.Б.] пизеелең [пизөлеңнер – А.Б.]. Наверно, чўс метр [че] [оларға читіре полған полар – А.Б.] читкем [андар – А.Б.], күрзем [көрзем – А.Б.], ул [ол – А.Б.] пора тай пу шаабудыр [шаап одыр минзер – А.Б.], унаң ікі азахтың кильчи [килче минзер, алнындағы

азахтарының мині сабарға итче – А. Б.]. Мин хамҷымны систе тартхам-а, анаң [ол асхырны хорыхпин – А. Б.] орали сапхам мин аны. [Ол асхыр миннең тискен – А. Б.], [іди мин позымның адымны – А. Б.] сӱр килгем [нандыра – А. Б.], ноо.

Б. И. Я.: Вот мин ол андыҕ кізілерге маҕат [хайчам – А. Б.], матап киртінчатхам [киртінчеткем оларға чииттең сыҕара – А. Б.]. Мындэ [мында – А. Б.] … э-э …Канзычаков теен кізі кооптажёр пулған [полған – А. Б.], суҕ [сыҕарчаң чирде ол тоҕынған – А. Б.], теегі таҕ тӱзізінде ахчаң суҕду [суҕны сала тың арах ағызар ӱчӱн чир хасханнар – А. Б.] савхоз [совхоз – А. Б.] тузундэ [тузында – А. Б.] и вот ол анда тоҕынчаң. И вот ул [ол – А. Б.] Ущульдэ [Усть-чул аалда – А. Б.] … имедең [нимедең – А. Б.] Пыдырахтаң пір [хамны – А. Б.] … э-э … о-о язбана [аның адын ундуп салдым – А. Б.] (информант сағысха кирче хамның адын) … андыгух [андағох – А. Б.] кізі полған Мыколка теенар [тееннер – А. Б.] аны [анны – А. Б.] … хам.

А. Б.: [Аның фамилиязы – А. Б.] Боргояков [полбаан – А. Б.]?

Б. И. Я.: Ады [кем полдычых? – А. Б.] …

А. Б.: Муколка Боргояков.

Б. И. Я.: Я-я! Вот аҕаа чӱргем [чӧргем – А. Б.] мин.

А. Б.: Э-э.

Б. И. Я.: Іҷем [уҕаа тың – А. Б.] ағырыбысханда, хайдары [хайдар тың – А. Б.], унаң туузылар [тоозылар – А. Б.] пазында [полған – А. Б.]. [Андада мин хамзар – А. Б.] андара [андар – А. Б.] шаап [ойлап – А. Б.] пар килгем мин. Ана [аны ағыларға – А. Б.] … парзам, ул [ол – А. Б.] апчах [апсах – А. Б.] идих [ідӧк – А. Б.], андыгух [андағох – А. Б.] имеде [нимеде – А. Б.] удырчи [одырча – А. Б.] … иді итке тӱӱй [тӧӧй– А. Б.] имес [нимес – А. Б.], анаң мині тіпчи [тіпче – А. Б.]: – О-о, Боргояков, – тіпчи [тіпче – А. Б.], мині танчим [тіпче – А. Б.]. Мин [аҕаа – А. Б.] тіпчим: – Андыҕ-андыҕ кирек [пол парды – А. Б.], – тіпчим. – Сегее [саҕаа – А. Б.] кильдім, а-а [піске полызыҕ кирек – А. Б.], – тіпчим [тіпчем – А. Б.]. [Ол маҕаа нандырча – А. Б.]: – А, хайди [мин – А. Б.] парам, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Мин суухха [соохха – А. Б.] тууп [тооп – А. Б.] парам, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. Мин [тізең – А. Б.] конюх полчатханда [маҕаа ноо ниме, совхозтың аттарын алып алчатпассым ма – А. Б.], пара аттыҕ парҕам [мин – А. Б.], ахсырлыҕ [асхырлыҕ – А. Б.], ікі духаа абамның [пабамнаң алып алҕам – А. Б.], [пірсі – А. Б.] киик тирезінің [теерізінең тігілген – А. Б.], наа духаа [доха – А. Б.] полған, [ікінчізі – А. Б.] адай духаа [дохаазы – А. Б.]. Мин [аҕаа – А. Б.] тіпчим [тіпче – А. Б.]: – Син маҥнанмассың, – тіпчим [тіпчем – А. Б.], – туҕарға, как [піс – А. Б.] Харайда [Харойда – А. Б.] поларбыс! Хе-хе! (информант кӱленче). Анаң тіпчи: – Мында [Харойда – А. Б.] Пахтаев теен апчах [апсах полған – А. Б.], чуртааннар [олар – А. Б.] апчах-ӧрекен [апсах ӧрекенінең хада – А. Б.], а чиитте ул … а пастап [хам – А. Б.] сурапчи [ӧрекенінеңер – А. Б.] … о-ой ул ӱрекенні [ӧрекенні – А. Б.], ой [аның – А. Б.] адын [саңай – А. Б.] ундут салҕам. Ол ӱрекенні [ӧрекенні – А. Б.]: – Хазых па? – сурапчи? Мин тіпчим, – хазых, хазых! – Че ул хазых ползапарабыс, – тіпчи [тіпче хам кізі – А. Б.]. Ам [амды – А. Б.] име [ниме, хам – А. Б.] пинжағыс [пиджағын кизерче – А. Б.], хызы [андох хайынча – А. Б.], [аның – А. Б.] тоже хызы [пар – А. Б.] полтыр, [кип-азаан аҕаа – А. Б.] тастап пиргеннер. Анаң [ӱстӱне, – А. Б.] … э-э … чабал куфайкаҷах [фуфайкаҷах кискен – А. Б.], аны [аны – А. Б.] ул [ол хыс – А. Б.] кизіртібіскен. Анаң киик духаазын [дохазын – А. Б.] кизіртібіскен, адай духаазын [апсахтың – А. Б.] ӱстӱне салған. [Мин андада – А. Б.] кошёвкалыҕ полҕам, анаң [мин нандыра – А. Б.] шаалдыр сыххам, пір часха ибде полҕам мин [Пыдырах аалдаң Харой аалзар іди табырах читкем – А. Б.].

А. Б.: Эм.

Б. И. Я.: Анаң кильгем [килгем – А. Б.], а ул [ол – А. Б.] Канзычаков теен табан аҥчылыҕ [оңдайлыҕ полған – А. Б.] … аҥчыл кізі пулған [полған – А. Б.], аҥнап матап [чӧрҷең – А. Б.], [чахсы – А. Б.] аҥнаҷаң. [Аның алнында – А. Б.] Учульде [Усть-чулда – А. Б.] Муколка апчах [хамнаптыр – А. Б.] хамнапчин турада [оларның анда тылаас пол партыр – А. Б.] … ул [ол Канзычаков теен кізі – А. Б.] киртінмеҷең полтыр хамнарға, ул [ол – А. Б.] аны [анны – А. Б.] хырызып, материть идіп, сыҕара сильбыстыр [силібістір ол – А. Б.] турадаң. Анаң Мыколка апчах [тіптір – А. Б.]: – Ну-у,

Терентий, мин сині [хатығлирбын – А. Б.]!, – тіпчи. – [амды – А. Б.] Кӱрбес [көрбес – А. Б.] нимені көрерзің! – чуухтапчи [чоохтапча – А. Б.]. – Паза [минің – А. Б.] чуух [чоох – А. Б.] чуғыл [сағаа – А. Б.], – тіпчи [ол – А. Б.]. Анаң [Муколканы пеер – А. Б.] апарған [ағылған – А. Б.], хозяин [зер] [айланған – А. Б.]: – Давай мині [нандыра – А. Б.] апар, апар. [Анзы аны – А. Б.] апарып [салған ибінзер – А. Б.]. Анаң хаҷан мин [Муколканы – А. Б.] ағылғандэ [ағылғанда – А. Б.], ул [ол – А. Б.] Терентий [Канзычаков – А. Б.] име [ниме – А. Б.] … кильген [килген – А. Б.] … [Муколканың алнында – А. Б.] пырозынарға, тізектінмалып [тізектеніп алып аның – А. Б.] алында [алнында – А. Б.] суранып пырозынчи [пыросынча – А. Б.] хайдаа [хайдадыр тың – А. Б.], худайға, киль [кил – А. Б.], пазырчи [пазырча – А. Б.]. Анаң [Муколка теен – А. Б.]: – Че, аназын анаң чуухтазарбыс [чоохтазарбыс – А. Б.] – чуухтапчи [чоохтапча ол – А. Б.]. Чон [тізең ол тусха ибге – А. Б.] тул [тол – А. Б.] килген. Анаң, киль [кил – А. Б.], хамнаан ул [ол – А. Б.], у-ух хамнаң даа туғызы [тоғызы – А. Б.] хандыра [аар полтыр – А. Б.], анаң [ол – А. Б.] мині удырт [одырт – А. Б.] салған іҷемнің хыринда, абамны [пабамны, тізең – А. Б.] ууртах [оортах – А. Б.] удырт [одырт – А. Б.] салған. Туңмам, э-э пиҷем, тоже ағырсыххан, [аның – А. Б.] име [ниме пол парған, ол – А. Б.] пала никтенген суунаң [соонаң – А. Б.] име [ниме, аның – А. Б.] имҷегі, сізіп, майыхтырчатхан [аны – А. Б.]. [Хам Муколка – А. Б.] ағаа хамнаан. Анаң [хам – А. Б.] ӱкпеленчи [өкпеленче чабал нимее – А. Б.], [аның хада – А. Б.] ағас чірче мындығ пулған (информант холларынаң көзітче – А. Б.), [мин андар – А. Б.] араға урпирчим [ур пирчем – А. Б.]. [Ол – А. Б.] унаға [онаға – А. Б.] ла [чабал ниме – А. Б.] тарынып, киль, [кил – А. Б.] сильчи [силче аны – А. Б.], айах пырлахтана піди (информант, оң холынаң ибіріп, көзітче, хайди айах прай тураҷа күнгер пырлахтанған – А. Б.) айлахтан чӱрчи [чӧрче – А. Б.], анаң тохтап парчи [парча – А. Б.]. Анаң [мин – А. Б.] пазух [пазох ол айахха араға – А. Б.] урпирчим [ур пирчем ол – А. Б.], аны ізібісче. Анаң тохтап парчи. Анаң [ол – А. Б.] пасха кізілерді [кізілерні имнеен – А. Б.] … в общем [олар – А. Б.], хараа тууза [тооза – А. Б.] сіреніслееннер. Анаң ікінҷезінде [ікінҷізінде хамнааңда – А. Б.], [пазағы күнінде – А. Б.] иирде, халғанҷізін хамнап итіп [идіп – А. Б.], «че!» тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Боргояков, мині апар – тіпчи [тіпче – А. Б.]. [Мин ағаа ідӧк – А. Б.]: – Че, давай! [теем, апар салим – А. Б.]. Анаң ахсырды [асхырны – А. Б.] кӱліп [көліп – А. Б.], сразу [аны – А. Б.] удыртып [одыртып – А. Б.], анаң чулда [чолда ол – А. Б.] чуухтап [чоохтап – А. Б.] парчи меге [маға – А. Б.]: – Мин, – тіпчи, – пӱӱн ун ікі час хараа [сірерзер хатабох – А. Б.] килерім-а, Боргояков, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. А мин тіпчим: – А, син хайди килерзің?, – тіпчим [тіпчем – А. Б.]. – А, вот ам [амды – А. Б.] чуухтап [чоохтап – А. Б.] пирем, – тіпчи [тіпче хам Муколка – А. Б.]. – Мин пӱӱрӱ [пӱӱр – А. Б.] пулбалып [полып алып – А. Б.], килерім, – тіпчи. – Хара пӱӱрӱ [пӱӱр – А. Б.] пулбалып [полып алып килерім – А. Б.], [син – А. Б.] ісікті [ізікті – А. Б.] хуғзах [сала азых – А. Б.] артыс саларзың, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Чаптыра чаппа, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – И удыр [одыр – А. Б.], – тіпчи [тіпче – А. Б.]. Іҷеңнің хыринда ун ікі часха, хараа, покуда мин киліп име [ниме – А. Б.] итіп [идіп – А. Б.] парғанҷа. Анаң [ол – А. Б.] чуухтапчи [чоохтапча – А. Б.]: – Вот іди кильзем [кил парзам – А. Б.], ісікте [ізікті – А. Б.] кӱрерзің [көрерзің – А. Б.], мин чылтырама хара пӱӱрӱ [пӱӱр – А. Б.] поларым, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. Анаң кіреп [кіріп – А. Б.] ікі хада [хати – А. Б.] пасчӱрем [пас чӧрем – А. Б.], – тіпчи [тіпче хам Муколка – А. Б.] (информант оң холының көзітче, хайди ол пӱӱр, тура істінзер кіріп, күнгер ибіріп чӧрген). Іҷеңні чыстирім, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. Анаң тіпчи: – Если, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – [минің хам – А. Б.] кӱзӱм [кӱзім – А. Б.] сыдазы [сыдаза – А. Б.], – тіпчи [тіпче – А. Б.], – іҷең, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – има [ниме – А. Б.], мин парыбысхан суунда [соонаң – А. Б.] хыңнанар, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – табыс искілер [истілер – А. Б.], – тіпчи [тіпче – А. Б.], – или айленер [айланар – А. Б.] синзері [синзер – А. Б.]. – Анаң сразу, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – [іҷеңні – А. Б.] турғуза [турғыстыра – А. Б.] тартарзың, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – күтенге [көтенге – А. Б.] одыртыра и сразу, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – азырирзең [аны – А. Б.], чиис [азынада – А. Б.]

пилектеп сал, – тіпчи [тіпче – А. Б.], – [ол – А. Б.] сразу [чиис – А. Б.] чир, ханҷа [нинҷе – А. Б.] күн [чадығда – А. Б.] чатпари, чиис [чиизі – А. Б.] чоғыл, чібеен, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Сразу азыирзең [іҷеңні – А. Б.], – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Азырап [салзаң – А. Б.], [іҷең – А. Б.] чиис чибалдох [чіп алзох – А. Б.] анаң [ол – А. Б.] чатсын, анаң [син – А. Б.] сразу … име [ниме – А. Б.] … сағынарзың, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Миң [минің – А. Б.] күзүм [күзім – А. Б.], [іҷеңнің ағыриина – А. Б.] сыдаан, а [ол – А. Б.] хатығ хулға [холға – А. Б.], кіртір, – тіпчи [тіпче – А. Б.]. – Іҷең, минең … но меге [мағаа чабал ниме – А. Б.] сыдабады, – тіпчи [тіпче – А. Б.].

Тоже хам [кізі – А. Б.] худын апарбыстыр [апарыбыстыр – А. Б.] іҷемнің, и вот Мыколка-апчах [анны нандыра – А. Б.] пылазбалған [пылазып алған – А. Б.], анаң азахха турғысхан зе іҷемні, и пиҷем нииктель [нииктен – А. Б.] парған. Име [ниме – А. Б.] (хамны тоғызы учун сыйлирге кирек, ибде, тізең, араға тоозыл парған, анаңар [аннаңар – А. Б.] информант литовец хонҷыхтарзар парған – А. Б.) ул [ол – А. Б.] литовестер [литовецтер – А. Б.], [олар пеер – А. Б.] ағылған чун [чон – А. Б.], [пістің – А. Б.] ахча чуғыл араға аларға хамны име [ниме – А. Б.] идерге … о-ой име [ниме чи, сыйлирге – А. Б.]. Абам тире [теері – А. Б.] итчаң [истеҷең – А. Б.], тууп [ниме, пырай – А. Б.] чазыра [истеҷең, посха тоғынарға колхозта чарадылбаҷаң – А. Б.]. Аның чарым [теері полған – А. Б.], тууп тире [теері – А. Б.] полған ит салған [идіп алған – А. Б.] пилен. А литовестер [литовецтер – А. Б.] ботинка [кизіп чөрҷеңнер – А. Б.], ағас ботинка [оларның полҷаң – А. Б.], мына үстү ле [түрейлерін ле – А. Б.] тууптаң ит сальҷаңнар [салҷаңнар – А. Б.]. Анаң мында пір литовес чуртаан, ағаа тоғызон салковайға садыбысхам [ол чарым тееріні – А. Б.], анаң [ол ахчаа – А. Б.] чарым литр спирт [алыбысхам ол – А. Б.] тоғызон салковай полған андада. Анаң іди іҷемні турғысхан Мыколка-апчах. Ой, сыбыра спасибо ла мин тіпчим ағаа!

3-ҷі чардых. Хамны алғааны [00:03–05:12].

Б. И. Я.: Каждый кізінің [позыныӈ – А. Б.] чуртазы [ӱлӱзі, позыныӈ – А. Б.] учазында чӱрчи [чөрче – А. Б.].

А. Б.: А-а [пілдістіг – А. Б.].

Б. И. Я.: Син ам [мында чахсы ла – А. Б.] пас паризең [я, че – А. Б.] амух [амох, тізең, мында – А. Б.] аңдарыл паразың [позың даа оңарынмин халарзың – А. Б.] …, а ноға [мында – А. Б.] аңдарыл парғазың [тӱс чирде – А. Б.]? Худайға пазырбаазың нооза [аннаңар андағ ниме пол парча – А. Б.]! Мин ам иирде [орғанға – А. Б.] чадарға [итсем – А. Б.] … тӱзекке чадарға [итсем – А. Б.] … мин [пастап сыбыра – А. Б.] худайға пазырбалып [пазырып алып – А. Б.] анаң [на – А. Б.] чатчим [чатчам – А. Б.]. А вот [позым позымны – А. Б.] сағынчим [сағынчам – А. Б.], – худайға пазырбаазың [полған ползаң – А. Б.], пізӱн [пу син – А. Б.], пізӱн чазыма читірерзің [чит поларчыхсың ма, чох па – А. Б.]? Чуртиге сидік нооза [чуртас ол оой ла ниме нимес – А. Б.].

А. Б.: Эғм.

Б. И. Я.: Кізілер вон [піреелері – А. Б.] сигізон часты [чазап алчалар – А. Б.], [хай піреелері] сигізон писха [писке – А. Б.] читіре [чуртапчалар – А. Б.], анаң [азыра – А. Б.] ас полбанҷилер [полбаанчалар – А. Б.]. Минің ханҷа [нинҷе – А. Б.] харындас [харындастарым – А. Б.] … целый ферма [тігі сӧӧктерде – А. Б.] чатчи (информант сол холынаң сӧӧктерзер көзітче – А. Б.) … сӧӧктерде [прайзы чатхлапчалар – А. Б.]. Вот [мин, тізең, оларны – А. Б.] … пырайларын ас парғам часха [частаң – А. Б.], абам-іҷем [ідӧк – А. Б.] читон азыра ла частығ [полғанда чирзер – А. Б.] чатхлабысханнар, вот [андағ ниме – А. Б.]. А вот ам [амды сірернің хада – А. Б.] санабылалар [санап алаалар минің чазымны – А. Б.] мин [позым – А. Б.] отыс ікі чылдаңзым. Ханҷа [нинҷе – А. Б.] час [толды – А. Б.] мағаа?

А. Б.: Так амох [санап көреелер – А. Б.], отыс ікі чылдаң … так … тоғызон іке парчизер [парчазар – А. Б.].

Б. И. Я.: Вот ам [киріп парғанда – А. Б.] … ағырып ла [чөрчем, че ідӧк ле – А. Б.] сіренчим [ағырығларға пастырбасха – А. Б.], вот [худайдаң сағам – А. Б.] чӱрчим [чөрчем – А. Б.].

А. Б.: А вот [минің мындағ сурығ пар – А. Б.], ниме чи, хамнар же [пістің кибірі

хостыра – А. Б.] худайдаң тоғыр ниместер, я? …Или [алай – А. Б.] хайди олар [тигірдегі худайға хайчалар – А. Б.]?

Б. И. Я.: Чо-то [мин синің чооғыңны – А. Б.] піл [истіп – А. Б.] полбаан [полбин – А. Б.] халдым? [Тыыда чоохтан, минің хулағым хатығ полыбысты – А. Б.].

А. Б.: Но-о, пірее кізілер тіпчилер, что [пастағы – А. Б.] хамны [Ирлік-хан чайап салтыр – А. Б.] … [аннаңар – А. Б.] хам киреді [уғаа хомай ниме – А. Б.] худайдаң тоғыр [полча – А. Б.]. Андығ полар ба? Мин [итсе де анзына – А. Б.] киртінминҷим [киртінминчем – А. Б.]!

А. Б.: Чох [киртінминчем – А. Б.]! [ол кізілер – А. Б.] тіпчилер [тіпчелер – А. Б.], что … име [ниме – А. Б.] чи, как будто хамнар [тигірдегі – А. Б.] худайға киртінминҷилер [киртінминчелер – А. Б.].

Б. И. Я. (Пу сурығ соонаң информант чоо ӱрӱк парып, турча, сым пол парып, анаң сала тарын парып, чоохтан сыххан – А. Б.): То-о-ой [хайдағ орли ла чоох – А. Б.]! Андығ [андағ тылаас чоохтапчатхан – А. Б.] кізіні хайди чуухтирге [чоохтирға – А. Б.], пазы чух [чох – А. Б.] кізі ул [ол – А. Б.]?!

А. Б. (Хости турған учёнайлар прайзы хатхырысчалар): А-а.

Б. И. Я.: Андығ [андағ тайма – А. Б.] киректі [итчең – А. Б.] … іди [хомай – А. Б.] сағынчин [кізілер, олар постың чозағын тастабысхан кізілер полча – А. Б.]. [Сынында ниме пілчеңкӧрчең – А. Б.] кізілерге надо … име [ниме – А. Б.], просто … хайди чуухтирге [чоохтирға – А. Б.] – спасибо пирерге [кирек – А. Б.], хамнарға особенно! [оларны – А. Б.] пырай піди [улуғлирға кирек – А. Б.]! А, вот [хомай итчең – А. Б.] кізіні, чабал итчин кізіні [чеек хамны, сыбырағчыны аннаң даа пасхаларын – А. Б.], вот ул [ол хомай итчеткен – А. Б.] кізіні надо вообще пу чирде чӱргеспеске [чӧргіспеске – А. Б.]. Чарабас [оларға – А. Б.] іди [хомай – А. Б.] идерге [пырозы чох – А. Б.] кізіні! Вот ноға мының алнында [кізілер хамға чӧрчеңнер – А. Б.] … ам [амды – А. Б.] албыл [алып ал кемні – А. Б.] … [ады – А. Б.] кем [полдычых – А. Б.], э-э [хам – А. Б.], Миколка [Боргояков полған – А. Б.] … [Полған на – А. Б.] кізіден [чи – А. Б.], э-э, хайди тіпчилер … каждый кізінің хада тӱреен [төреен нимезі пар полча – А. Б.] ӱрі [ӧӧрі – А. Б.] адапчилер аны. [Ол – А. Б.] име [ниме – А. Б.] ханҷа [нинҷе – А. Б.] чыл чуртирге, хайди [сағаа чуртирға – А. Б.], а пасха [чеек – А. Б.] хам [аны пірееде – А. Б.] пыласси [пыласча – А. Б.]. [Кӧзідімге алза – А. Б.] минің худумны [худымны – А. Б.] албалчи [алып алча, анаң – А. Б.], пасха кізее турғузыбысси [турғызыбысча – А. Б.], ол кізі чахсы пол парчи [парча, ол чазалча – А. Б.], а пу кізі [тізең – А. Б.] тӱс парчи [худын пыластырт салып, ӱреп парча – А. Б.]. Вот [андағ ниме пол парча – А. Б.] … а вот [син позың – А. Б.] сыдабазаң [чабал ниме – А. Б.], всё [киреғің уйан полар – А. Б.] … пу [даа, сині имнепчатхан хам ол – А. Б.] хам ағырар, сыдир ба сыдабас па [пілдізі чоғыл – А. Б.]. Вот іди сіреніслепчилер [олар – А. Б.] … вот кӱстӱгох [кӱстігох – А. Б.] хамнар – молодецтер! Мин ӱринчим [ӧрінчем – А. Б.] андығ [андағ – А. Б.] кізілерні [тоғасханыма – А. Б.]! [Чадыға кір парған – А. Б.], іҷемні [азахха – А. Б.] турғусхан [турғысхан хам – А. Б.] Мыколка, аның соонда іҷем [чазыл парып – А. Б.] нинҷе чыл [хазых – А. Б.] чӱрді [чӧрді – А. Б.], чуртады, таң, он пис чыл чуртады.

Почти три века шаманство подвергалось запрету и гонениям, первоначально со стороны духовенства [Майнагашев, 2007, с. 27; Широков, 2022, с. 47–48], особенно его низового звена[1], а впоследствии – партийно-советского актива. Причём в Советском Союзе преследованиям подверглись представители всех религий. В результате к концу 20-х гг. XX в. традиционная публичная религиозно-мистическая деятельность шаманов была свёрнута [Бутанаев, 2006, с. 137], и их функции сузились до частных магико-лечебных сеансов. Но, несмотря на все усилия властей, полностью изжить шаманские верования не удалось, шаманизм в очередной раз продемонстрировал свою гибкость и приспособляемость. С распадом СССР и ослаблением идеологических пут шаманизм снова занял своё место в мистическом сегменте духовной культуры, но уже в ином виде, в форме хакасского неошаманизма.

В ходе полевой экспедиции 2023 г. нам удалось взять интервью у И. Я. Боргоякова,

[1] Не шаманист. Шаманы и их официальные противники//Минусинский листок. 1915. № 58. С. 1–2.

который из всех информантов наиболее конкретно и ярко рассказал об отношении хакасов к шаманам и «видящим» людям (*көрігчі*).

Заключение

Собранный нами материал подтверждает сведения, записанные финским учёным-филологом А. М. Кастреном [Этнография и хакасский фольклор, 2016, с. 152–153] и хакасским краеведом Н. С. Тенешевым (50-е гг. XX в.), о том, что, несмотря на существование единичных злобных шаманов (*чеек/чик хамнар*), могущих принести как вред, так и пользу, шаманство в целом являлось позитивным явлением и неотъемлемой частью автохтонной религии. В целом в хакасской традиции считалось, что шаманы созданы самим богом для защиты людей от негативного воздействия различных зловредных духов Среднего мира и жителей Подземного мира. И лишь впоследствии под влиянием православных священников, нещадно боровшихся с автохтонными верованиями и пытавшихся искоренить шаманизм, распространились представления о шаманах как о слугах дьявола. С течением времени такая интерпретация роли шаманов отчасти была воспринята отдельными представителями хакасского народа.

Мы надеемся, что опубликованные материалы станут нашим небольшим вкладом в объективную оценку хакасского шаманизма.

Источники

Полевые материалы автора 2023 года – с. Харой Таштыпского р-на Республики Хакасия).

Информант – Боргояков Иван Яковлевич (хакасское имя Хара Ваня), 1931 г. р., сӧӧк Хобый, родился в селе Усть-Чуль Аскизского р-на РХ, с 1932 г. и по настоящее время проживает в с. Харой Таштыпского р-на РХ, профессия – рабочий, трудился на многих должностях в полеводстве и животноводстве, сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Литература

Банзаров Д. Чёрная вера, или шаманство у монголов // Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 48–100.

Банников К. Л. Феномен шаманства в мировой культуре // Янагита Кунио. Японский шаманизм (Фудзё Ко)/Кунио Янагита [Ёдзю Кавамура]; пер. с япон. Н. А. Невский; отв. ред.-сост. К. Л. Банников. М.: Изд-во «Альма Матер», 2023. С. 94–118.

Богораз В. Г. Чукчи: Религия / Вступ. ст. И. С. Вдовина. Под. ред. Ю. П. Францова. Изд. стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2017. 208 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. 254 с.

Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Предисл. и прим. В. А. Дмитриева. Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; изд. 2-е. СПб.: Русская симфония, 2007. 816 с.

Гмелин И. Г. Путешествие через Сибирь с 1733 по 1743 годы (перевод Г. И. Дориной) // Ада чир-суу – Отечество: краеведческий альманах. Абакан: [б. и.], 2015. Вып. 3. С. 135–164.

Майнагашев С. Д. Отчёт по поездке к турецким племенам долины р. Абакан летом 1913 года С. Д. Майнагашева // Этнографические экспедиции Н. Ф. Катанова (1896) и С. Д. Майнагашева (1913–1914) в Хакасии. Сост.: В. Н. Тугужекова, А. С. Чочиева. Абакан: [б. и.], 2007. С. 26–31.

Чертыков В. К. Историко-этнографическое изучение Хакасско-Минусинского края в XVIII – первой половине XIX века. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. 254 с.

Чертыков В. К. Историко-этнографическое изучение Хакасско-Минусинского края в 50-е – 80-е годы XIX века. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2022. 352 с.

Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 6) / Отв. ред. В. И. Харитонова. М.: ИЭА РАН, 2000. 338 с.

Широков А. С. Воспоминания, записки, очерки. Минусинск, 2022. 154 с.

Этнография и хакасский фольклор глазами немецкоязычных исследователей XIX века: сборник научных работ и фольклорных текстов: пер. с нем. / отв. ред. И. П. Амзаракова, А. В. Лоевская; под общ. ред. И. П. Амзараковой. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2016. 192 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея //

Е. К. Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Описание минусинского музея. Выпуск IV. Отдел этнографический. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 122 с.

References

Bannikov K. L. Fenomen shamanstva v mirovoi kul'ture [The phenomenon of shamanism in world culture]. In: Yanagita Kunio. Japanese shamanism (Fudze Ko) / Kunio Yanagita [Edzyu Kavamura]; translation from Japanese by N. A. Nevsky; executive editor-compiler K. L. Bannikov. Moscow, "Alma Mater" Publ., 2023, pp. 94–118. (In Russian).

Banzarov D. Chernaya vera, ili shamanstvo u mongolov [Black faith, or shamanism among the Mongols]. In: Banzarov D. Collected works. Moscow, the USSR Academy of Sciences Publ., 1955, pp. 48–100. (In Russian).

Bogoraz V. G. Chukchi: Religiya [The Chukchi: Religion] / Introduction by I. S. Vdovina. Edited by Yu. P. Frantsova. Stereotypical edition. Moscow, LENAND, 2017, 208 p. (In Russian).

Butanaev V. Ya. Traditsionnyi shamanizm Khongoraya [Traditional shamanism of Khongorai]. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2006, 254 p. (In Russian).

Chertykov V. K. Istoriko-etnograficheskoe izuchenie Khakassko-Minusinskogo kraya v XVIII – pervoi polovine XIX veka [Historical and ethnographic study of the Khakass-Minusinsk Region in the 18th – first half of the 19th century]. Abakan, OOO Book House "Brigantina", 2018, 254 p. (In Russian).

Chertykov V. K. Istoriko-etnograficheskoe izuchenie Khakassko-Minusinskogo kraya v 50-e – 80-e gody XIX veka [Historical and ethnographic study of the Khakass-Minusinsk Region in the 50s – 80s of the 19th century]. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book House, 2022, 352 p. (In Russian).

Etnografiya i khakasskii fol'klor glazami nemetskoya zychnykh issledovatelei XIX veka [Ethnography and Khakass folklore through the eyes of German-speaking researchers of the 19th century]. In: Collection of scientific works and folklore texts: translation from German by / executive editors I. P. Amzarakova, A. V. Loevskaya; general editorship by I. P. Amzarakova. Abakan, N. F. Katanov Khakass State University Publ., 2016, 192 p. (In Russian).

Georgi I. G. Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov: ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, uprazhnenii, zabav, veroispovedanii i drugikh dostopamyatnostei [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia] / Preface and note by V. A. Dmitriev. Reprented from the edition of 1799 with corrections and additions; the 2nd edition. Saint Petersburg, Russian Symphony, 2007, 816 p. (In Russian).

Gmelin I. G. Puteshestvie cherez Sibir' s 1733 po 1743 gody (perevod G. I. Dorinoi) [Journey through Siberia from 1733 to 1743 (translated by G. I. Dorina)]. *Ada chir-suu – Fatherland: local history almanac*. Abakan, [without a publisher], 2015, the 3rd edition, pp. 135–164. (In Russian).

Mainagashev S. D. Otchet po poezdke k turetskim plemenam doliny r. Abakan letom 1913 goda S. D. Mainagasheva [Report on a trip to the Turkish tribes of the Abakan River Valley in the summer of 1913 by S. D. Mainagashev]. In: Ethnographic expeditions of N. F. Katanov (1896) and S. D. Mainagashev (1913–1914) in Khakassia. Compilers V. N. Tuguzhekova, A. S. Chochieva. Abakan, [without a publisher], 2007, pp. 26–31. (In Russian).

Shamanskii dar. K 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk Anny Vasil'evny Smolyak (Etnologicheskie issledovaniya po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniyam i praktikam. Tom 6) [Shamanic Gift. On the 80th anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Anna Vasilyevna Smolyak (Ethnological research on shamanism and other traditional beliefs and practices. Volume 6)] / Executive editor V. I. Kharitonova. Moscow, Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2000, 338 p. (In Russian).

Shirokov A. S. Vospominaniya, zapiski, ocherki [Memoirs, notes, essays]. Minusinsk, 2022, 154 p. (In Russian).

Yakovlev E. K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya [Ethnographic review of the indigenous population of the Southern Yenisei Valley]. In: E. K. Yakovlev. Ethnographic review of the indigenous population of the Southern Yenisei Valley and Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum. Issue 4. Ethnography. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, 122 p. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.52782/KRIL.2023.2.38.013
УДК 655.552+811.512.153

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ И. М. ЧЕБОЧАКОВОЙ «РОЛЬ ГЛАГОЛА В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА». АБАКАН: ХАКАССКОЕ КН. ИЗД-ВО, 2022. 162 с., ISBN 978-5-7091-0959-9

Б. Ч. Ооржак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, ул. Кочетова, 4, Кызыл, 667010, Россия; email: oorzhak.baylak@mail.ru

Статья посвящена анализу содержания монографии И. М. Чебочаковой «Роль глагола в словообразовательной системе хакасского языка», выпущенной в 2022 году. Рецензируемая работа посвящена исследованию структурно-семантических особенностей отглагольных производных существительных хакасского языка, что ранее не было объектом специального анализа. Исследования в данной области весьма интересны и актуальны, поскольку позволяют выявить роль частей речи в образовании производных слов, установить направление развития словообразовательных процессов в тюркских языках. Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Автор рассмотрел происхождение словообразовательных аффиксов девербативов, участие многозначной основы в словообразовательном процессе, произвел семантическую классификацию производных слов (имена действия, имена субъекта действия, имена объекта действия, имена результата действия и имена времени действия), выявил особенности функционирования в текстах на хакасском языке имен действий, образованных при помощи продуктивных сегодня аффиксов *=ыс* и *=ығ*. Анализ производных слов, образованных от основы многозначного глагола *тут=* ‘держать’, показал, что в словообразовательном процессе задействуются в большей мере отдельные значения многозначной основы. Разработанное в рецензируемой монографии направление перспективно для изучения синхронного состояния тюркских языков, в научный оборот введена значимая информация. Полученные результаты могут быть использованы при составлении словообразовательного словаря хакасского языка, двуязычных словарей, пособий для школ и вузов, спецкурсов по словообразованию тюркских языков.

Ключевые слова: хакасский язык, словообразование, монография, аффикс.

REVIEW OF I. M. CHEBOCHAKOVA’S MONOGRAPH “ROLE OF A VERB IN THE WORD-FORMATION SYSTEM OF THE KHAKASS LANGUAGE”. ABAKAN: KHAKASS PUBLISHING HOUSE, 2022. 162 P. ISBN 978-5-7091-0959-9

Baylak Ch. Oorzhak

Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, 4 Kochetov Str., Kyzyl, 667010, Russia; email: oorzhak.baylak@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the content of I. M. Chebochakova’s monograph “Role of a verb in the word-formation system of the Khakass language” published in 2022. The reviewed work is devoted to the study of the structural and semantic features of verbal derivatives of nouns in the Khakass language, which has not previously been the object of a special analysis. Research in this area is very interesting and relevant, because it allows us to identify the role of parts of speech in the formation of derived words, to establish the direction of the development of word-formation processes in Turkic languages. The monograph consists of an introduction, three chapters and a conclusion. The author examined the origin of the word-forming affixes of deverbatives, the participation of a multivalued basis in the word-formation process, made a semantic classification of derived words (action names, action subject names,

action object names, action result names and action time names), identified the features of the functioning of action names in texts in the Khakass language formed with the help of productive today affixes *=ys* and *=yg*. The analysis of the derivatives of words, formed from the basis of the polysemous verb *tut=* 'to hold/to keep', showed that the word-formation process involves to a greater extent the individual meanings of the polysemous basis. The direction developed in the reviewed monograph is promising for studying the synchronous state of Turkic languages, significant information has been introduced into scientific discourse. The results obtained can be used in the compilation of a word-formation dictionary of the Khakass language, bilingual dictionaries, manuals for schools and universities, special courses on the word formation of Turkic languages.

Keywords: Khakass language, word formation, monograph, affix.

Монография И. М. Чебочаковой «Роль глагола в словообразовательной системе хакасского языка» [2022] посвящена исследованию структурно-семантических особенностей отглагольных производных существительных хакасского языка, что ранее не было объектом специального анализа. Анализируются такие единицы, как словообразовательные гнезда, описание которых выполнено на интересном эмпирическом материале. Исследования в данной области весьма интересны и актуальны, поскольку позволяют выявить роль частей речи в образовании производных слов, установить направление развития словообразовательных процессов в тюркских языках.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения.

В первой главе представлено описание общетеоретических вопросов словообразования, история изучения словообразовательных явлений. Автор труда концентрирует свое внимание на тех аспектах хакасского словообразования, которые связаны с его типологическими характеристиками, что является правильным. Она утверждает, что морфонологические преобразования основы в процессе развития языка ведут к разрыву словообразовательных связей между производным и производящим словами и появлению новых словообразовательных гнезд. Для сибирской тюркологии данное положение является новым, особенно интересен тот факт, что для хакасского языка большое значение имеют морфонологические процессы, видоизменяющие внешний облик слов. Важным моментом в первой главе является параграф, посвященный влиянию языковых контактов на систему словообразования.

Во второй главе рассматривается роль глагола в системе словообразования хакасского языка. Автор, опираясь на труды известных тюркологов, рассматривает происхождение словообразовательных аффиксов девербативов, которые, в основном, восходят к древним причастным показателям. Представлена семантическая классификация производных слов (имена действия, имена субъекта действия, имена объекта действия, имена результата действия и имена времени действия). Интересным аспектом второй главы стал параграф, посвященный участию многозначной основы в словообразовательном процессе: анализ производных слов, образованных от основы многозначного глагола *myt=* 'держать', показал, что в словообразовательном процессе задействуются в большей мере отдельные значения многозначной основы. При этом возможно дальнейшее наращение основ глаголов показателями существительных, называющих действия и процессы, от которых, в свою очередь, могут быть образованы прилагательные со значением наличия и местонахождения. Исследование многозначной основы с точки зрения словопроизводства в сибирских тюркских языках ранее не производилось, поэтому этот вывод достаточно интересен, но хотелось увидеть результаты анализа автором не одного многозначного глагола, а нескольких. Также интересна роль залоговых показателей в расширении состава словообразовательных гнезд, четко прослеживается их активное участие в формировании производных слов. Эта тема в полной мере не раскрыта на материале сибирских тюркских языков, надеемся, что автор в будущем посвятит этой теме специальное исследование.

В третьей главе работы рассматриваются имена действия, образованные при помощи продуктивных сегодня в хакасском языке аффиксов *=ыс* и *=ыг*, с точки зрения их функ-

ционирования в текстах. Сравнение их роли в текстах разной жанровой принадлежности (героических эпосов, художественных и публицистических) показало, что в языке хакасского героического эпоса рассматриваемые единицы встречаются редко. Как отмечает автор: «Путем применения статистического метода установлено, что в языке героического эпоса Алтын Арыг представлено 2 существительных с аффиксом *=ыс* и 12 – с аффиксом *=ыг*. В языке эпоса «Ай Хуучын» наличествуют три существительных с аффиксом *=ыс* и 9 – с аффиксом *=ыг*. Все эти существительные употребляются в рассматриваемых текстах редко, и часть из них связана отношениями фразеологизированного характера с соседней единицей, то есть являются компонентами сложных слов и фразеологизмов» [Чебочакова, 2022, с. 105–106]. Таким образом, И. М. Чебочаковой установлена ограниченность функционирования производных существительных, называющих действия, в текстах хакасского фольклора. В художественных и публицистических произведениях же существительные на *=ыс* и *=ыг* свободно используются в разных падежах, выступая в роли всех членов предложения, выступают компонентами изафетных словосочетаний. В то же время они в необходимых случаях отражают валентность производящего глагола.

В заключении представлены основные результаты исследования.

Разработанное в рецензируемой монографии направление перспективно для изучения синхронного состояния тюркских языков, в научный оборот введена значимая информация. Полученные результаты могут быть использованы при составлении словообразовательного словаря хакасского языка, двуязычных словарей, пособий для школ и вузов, спецкурсов по словообразованию тюркских языков. Работа имеет четкую структуру, предлагаемый в ней функционально-семантический подход позволяет оценить развитие словообразовательных процессов хакасского языка.

Литература

Чебочакова И. М. Роль глагола в словообразовательной системе хакасского языка. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2022. 162 с.

References

Chebochakova I. M. Rol' glagola v slovoobrazovatel'noi sisteme khakasskogo yazyka [Role of the verb in the word-formation system of the Khakass language]. Abakan, Khakass Publishing House, 2022, 162 p. (In Russian).

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 2(38) 2023

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Корректор *Е. Е. Меткижекова*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюкпиековой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: +(3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 19.12.2023.
Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 13,0. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 200 экз. Заказ № 456.
Дата выхода в свет 21.12.2023.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.